
UNIVERSITY OF TORONTO
3 1761 00295449 3

СОЧИНЕНІЯ

КАРАМЗИНА.

ТОМЪ ТРЕТІЙ.

МОСКВА,
ВЪ Типографіи С. Селивановскаго,
1803.

Съ дозволенія
Московскаго Гражданскаго Губернатора.

Съ дозволенія
Московскаго Гражданскаго Губернатора.

ПИСЬМА

РУСКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

ЧАСТЬ II.

СОЧИНЕНІЯ КАРАМЗИНА.

ТОМЪ III.

ПИСЬМА РУСКАГО ПУТЕШЕСТВЕННИКА.

ЧАСТЬ II.

Іюля 31.

Нынѣ ѣздилъ я въ деревню Бергенъ, которой имя очень извѣстно: подлѣ нее было въ 1759 году, 13 Апрѣля, кровопролитное сраженіе между Французами и соединенною

Гановерскою и Гессенскою арміею; послѣднею коммандовалъ Брауншвейгской Принцъ Фердинандъ, а первыми, которые остались побѣдителями, Маршалъ Брольй.

Въ здѣшней ратушѣ, называемой *Римляниномъ* (Römer), показываютъ путешественникамъ ту залу, въ которой обѣдаетъ новоизбранной Императоръ, и гдѣ стоятъ портреты всѣхъ Императоровъ отъ Конрада I до Карла VI. Кто не пожалѣетъ червонца, тотъ тамъ же въ архивѣ можетъ видѣть и славную *золотую Буллу*, или договоръ Императора Карла IV съ Государственными Чинами, написанной на 43 пергаментныхъ листахъ и названной симъ именемъ отъ золотой печати, висящей на черныхъ и желтыхъ шелковыхъ снуркахъ. На сей печати изображенъ Императоръ, сидящій на тронѣ, а на другой сторонѣ Римская крѣпость, или такъ называемой

замокъ Св. Ангела (il castello di S. Angelo) съ словами aurea Roma (золотой Римъ), которыя расположены въ трехъ линіяхъ такимъ образомъ:

aur
ear
oma

Я былъ и въ каѳедральной церкви Католиковъ, гдѣ по уставу Майнцкой Архіепископъ коронуетъ избраннаго Императора. Тутъ бросилась мнѣ въ глаза статуя Маріи въ бѣломъ кисейномъ платьѣ. Часто ли шьютъ ей обновы? спросилъ я у моего провожатаго. Изъ году въ годъ, отвѣчалъ онъ.— Хотя главная церковь въ городѣ принадлежитъ Католикамъ, однакожь господствующая Религія во Франкфуртѣ есть Лютеранская, и Католицкому Духовенству запрещено ходить въ процессіи по улицамъ. Здѣсь очень много и Реформатовъ, по большой части Фран-

цузовъ, выгнанныхъ изъ отечества Людовикомъ XIV; но они не могутъ имѣть участія въ правленіи города, и даже не смѣютъ всенародно отправлять своего богослуженія, въ такомъ городѣ, гдѣ Жиды имѣютъ Синагогу. Такая нетерпимость конечно не служитъ къ чести Франкфуртскаго Правительства.

Жидовъ считается здѣсь болѣе 7000. Всѣ они должны жить въ одной улицѣ, которая такъ нечиста, что не льзя итти по ней не зажавъ носу. Жалко смотрѣть на сихъ нещастныхъ людей, столь униженныхъ между человѣками! Платье ихъ состоитъ по большой части изъ засаленныхъ лоскутковъ, сквозь которые видно нагое тѣло. По воскресеньямъ, въ тотъ часъ, когда начинается служба въ Христіянскихъ церквахъ, запираютъ ихъ улицу, и бѣдные Жиды какъ невольники сидятъ въ своей

клѣткѣ до окончанія службы; и на ночь запираютъ ихъ такимъ же образомъ. Сверьхъ сего принужденія, естьли случится въ городѣ пожаръ, то они обязаны везти туда воду и тушить огонь.

Между Франкфуртскими Жидами есть и богатые; но сіи богатые живутъ по большой части такъ же нечисто, какъ бѣдные. Я познакомился съ однимъ изъ нихъ, умнымъ, знающимъ человѣкомъ. Онъ пригласилъ меня къ себѣ, и принялъ очень учтиво. Молодая жена его, родомъ Француженка, говоритъ хорошо и по-Французски и по-Нѣмецки. Съ удовольствіемъ провелъ я у нихъ около двухъ часовъ; но только въ сіи два часа чего не вытерпѣло мое обоняніе!

Мнѣ хотѣлось видѣть ихъ Синагогу. Я вошелъ въ нее какъ въ мрачную пещеру, думая: Богъ Израилевъ, Богъ народа избраннаго! здѣсь ли должно покланяться Те-

бѣ? Слабо горѣли свѣтильники въ обремененномъ гнилостію воздухѣ. Уныніе, горесть, страхъ, изображались на лицѣ молящихся; нигдѣ не видно было умиленія; слеза благодарной любви ни чьей ланиты не орошала; ни чей взоръ въ благоговѣйномъ восхищеніи не обращался къ небу. Я видѣлъ какихъ-то преступниковъ, съ трепетомъ ожидающихъ приговора къ смерти, и едва дерзающихъ молить судію своего о помилованіи. „За чѣмъ „вы пришли сюда? (сказалъ мнѣ „тотъ умной Жидъ, у котораго „я былъ въ гостяхъ.) Пощадите „насъ! Нашъ храмъ былъ въ Іеру„салимѣ; тамъ Всевышній благо„волилъ являться своимъ избран„нымъ. Но разрушенъ храмъ вели„колѣпной, и мы, разсѣянные по „лицу земли, приходимъ сюда сѣ„товать о бѣдствіи народа наше„го. Оставьте насъ; мы представ„ляемъ для васъ печальную кар-

„тину.“ — Я не могъ отвѣчать ему ни слова, пожалъ руку его, и вышелъ вонъ.

Давно уже замѣчено, что общее бѣдствіе соединяетъ людей тѣснѣйшимъ союзомъ. Такимъ образомъ и Жиды, гонимые рокомъ и угнетенные своими сочеловѣками, находятся другъ съ другомъ въ тѣснѣйшей связи, нежели мы, торжествующіе Христіяне. Я хочу сказать, что въ нихъ видно болѣе *духа общественности*, нежели въ другомъ народѣ. Жидъ, въ раздранномъ рубищѣ, пришелъ ко мнѣ нынѣ поутру съ разными бездѣлками. У меня сидѣлъ Докторъ Н*. Не покупайте ничего у Жидовъ, сказалъ онъ мнѣ: изъ нихъ рѣдкой не обманьщикъ. „Не правда, государь мой! отвѣчалъ съ жаромъ Израильтянинъ: мы не безчестнѣе Христіянъ.“ Сказалъ, и съ сердцомъ ушелъ изъ горницы. Вчера же зашелъ я къ одному Жиду

для того, чтобы размѣнять нѣсколько червонцевъ на Французскіе талеры. На столѣ у него лежала развернутая книга, *Мендельзоновъ Iерусалимъ*. Мендельзонъ былъ великой человѣкъ, сказалъ я, взявъ книгу въ руки. „Вы знаете его? (спросилъ онъ у меня съ веселою улыбкою). Знаете и то, что онъ былъ одной націи со мною, и носилъ такую же бороду, какъ я?“ Знаю, отвѣчалъ я, знаю. Тутъ Жидъ мой бросилъ на столъ талеры, и началъ мнѣ хвалить Мендельзона съ жаромъ и восхищеніемъ, и заключилъ свою хвалу повтореніемъ, что сей великой мужъ, сей Сократъ и Платонъ нашихъ временъ, былъ Жидъ, былъ Жидъ! — Здѣшніе Актеры недавно представляли Шекспирову драму, *Венеціянскаго Купца*. На другой день Франкфуртскіе Жиды прислали сказать Директору Комедіи, что ни одинъ изъ нихъ не

будетъ ходить въ Театръ, естьли сія драма, въ которой обругана ихъ нація, будетъ представлена въ другой разъ. Директоръ не захотѣлъ лишиться части своего сбора, и отвѣчалъ, что она будетъ выключена изъ списка піесъ, играемыхъ на Франкфуртскомъ Театрѣ.

Августа 1.

Отсюда двѣ дороги въ Стразбургъ: черезъ Дармштатъ, Гейдельбергъ и Карлсру, или черезъ Фальцъ. И ту и другую мнѣ хвалили: я избираю послѣднюю. Но какъ мнѣ хотѣлось видѣть Штарка, придворнаго Дармштатскаго Проповѣдника, то я нынѣ поутру нанялъ себѣ лошадь и поѣхалъ въ Дармштатъ верькомъ. И съ этой стороны о к р е с т н о с т и Франкфуртскія очень пріятны; но да-

лѣе къ Дармштату (до котораго считается отъ Франкфурта три мили) мѣста уже не такъ хороши. Дорога индѣ очень песчана, индѣ очень выбита — и потому я еще болѣе утвердился въ своемъ намѣреніи ѣхать черезъ Фальцъ. Деревни всѣ хорошо выстроены, и вездѣ находилъ я трактиры подъ разными, отчасти странными вывѣсками. На послѣдней милѣ къ Дармштату начинается очень хорошая мостовая. Тутъ открылся мнѣ и городъ, лежащій близь покрытыхъ лѣсомъ горъ, и представляющій въ семъ разстояніи очень изрядную картину.

Остановясь въ трактирѣ, послалъ я слугу съ письмецомъ къ Штарку, а самъ бросился на кресла отдыхать; но черезъ нѣсколько минутъ позвали меня обѣдать. Въ столовой комнатѣ нашелъ я человѣкъ восемь, порядочно одѣтыхъ. Въ томъ числѣ былъ одинъ

путешествующій Французъ, для котораго надлежало всѣмъ говорить по-Французски. Молодой человѣкъ, пріѣхавшій изъ Стразбурга, подробно разсказывалъ намъ, какимъ образомъ за нѣсколько дней передъ симъ бунтовала тамошняя чернь; но по-Французски говорилъ онъ такъ худо, что трудно было отъ смѣха удержаться —- на примѣръ: *илз-онъ дештире ла мезонъ де виль; ильз-онъ бриле* (brulé) *ле докиманъ* (les documens); *иль вуле бандръ* (pendre) *ле машистра* (magistrats). — Тутъ слуга принесъ мнѣ печальную вѣсть, что Штарка нѣтъ въ Дармштатѣ: онъ уѣхалъ къ водамъ въ Швальбахъ. „Господинъ Проповѣдникъ былъ очень боленъ, сказалъ сидѣвшій подлѣ меня человѣкъ: Берлинцы зажгли въ немъ кровь, и наши Медики съ трудомъ могли потушить пожаръ.“ Отъ всего сердца жалѣю о Штаркѣ. Дорога человѣку доб-

ряя славъ — и съ какимъ легкомысліемъ похищаемъ мы другъ у друга сіе сокровище! О Шекспиръ, Шекспиръ! кто зналъ такъ хорошо сердце человѣческое, какъ ты? Кто убѣдительнѣе твоего представилъ все безумство злословія?

Good name in man and woman, dear my Lord,
Is the immediate jewel of their souls.
Who steals my purse, steals trash; 'tis something, nothing;
'Twas mine, 'tis his, and has been slave to thousands;
But he, that filches from me my good name,
Robs me of that, which not enriches him,
And makes me poor indeed (*).

(*) Т. е. „Доброе имя есть первая драгоцѣнность души нашей. Кто крадетъ у меня кошелекъ, крадетъ бездѣлку; онъ былъ мой, теперь

Златые Пиѳагоровы *стихи* кажутся мѣдными подлѣ сихъ строкъ, которыя всякому человѣку, Христіянину и Турку, Индѣйцу и Африканцу, надлежало бы вписать незагладимыми буквами въ свое сердце.

Я видѣлъ въ Дармштатѣ такъ называемой *домъ экзерциціи*, въ которомъ можетъ учиться цѣлой полкъ, и въ которомъ хранится множество всякаго оружія; гулялъ въ большомъ придворномъ саду; ходилъ по городу, въ которомъ считается не болѣе 300 домовъ; потомъ сѣлъ на своего коня и отправился назадъ во Франкфуртъ.

сталъ его, и прежде служилъ тысячѣ другихъ людей. Но кто похищаетъ у меня доброе имя, тотъ самъ не обогащается, а меня дѣлаетъ бѣднѣйшимъ человѣкомъ въ свѣтѣ."

Два раза былъ я въ здѣшнемъ Театрѣ, но въ оба раза, къ неудовольствiю моему, играли очень неважныя Французо-Нѣмецкiя комедiи. Вниманiе мое занимали болѣе зрители, нежели акторы; а замѣтилъ я единственно то, что молодыя люди здѣсь хорошо одѣваются, и приходятъ въ Театръ не шумѣть, а слушать пiесы, или—зѣвать.

Майнцъ, 2 Августа.

Нынѣ въ шесть часовъ вечера прiѣхалъ я въ Маинцъ въ *дилижансѣ* или въ почтовой каретѣ, въ которой поѣду до самаго Стразбурга.

Какая гладкая дорога отъ Франкфурта до Маинца! Какiе прiятные виды! Какiя прекрасныя мѣста! Приближаясь къ Маинцу, увидѣлъ я на лѣвой сторонѣ вели-

чественной РеинЪ и тихой МаинЪ, текущіе почти рядомЪ; а на правой виноградные сады, которыхЪ не льзя обнять глазами. Любезные друзья! какЪ радостно билось мое сердце! РеинЪ, РеинЪ! наконецЪ вижу тебя (думалЪ я) — вижу, и благословляю царя водЪ ГерманскихЪ вЪ гордомЪ его теченіи!

МаинцЪ лежитЪ на западномЪ берегу Реина, гдѣ впадаетЪ вЪ него МаинЪ. ВЪ городѣ улицы узки, хорошихЪ домовЪ мало, церквей, монастырей и монаховЪ великое множество. — „Угодно ли вамЪ видѣть кишки Св. Бонифація, которыя хранятся вЪ церкви Св. Іоанна?" спросилЪ у меня сЪ важнымЪ видомЪ наемной слуга. НѣтЪ, другЪ мой! отвѣчалЪ я: хотя Св. Бонифацій былЪ доброй человѣкЪ и обратилЪ вЪ Христіянство БаварцевЪ, однакожь кишки его не имѣютЪ для меня никакой прелести. Поведи меня лучше за го-

родъ. — Мы вышли съ нимъ за городскія ворота. Я сѣлъ на берегу Рейна, и видѣлъ въ его водахъ вечерній лучь солнца и картину зеленыхъ береговъ.

Возвратясь въ трактиръ, ужиналъ я за общимъ столомъ съ путешественниками разныхъ земель. Всѣ пили рейнвейнъ какъ воду. Я потребовалъ у трактирщика бутылку Гохгеймскаго вина, и притомъ самаго стараго, какое только есть у него въ погребѣ. Надобно знать, что Гохгеймское считается самымъ лучшимъ изъ всѣхъ Рейнскихъ винъ. ,,Вы конечно поблагодарите меня за этотъ нектаръ (сказалъ мнѣ услуживой трактирщикъ, ставя передо мною бутылку): я получилъ его въ наслѣдство отъ отца моего, котораго уже тридцать лѣтъ нѣтъ на свѣтѣ.“ Въ самомъ дѣлѣ вино было очень хорошо, и равно пріятно для вкуса и обо-

нянія. Мысль, что пью рейнвейнЪ на берегу Рейна, веселила меня какЪ ребенка. Я наливалЪ, пѣнилЪ, любовался свѣтлостію вина, подчивалЪ сидѣвшихЪ подлѣ меня, и былЪ доволенЪ какЪ царь. Скоро бутылка опорожнилась. ТрактирщикЪ увѣрялЪ меня, что у него есть еще прекрасное Костгеймское вино, полученное имЪ также вЪ наслѣдство отЪ отца его, котораго уже тридцать лѣтЪ нѣтЪ на свѣтѣ. Вѣрю, что оно дѣлаетЪ честь памяти покойника, сказалЪ я, — всталЪ и пошелЪ вЪ свою комнату.

МангеймЪ, 3 Августа.

Нынѣ рано поутру выѣхалЪ я изЪ Маинца вЪ большой почтовой каретѣ сЪ пятью товарищами, и по западному берегу Рейна, черезЪ ОппенгеймЪ и ВормсЪ, пріѣхалЪ

въ Мангеймъ въ семь часовъ вечера.

Сію верхнюю часть Германіи можно назвать земнымъ раемъ. Дорога гладка какъ столъ—вездѣ прекрасныя деревни—вездѣ богатые виноградные сады — вездѣ плодами обремененныя дерева — груши, яблоки и грецкія орѣхи растутъ на дорогѣ (зрѣлище, въ восторгъ приводящее сѣвернаго жителя, привыкшаго видѣть печальныя сосны и потомъ орошаемые сады, гдѣ Аргусы съ дубинами стоятъ на караулѣ!). И между сими-то щедрыми долинами мчится почтенной, винородной Реинъ, неся на волнистомъ хребтѣ благословенные плоды своихъ береговъ, плоды, веселящіе сердце людей въ странахъ отдаленныхъ и не столь облагодѣтельствованныхъ Природою!

Но гдѣ бѣдствіе не посѣщаетъ отъ женъ рожденныхъ? Гдѣ небо

грозными тучами не покрывается? Гдѣ слезы горести не ліются? Здѣсь ліются онѣ, и я видѣлъ ихъ —видѣлъ тоску поселянъ нещастныхъ. Реинъ и Неккеръ, наполнившись отъ дождей, яростно разлили воды свои и затопили сады, поля и самыя деревни. Здѣсь неслась часть я домика, гдѣ обитали передъ тѣмъ покой и довольствіе — тутъ бурная волна мчала запасъ осторожнаго, но тщетно осторожнаго поселянина — тамъ плыла бѣдная, блеющая овца. Мы должны были ѣхать по водѣ, которая въ иныхъ мѣстахъ вливалась къ намъ въ карету. Но самое сіе наводненіе возвышало великолѣпіе вида, открывшагося намъ при въѣздѣ въ длинную алею, версты за три до Мангейма — алею, которая, будучи облита водою, казалась мостомъ.—

Въ Оппенгеймѣ, Курфальцскомъ городѣ, мы завтракали и пили

славное Наренштейнское вино, которое однакожь показалось мнѣ не такъ хорошо, какъ Гохгеймское. — Противъ Оппенгейма, на другой сторонѣ Рейна, стоитъ высокая пирамида, а на ней левъ, держащій въ правой лапѣ большой мечь. Шведской Король, Густавъ Адольфъ, поставилъ сей памятникъ въ 1631 году, перешедши съ своею арміею черезъ Рейнъ, разбивъ Гишпанцевъ и взявъ Оппенгеймъ.

Въ Вормсѣ достойна примѣчанія старинная ратуша, въ которой Императоръ Карлъ V со всѣми Имперскими Князьями судилъ Лютера въ 1521 году. И нынѣ еще показываютъ тамъ лавку, на которой лопнулъ стаканъ съ ядомъ, для него приготовленнымъ. Путешественники отрѣзываютъ по кусочку отъ того мѣста, гдѣ будто бы стояла сія отрава, и почти насквозь продолбили доску.

Мангеймъ есть прекрасной городъ. Улицы совершенно регулярны, и перерѣзываютъ одна другую прямыми углами, что для глазъ — по крайней мѣрѣ при первомъ взорѣ — очень пріятно. Ворота Реинскія, Неккерскія и Гейдельбергскія украшены барельефами, хорошо выработанными. Въ разныхъ мѣстахъ города есть площади, окруженныя большими домами. Дворецъ Курфирста построенъ на томъ мѣстѣ, гдѣ Неккеръ сливается съ Реиномъ. Естьли бы я не торопился въ Швейцарію, то остался бы здѣсь на нѣсколько недѣль: такъ полюбился мнѣ Мангеймъ!

Мангеймъ, Августа 4.

Въ Академіи Скульптуры видѣлъ я собраніе статуй, и между ими самыя вѣрнѣйшія копіи славныхъ

Бельведерскихъ антиковъ. Надобно удивляться древнему искусству, которое умѣло влагать душу въ мраморъ, и прекрасную душу. М* съ восхищеніемъ говорилъ намъ о Лаокоонѣ: я видѣлъ эту группу, одинъ изъ прекраснѣйшихъ памятниковъ Греческаго художества, и, по мнѣнію нѣкоторыхъ, произведеніе Фидіасова рѣзца. Утверждаютъ, что она подала Виргилію мысль къ описанію нещастнаго Лаокоонова конца (*). Смотря на нее, прочиталъ я нѣсколько разъ сіе мѣсто въ безсмертной Энеидѣ, которая была у меня въ рукахъ:

(*) Лаокоонъ, братъ Анхизовъ, не хотѣлъ допустить, чтобы Трояне приняли въ городъ *деревянную лошадь*, въ которой скрывались Греческіе воины; боги, опредѣлившіе погибель Трои, наказали его за сіе сопротивленіе.

,,Другое, ужаснѣйшее происше-
,,ствіе вселяетъ трепетъ въ сер-
,,дца наши. Лаокоонъ, избранный по
,,жребію въ жрецы Нептуновы,
,,торжественно приносилъ въ
,,жертву тучнаго быка—и вдругъ
,,на поверхности тихихъ водъ,
,,отъ страны Тенедоса, являют-
,,ся...(страшное воспоминаніе!)...
,,являются два ужасные змія, и
,,рядомъ плывутъ къ берегу; кро-
,,вавая глава и грудь ихъ гордо
,,возвышаются надъ волнами; не-
,,измѣримый хребетъ ихъ изви-
,,вается въ кругахъ безчисленныхъ;
,,плывутъ, съ шумомъ разсѣкаютъ
,,пѣнистую влагу, и достигаютъ
,,брега. Пламя и кровь въ очахъ
,,ихъ. Страшно шипятъ они, стра-
,,шно зіяютъ — и народъ въ ужа-
,,сѣ спасается бѣгствомъ. — Сіи
,,чудовища спѣшатъ къ Лаокоону;
,,бросаются сперва на двухъ юныхъ
,,сыновъ его, и терзаютъ неща-
,,стныхъ. Лаокоонъ стремится съ

„копіемъ на помоцъ къ нимъ: о-
„тецъ злополучный! Зміи обвива-
„ются вокругъ его тѣла, вокругъ
„шеи, и шипятъ надъ его голо-
„вою. Тщетно хочетъ онъ освобо-
„диться отъ чудовищъ ужасныхъ;
„руки старца безсильны. Покры-
„тый ихъ нечистымъ гноемъ, ихъ
„ядомъ смертоноснымъ, Лаокоонъ
„стенаетъ—и вопль его до звѣздъ
„возносится."

Съ какою живостію изображена физическая боль въ лицѣ терзаемаго старца! Какъ сильно изображена въ немъ и горесть нещастнаго родителя, которой видитъ погибель дѣтей своихъ, и не можетъ спасти ихъ! — Фидіасъ былъ Поэтъ.

Стразбургъ, Августа 6.

Черезъ обширныя, зеленыя равнины — гдѣ роскошная Природа въ

садахъ и въ поляхъ изливаетъ весь тукъ своего плодородія, и въ пѣнящейся чашѣ подаетъ смертному нектаръ вдохновенія и сладкой радости — пріѣхалъ я изъ Мангейма въ Стразбургъ, вчера въ 7 часовъ вечера.

Пріятно, весело, друзья мои, переѣзжать изъ одной земли въ другую, видѣть новые предметы, съ которыми, кажется, самая душа наша обновляется, и чувствовать неоцѣненную свободу человѣка, по которой онъ подлинно можетъ назваться царемъ земнаго творенія. Всѣ прочія животныя, будучи привязаны къ нѣкоторымъ климатамъ, не могутъ выйти изъ предѣловъ, начертанныхъ имъ Натурою, и умираютъ, гдѣ родятся; но человѣкъ, силою могущественной воли своей, шагаетъ изъ климата въ климатъ — ищетъ вездѣ наслажденій, и находитъ ихъ — вездѣ бываетъ любимымъ гостемъ

Природы, повсюду отверзающей для него новые источники удовольствія — вездѣ радуется бытіемъ своимъ, и благословляетъ свое человѣчество.

А мудрая связь общественности, по которой нахожу я во всякой землѣ всѣ возможныя удобности жизни, какъ будто бы нарочно для меня придуманныя; по которой жители всѣхъ странъ предлагаютъ мнѣ плоды своихъ трудовъ, своей промышленности, и призываютъ меня участвовать въ своихъ забавахъ, въ своихъ весельяхъ — —

Однимъ словомъ, друзья мои, путешествіе питательно для духа и сердца нашего. Путешествуй гипохондрикъ, чтобы исцѣлиться отъ своей гипохондріи! Путешествуй мизантропъ, чтобы полюбить человѣчество! Путешествуй, кто только можетъ!

На границѣ нашъ постилліонъ остановился. Vous êtes déjà en France, Messieurs, сказалъ намъ худо-одѣтой человѣкъ, подошедши къ нашей каретѣ: et je vous en félicite. Это былъ осмотрщикъ, которой за свое поздравленіе хотѣлъ взять съ насъ по нѣскольку Французскихъ копѣекъ.

Вездѣ въ Эльзасѣ примѣтно волненіе. Цѣлыя деревни вооружаются, и поселяне пришиваютъ кокарды къ шляпамъ. Почтмейстеры, постилліоны, бабы, говорятъ о революціи.

А въ Стразбургѣ начинается новой бунтъ. Весь здѣшній гарнизонъ взволновался. Солдаты не слушаются Офицеровъ, пьютъ въ трактирахъ даромъ, бѣгаютъ съ шумомъ по улицамъ, ругаютъ своихъ начальниковъ и пр. Въ глазахъ моихъ толпа пьяныхъ солдатъ остановила ѣхавшаго въ каретѣ Прелата, и принудила его пить

пиво, изъ одной кружки съ его кучеромъ, за здоровье націи. Прелатъ поблѣднѣлъ отъ страха, и трепещущимъ голосомъ повторялъ: mes amis, mes amis! — Oui, nous sommes vos amis! кричали солдаты: *пей же съ нами!* Крикъ на улицахъ продолжается почти безпрерывно. Но жители затыкаютъ уши и спокойно отправляютъ свои дѣла. Офицеры сидятъ подъ окномъ, и смѣются, смотря на неистовыхъ. — Я былъ нынѣ въ Театрѣ, и кромѣ веселости ничего не примѣтилъ въ зрителяхъ. Молодые Офицеры перебѣгали изъ ложи въ ложу, и отъ всего сердца били въ ладоши, стараясь заглушить шумъ пьяныхъ бунтовщиковъ, которой раза три приводилъ въ замѣшательство актеровъ на сценѣ.

Между тѣмъ въ самыхъ окрестностяхъ Стразбурга толпы разбойниковъ грабятъ монастыри.

Сказывають, что по деревнямъ ѣздилъ какой-то человѣкъ, которой называлъ себя Графомъ д'Артуа, и возбуждалъ поселянъ къ мятежу, говоря, что Король даетъ народу полную свободу до 15 Августа, и что до сего времени всякой можетъ дѣлать, что хочетъ. Сей слухъ заставилъ здѣшняго начальника обнародовать, что *одна адская злоба, достойная неслыханнаго наказанія*, могла распустить такой слухъ. —

Здѣшняя катедральная церковь есть величественное готическое зданіе, и башня ея почитается за самую высочайшую пирамиду въ Европѣ. Вошедши во внутренность сего огромнаго храма, въ которомъ никогда яснаго свѣта не бываетъ, не льзя не почувствовать благоговѣнія; но кто хочетъ питать въ себѣ это священное чувство, тотъ не смотри на барельефы карнизовъ и колоннъ,

гдѣ вы увидите престранныя и смѣшныя аллегорическія фигуры. На прим. ослы, обезьяны и другіе звѣри изображены въ монашеской одеждѣ разныхъ орденовъ; иные съ важностію идутъ въ процессіи, другіе прыгаютъ, и пр. На одномъ барельефѣ представленъ монахъ съ монахинею въ самомъ непристойномъ положеніи. — Богатыя одежды священниковъ и украшеніе олтарей показываютъ за диковинку. Вообразите, что одно серебряное Распятіе, подаренное церкви Людовикомъ XIV, стоитъ 600000 талеровъ! — По круглой лѣсницѣ, состоящей изъ 725 ступеней, всходилъ я почти на самой верьхъ башни, откуда безъ нѣкотораго ужаса не могъ смотрѣть внизъ. Люди на улицахъ представлялись ползающими насѣкомыми, и цѣлой городъ, казалось, можно было въ минуту измѣрить аршиномъ. Деревни вокругъ Страз-

бурга едва были примѣтны; миль за десять и болѣе синѣлись горы. Говорятъ, что въ самую ясную погоду можно видѣть и снѣжные верьхи Альпійскихъ горъ; но я не видалъ ихъ, сколько ни напрягалъ свое зрѣніе.—Часы сей башни, по разнообразнымъ своимъ движеніямъ, считались нѣкогда чудомъ Механики; но вѣроятно, что нынѣшніе гордые художники не такъ думаютъ. — Между колоколами, изъ которыхъ самой большой вѣсомъ въ 204 центнера, показывали мнѣ такъ называемой *серебрякой*, вѣсомъ въ 48 центнеровъ, и сказывали, что въ него благовѣстятъ только въ Ивановъ день. Тамъ же хранится большой охотничій рогъ, которымъ, лѣтъ за 400 передъ симъ, здѣшніе Жиды хотѣли подать сигналъ непріятелю для взятья Стразбурга. Заговоръ открылся; многіе изъ Жидовъ были сожжены, многіе раззорены, а другіе вы-

ганы изъ города. Въ память щастливо разрушеннаго заговора трубятъ въ этотъ рогъ всякую ночь два раза. — На стѣнахъ колокольни путешественники пишутъ свои имена, или стихи, или что кому вздумается. Я нашелъ и Рускія слѣдующія надписи: *Мы здѣсь были, и устали до смерти.*—*Высоко!*—*Здравствуй, братъ землякъ!* — *Какой же видъ!*

Въ Лютеранской церкви Св. Томаса видѣлъ я мраморной монументъ Маршала, Графа Саксонскаго, славное произведеніе рѣзца Пигалева. Маршалъ съ жезломъ своимъ сходитъ по ступенямъ въ могилу, и съ презрѣніемъ смотритъ на смерть, которая открываетъ гробъ. На правой сторонѣ два льва и орелъ, въ ужасѣ и смятеніи, изображаютъ соединенныя арміи, побѣжденныя Графомъ во Фландріи. На лѣвой сторонѣ представлена Франція въ образѣ пре-

красной женщины, которая, со всѣми знаками живой горести, хочетъ одною рукою удержать его, а другою отталкиваетъ смерть. Печальной Геній жизни обращаетъ къ землѣ свой факелъ; и на сей же сторонѣ развѣваются побѣдоносныя знамена Франціи. — Художникъ хотѣлъ, чтобы удивлялись его искусству: по мнѣнію знатоковъ, онъ достигъ своей цѣли. Я, не будучи знатокомъ, смотрѣлъ на фигуры — на ту, на другую, на третью — и былъ въ своемъ сердцѣ такъ холоденъ, какъ мраморъ, изъ котораго онѣ сдѣланы. Смерть, въ образѣ скелета, одѣтаго мантіею, была мнѣ противна. Древніе не такъ изображали ее,—и горе новымъ художникамъ, пугающимъ насъ такими представленіями! На лицѣ Героя желалъ бы я видѣть другое выраженіе. Мнѣ хотѣлось бы, чтобы онъ имѣлъ болѣе вниманія къ го-

рестной Франціи, нежели къ гнусному скелету. Коротко сказать, Пигаль, по моему чувству, есть искусной художникъ, но худой Поэтъ.—Подъ симъ монументомъ, въ темномъ сводѣ, поставленъ гробъ, въ которомъ лежитъ бальзамированное тѣло Маршала; сердце заключено въ сосудѣ, стоящемъ на гробѣ, а внутренность погребена въ землѣ. Людовикъ XV, по своей чувствительности или по чему иному, не хотѣлъ исполнить послѣдняго желанія умирающаго Маршала, которое состояло въ томъ, чтобы тѣло его было сожжено. Qu'il ne reste rien de moi dans le monde, сказалъ онъ, que ma mémoire parmi mes amis! —

Здѣшній Университетъ такъ же почти славенъ, какъ Лейпцигской и Геттингенской. Многіе Нѣмцы и Англичане пріѣзжаютъ сюда учиться. Только изъ Страз-

бургскихъ Профессоровъ очень не многіе извѣстны въ ученомъ свѣтѣ какъ Авторы. Ихъ называютъ лѣнивыми въ сравненіи съ другими. Можетъ быть они богатѣе другихъ; а въ Германіи бѣдность дѣлаетъ многихъ Авторами. —

Наконецъ о городѣ скажу вамъ, что онъ многолюденъ; но что улицы очень тѣсны, и не льзя похвалить архитектуры домовъ.

Головной уборъ женщинъ здѣсь весьма страненъ. Крѣпко счесанные и насаленные волосы связываются (т. е. переднія съ задними) на срединѣ головы; а на верьху пришивается маленькая корона. Ничего не можетъ быть безобразнѣе такова убора. —

Что принадлежитъ до здѣшняго Нѣмецкаго языка, то онъ очень испорченъ. Въ лучшихъ обществахъ говорятъ всегда по-Французски.

Я надѣялся здѣсь найти письмо отъ А*, но не нашелъ. Когда-то отъ васъ, мои любезные, получу письма! Живы ли вы? Здоровы ли вы? Что съ вами дѣлается? Спрашиваю, и никакой Геній не шепчетъ мнѣ на ухо отвѣта. Путешествовать пріятно, но разставаться съ друзьями больно. — —

П. П. Мнѣ сказывали, что Лафатеръ за нѣсколько дней передъ симъ былъ въ Базелѣ для свиданія съ Неккеромъ. Я познакомился здѣсь съ однимъ Магистеромъ, очень любезнымъ человѣкомъ, которой водилъ меня въ Университетъ, въ анатомической театръ, въ медицинской садъ, и которой нынѣ за обѣдомъ и за ужиномъ пилъ здоровье отечественныхъ друзей моихъ. За ужиномъ у насъ былъ превеликой споръ между Офицерами о томъ, что дѣлать въ нынѣшнихъ обстоятельствахъ честному человѣку, Французу и О-

фицеру? Положить руку на ефесъ, говорили одни, и быть въ готовности защищать правую сторону. Взять абшидъ, говорили другіе. Пить вино и надъ всѣмъ смѣяться, сказалъ пожилой Капитанъ, опорожнивъ свою бутылку.

Базель.

Берегитесь, государи мои! сказалъ намъ въ Стразбургѣ одинъ Офицеръ, когда я съ другими путешественниками садился въ дилижансъ: *дорога не совсѣмъ безопасна; въ Эльзасѣ много разбойниковъ.* Мы посмотрѣли другъ на друга. „У кого не много денегъ, тотъ не боится разбойниковъ" — сказалъ молодой Женевецъ, который пріѣхалъ со мною изъ Франкфурта. „У меня есть кортикъ и собака" — сказалъ молодой человѣкъ въ красномъ камзолѣ, сѣвшій

подлѣ меня. „Чего бояться!" сказали всѣ мы; поѣхали, и пріѣхали въ Базель благополучно.

Эльзасъ есть прекрасная земля. Города и деревни, черезъ которые мы проѣзжали, всѣ хорошо выстроены. На той и на другой сторонѣ дороги плодоносныя поля. Лотарингскія горы, съ развалинами рыцарскихъ и разбойничьихъ замковъ, представляютъ для глазъ нѣчто романическое, и придаютъ разнообразіе виду обширныхъ равнинъ, утомительныхъ для зрѣнія. Сіи горы болѣе и болѣе удаляются и темнѣютъ, такъ что наконецъ не можно видѣть на нихъ ничего, кромѣ мрака. Съ другой стороны, за Реиномъ, возвышаются черные хребты Шварцвальдскихъ горъ и въ неизмѣримомъ разстояніи ограничиваютъ горизонтъ. Близь дороги изрѣдка попадаются въ глаза дерева и маленькія рощицы.

Французская почта гораздо скорѣе Нѣмецкой. Постилліонъ (въ синемъ камзолѣ съ краснымъ воротникомъ, и въ такихъ сапогахъ, которые были бы впору Гиганту въ водяной болѣзни) безпрестанно машетъ хлыстомъ, и понуждаетъ коней своихъ бѣжать рысью. На шести, девяти и двѣнадцати верстахъ перемѣняютъ лошадей, и на каждой станціи надобно платить прогоны впередъ, на наши деньги копѣекъ по двадцати за милю (lieue). Изъ Стразбурга выѣхали мы въ шесть часовъ поутру, а въ восемь часовъ вечера были уже за три версты отъ Базеля, то есть переѣхали въ день 29 Французскихъ миль, или 87 верстъ. Тутъ надлежало намъ ночевать, для того что ровно въ восемь часовъ запираются въ Базелѣ ворота, которыхъ уже до утра ни для кого и ни для чего не отворяютъ.

Съ молодымъ человѣкомъ въ красномъ камзолѣ успѣлъ я коротко познакомиться. Онъ сынъ придворнаго Коппенгагенскаго Аптекаря Беккера, учился въ Германіи Медицинѣ и Химіи (послѣдней у славнаго Берлинскаго Профессора Клапрота), и прошелъ большую часть Германіи пѣшкомъ, одинъ съ своею собакою и съ кортикомъ на бедрѣ, пересылая черезъ почту чемоданъ свой изъ города въ городъ. Въ Стразбургѣ заболѣла у него нога, и принудила его сѣсть въ дилижансъ. Теперь хочетъ онъ видѣть все примѣчанія достойнѣйшее въ Швейцаріи, а потомъ отправиться во Францію и въ Англію. Со всею нѣжностію дружбы любитъ онъ свою собаку, и дорогою безпрестанно смотрѣлъ, бѣжитъ ли она за каретою; когда же примѣтилъ, мили за двѣ не доѣзжая до нашего ночлега, что она устала и начала от-

ставать, то, пожелавъ намъ щастливаго пути, вышелъ самъ изъ дилижанса, чтобы брести потихоньку съ своимъ другомъ.—Здѣсь въ Базелѣ остановились мы съ нимъ въ одномъ трактирѣ, подъ вывѣскою аиста.

И такъ я уже въ Швейцаріи, въ странѣ живописной Натуры, въ землѣ тишины и благополучія! Кажется, что здѣшній воздухъ имѣетъ въ себѣ нѣчто оживляющее: дыханіе мое стало легче и свободнѣе, станъ мой распрямился, голова моя сама собою подымается вверьхъ, и я съ гордостію помышляю о своемъ человѣчествѣ.

Базель болѣе всѣхъ городовъ въ Швейцаріи; но кромѣ двухъ огромныхъ домовъ Банкира Саразеня, не замѣтилъ я здѣсь никакихъ хорошихъ зданій, и улицы чрезмѣрно худо вымощены. Жителей по обширности города очень не много, и нѣкоторые переулки за-

росля травою. Реинъ раздѣляетъ Базель на двѣ части; и хотя сія рѣка здѣсь не такъ широка, какъ въ Маинцѣ, однакожь, по быстрѣйшему своему теченію и по зеленóму цвѣту воды своей, показалась мнѣ гораздо пріятнѣе. Только здѣсь она совершенно пуста; не видно на ней ни одного судна, ни одной лодочки. Не знаю, для чего Базельцы не пользуются выгодами судоходства, производя довольно важной торгъ съ Нѣмцами, и отправляя въ Германію полотна, ленты, шелковыя матеріи и другія произведенія своихъ мануфактуръ.

Въ такъ называемомъ Минстерѣ, или главной Базельской церкви, видѣлъ я многіе старые монументы, съ разными надписями, показывающими бѣдность разума человѣческаго въ среднихъ вѣкахъ. Монументы Эразма и супруги Императора Рудольфа I были для

меня примѣчательнѣе другихъ. Первой считался въ свое время ученѣйшимъ и остроумнѣйшимъ человѣкомъ въ Европѣ; въ доказательство чего можетъ служить слѣдующій, можетъ быть уже извѣстной вамъ анекдотъ: Эразмъ, пріѣхавъ въ Лондонъ, посѣтилъ Томаса Моруса, Великаго Государственнаго Канцлера, и, не сказавъ ему своего имени, вступилъ съ нимъ въ разговоръ о Политикѣ, Религіи и другихъ предметахъ. Морусъ, будучи восхищенъ его разумомъ и краснорѣчіемъ, вскочилъ наконецъ съ своего мѣста и воскликнулъ: *ты Эразмъ или Демонъ!* — Изъ сочиненій его самое извѣстнѣйшее есть Похвала Дурачеству, въ которомъ онъ смѣется надъ всѣми состояніями жизни, а наиболѣе надъ монашескимъ, не щадя и самого Папы. Нѣкоторыя шутки конечно довольно остры; но многія грубы,

сухи и натянуты — и вообще книга сія довольно скучна для тѣхъ, которые уже читали остроумныя сочиненія Вольтеровъ и Виландовъ осьмаго-надесять вѣка. — Минстеръ стоитъ на высокомъ мѣстѣ, обсаженномъ деревьями, откуда видъ очень хорошъ.

Въ публичной библіотекѣ показываютъ многія рѣдкія рукописи и древнія медали, которыхъ цѣну знаютъ только Антикваріусы и Нумисматографы; а что принадлежитъ до меня, то я съ большимъ примѣчаніемъ и удовольствіемъ смотрѣлъ тамъ на картины славнаго Гольбеина, Базельскаго уроженца и друга Эразмова. Какое прекрасное лице у Спасителя на вечери! Іуду, какъ онъ здѣсь представленъ, узналъ бы я всегда и вездѣ. Въ Христѣ, снятомъ со креста, не видно ничего божественнаго; но какъ умершій человѣкъ изображенъ онъ весьма

естественно. По преданію разсказываютъ, что Гольбеинъ писалъ его съ одного утопшаго Жида. Страсти Христовы изображены на осьми картинахъ. — Въ ратушѣ есть цѣлая зала, расписанная *алъфреско* Гольбеиномъ. Знатоки говорятъ о семъ живописцѣ, что фигуры его вообще весьма хороши; что тѣло писалъ онъ отмѣнно живо, но одежду очень дурно. — Въ оградѣ церкви Св. Петра, на стѣнѣ за решеткою, видѣлъ я и славной *танецъ мертвыхъ*, которой, по крайней мѣрѣ отчасти, считаютъ за Гольбеинову работу. Смерть ведетъ на тотъ свѣтъ людей всякаго состоянія: и Папу и Нимфу радости, и Короля и нищаго, и добраго и злаго. Не будучи знатокомъ, могу сказать, что конечно не одно воображеніе и не одна кисть произвели сей рядъ фигуръ: столь хороши нѣкоторыя, и столь дурны прочія!

Я замѣтилъ три или четыре лица, весьма выразительныя, и конечно достойныя лѣвой Гольбеиновой руки (*). Впрочемъ вся картина очень испорчена воздухомъ и сыростiю.

Между прочими Гольбеиновыми картинами, которыми гордится Базель, есть прекрасной портретъ одной молодой женщины, славной въ свое время. Живописецъ изобразилъ ее въ видѣ Лаисы (по чему легко можно догадаться, какого роду была слава ея), а подлѣ нее представилъ Купидона, облокотившагося на ея колѣни, и держащаго въ рукѣ стрѣлу. Сiя картина найдена была на олтарѣ, гдѣ народъ покланялся ей подъ именемъ Богоматери; и на черныхъ рамахъ ея написано золотыми буквами: Verbum Domini manet in aeternum (*слово Господне пребываетъ вовѣки.*)

(*) Гольбеинъ писалъ лѣвою рукою.

Кабинетъ Господина Феша есть достойной предметъ любопытства всѣхъ путешественниковъ, любящихъ искусство. Его цѣнятъ во 150000 талеровъ. Конечно не многіе изъ частныхъ людей въ Европѣ имѣютъ такое собраніе прекрасныхъ картинъ, и конечно не многіе изъ богачей имѣютъ такой вкусъ, какъ Г. Фешъ. Но сколько завидны драгоцѣнныя его картины, столько же, или еще болѣе, завиденъ для меня и тотъ прекрасной видъ, которымъ наслаждается сей любимецъ фортуны, смотря изъ оконъ своего кабинета на величественной Рейнъ, и взоромъ своимъ слѣдуя за его теченіемъ между двумя великими государствами. Тутъ Франція, Швейцарія и Германія представляются глазамъ въ разнообразной картинѣ, подъ голубымъ сводомъ неба — и я могъ бы цѣлой день неподвижно простоять въ семъ

магическомъ кабинетѣ, смотрѣть и тихо въ душѣ восхищаться, естьлибы не побоялся быть въ тягость Господину Ѳешу. — На дворѣ передъ его домомъ показываютъ деревянную, и очень топорно выработанную статую Императора Рудольфа I. Онъ представленъ сидящимъ на тронѣ въ порфирѣ и со всѣми знаками своего достоинства. Его избрали въ Императоры въ самое то время, когда онъ войсками своими окружилъ Базель; послѣ чего отворили ему городскія ворота — и онъ жилъ здѣсь, сказываютъ, точно въ томъ домѣ, въ которомъ живетъ теперь Г. Ѳешъ.

Нынѣ за обѣдомъ былъ я свидѣтелемъ трогательнаго явленія. Пожилой человѣкъ, Кавалеръ Св. Людовика, сидѣлъ на концѣ стола съ пожилою дамою. На лицахъ ихъ изображалась горесть и блѣдность изнеможенія. Они не брали участія

въ общемъ разговорѣ; взглядывали иногда другъ на друга, и утирали платкомъ покраснѣвшіе глаза свои. Всѣ смотрѣли на нихъ съ почтительнымъ сожалѣніемъ и съ видомъ скрываемаго любопытства. Молодой Женевецъ, сидѣвшій подлѣ меня, сказалъ мнѣ на ухо: *это знатной Французской дворянинъ съ своею женою, которой по нынѣшнимъ обстоятельствамъ долженъ былъ бѣжать изъ Франціи.* Въ то время, какъ подавали намъ десертъ, вошли въ залу молодой человѣкъ и молодая дама въ дорожномъ платьѣ. Mon père! ma mère! mon fils! ma fille! — и при сихъ восклицаніяхъ Кавалеръ Св. Людовика и сидѣвшая подлѣ него дама вдругъ очутились на срединѣ комнаты въ объятіяхъ молодыхъ людей. Глубокое молчаніе въ залѣ — всѣ мы, сидѣвшіе за столомъ, казались оцѣпенѣвшими: одинъ держалъ въ рукѣ бисквитъ,

другой рюмку, и остался неподвиженъ въ семъ положеніи; тѣ, которые говорили и замолчали, не успѣли затворить рта, устремивъ взоры свои на обнимающуюся группу. Ты пролетѣла, минута молчанія и тишины! но глубокія черты оставила ты въ моемъ сердцѣ, которыя всегда будутъ воспоминать мнѣ чувствительность людей — ибо она превратила насъ въ камень, когда мы увидѣли отца и мать, сына и дочь, съ жаромъ, съ восторгомъ обнимающихъ другъ друга! — Наконецъ Кавалеръ Св. Людовика, отирая ліющіяся слезы свои, оборотился къ намъ и сказалъ перерывающимся голосомъ: *Простите, государи мои, простите радостному изступленію нѣжныхъ родителей, которые трепетали о жизни милыхъ дѣтей своихъ* (*), *но, благодаря Всевышняго!*

(*) Слово въ слово съ Французскаго;

видятъ ихъ въ цѣлости и прижимаютъ къ своему сердцу! Мы лишились своего имѣнія и отечества; но когда живъ сынъ нашъ, когда жива дочь наша, то забываемъ все прочее горе! Потомъ, держа другъ друга за руки, вышли они изъ залы. Всѣ мы встали, пошли за ними, и нашедши на крыльцѣ слугу ихъ, окружили его и требовали, чтобы онъ объяснилъ намъ видѣнную нами сцену. — „Я могу вамъ сказать единственно то, отвѣчалъ онъ, что бунтующіе поселяне хотѣли убить моего господина; что онъ принужденъ былъ искать спасенія въ бѣгствѣ, оставивъ замокъ свой въ огнѣ и въ пламени, и не зная объ участи дѣтей своихъ, которыя были въ гостяхъ у брата его, и которыя теперь, по его письму, благополучно сюда пріѣхали.“ —

но галлицизмы такого рода простительны.

Естьли вы въ полдень спросите здѣсь, *которой часъ?* то вамъ скажутъ въ отвѣтъ: *по общимъ часамъ двѣнадцать, а по Базельскимъ часъ* — то есть, здѣшнія часы идутъ всегда впереди противъ общихъ. Напрасно будете вы приступать къ Базельцамъ и требовать, чтобы они сказали вамъ подлинную причину сей странности. Никто ее не знаетъ; но за старое преданіе разсказываютъ, что будто бы причиною того былъ нѣкогда уничтоженной заговоръ, — и такимъ образомъ: Нѣкоторые зломыслящіе люди въ Базелѣ уговорились въ двѣнадцать часовъ ночи собраться и перерѣзать въ городѣ всѣхъ судей; одинъ изъ Бургомистровъ узналъ о томъ, и велѣлъ на колокольнѣ главной церкви ударить часъ, вмѣсто двѣнадцати; каждой изъ заговорщиковъ подумалъ, что назначенное время уже прошло, и возвратился до-

мой — послѣ чего всѣ Базельцы, въ память щастливой Бургомистровой выдумки, переставили часы свои часомъ впередъ. По другому преданію, сдѣлалось сіе во время Базельскаго *церковнаго концилїума*, для того, чтобы лѣнивые Кардиналы и Епископы вставали и собирались ранѣе. — Какъ бы то ни было, только Базельцы уже привыкли обманывать себя во времени дня, и народъ почитаетъ сей обманъ за драгоцѣнное право своей вольности.

Хотя въ Базелѣ народъ не имѣетъ законодательной власти и не можетъ самъ избирать начальниковъ, однакожь правленіе сего Кантона можно назвать отчасти демократическимъ; по тому что каждому гражданину открытъ путь ко всѣмъ достоинствамъ въ Республикѣ, и люди самаго низкаго состоянія бываютъ Членами Большаго и Малаго Совѣта, кото-

рые даютъ законы, объявляютъ войну, заключаютъ миръ, налагаютъ подати, и сами избираютъ Членовъ своихъ. — Хлѣбники, сапожники, портные, играютъ часто важнѣйшiя роли въ Базельской Республикѣ.

Во всѣхъ жителяхъ видна здѣсь какая-то важность, похожая на угрюмость, которая для меня не совсѣмъ прiятна. Въ лицѣ, въ походкѣ и во всѣхъ ухваткахъ имѣютъ они много характеристическаго. — Въ домахъ гражданъ и въ трактирахъ соблюдается отмѣнная чистота, которую путешественники называютъ вообще Швейцарскою добродѣтелiю. — Только женщины здѣсь отмѣнно дурны; по крайней мѣрѣ я не видалъ ни одной хорошей, ни одной изрядной. —

Въ семи верстахъ отъ Базеля находится такъ называемая *пустыня*, или обширной садъ, при-

надлежащій одному изъ здѣшнихъ богачей. Туда ходилъ я пѣшкомъ съ двумя молодыми Берлинцами, здѣсь живущими. Кажется, будто бы искусство не имѣло никакого участія въ разведеніи сего сада. Надобно вездѣ ходить по узенькимъ тропинкамъ и взбираться на утесы по каменнымъ ступенямъ. Индѣ видишь частой, зеленой кустарникъ — индѣ глубокія пещеры, или разбросанные шалаши. Во глубинѣ дикаго грота, гдѣ чистая вода, струясь съ высокихъ камней, ископала себѣ маленькой бассейнъ, стоитъ монументъ покойнаго Геснера, печальною дружбою сооруженной.... Поздно, поздно пріѣхалъ я въ Швейцарію: умолкъ голосъ нѣжнаго пѣвца ея! Въ семъ тихомъ гротѣ, въ семъ святилищѣ меланхоліи, душа чувствуетъ томное уныніе и погружается наконецъ въ сладкую дремоту. Здѣсь изобразилъ бы я Ночь,

Сонъ и Смерть, какъ они, по описанію Павзаніеву, на Ципселовомъ сундукѣ изображены были (*). — Мы сходили въ подземной храмъ Прозерпины, и видѣли образъ сей богини, освѣщаемый слабымъ свѣтомъ тихо горящихъ лампадъ. Чрезвычайной холодъ и сырость не позволили намъ ни минуты пробыть тамъ. — Мы обѣдали въ мѣстечкѣ Арлесгеймѣ, принадлежащемъ Базельскому Епископу, и въ семь часовъ возвратились назадъ въ Базель. —

Верстахъ въ двухъ или въ трехъ отсюда, гдѣ построена такъ называемая гошпиталь Св. Якова, было нѣкогда жестокое сраженіе

(*) Ночь представлена была въ видѣ молодой женщины, держащей въ своихъ объятіяхъ двухъ мальчиковъ, изъ которыхъ одинъ былъ бѣлой, а другой черной; одинъ спалъ, а другой *казался* спящимъ; одинъ означалъ сонъ, а другой смерть.

между Французами и Швейцарами, которые почти всѣ легли на мѣстѣ. Базельскіе жители всякой годъ въ Маѣ мѣсяцѣ приходятъ туда воспѣвать геройскія дѣла своихъ предковъ, и пить красное вино, называемое *Швейцарскою кровью.*

Я имѣлъ любопытство видѣть тотъ домъ, въ которомъ жилъ Парацельсъ. Сказываютъ, что въ саду, принадлежащемъ къ сему дому, и по нынѣ находятъ еще огарки изъ химическихъ или алхимическихъ печей сего чуднаго человѣка, которому, по признанію Ученыхъ, обязана Медицина многими минеральными лекарствами, и нынѣ съ великою пользою употребляемыми, но которой отъ страшнаго хвастовства своего прослылъ шарлатаномъ въ цѣлой Европѣ (*). —

(*) Пишутъ, что онъ часто лекціи свои начиналъ такъ: *Знайте, о Ме-*

Вообразите, что новой мой знакомецЪ Б*, съ которымЪ я уговаривался вмѣстѣ путешествовать по Швейцарiи, умираетЪ — умираетЪ отЪ любви! Здѣсь вЪ трактирѣ живетЪ молодая дама изЪ Ивердона. Сегодня ужинала она за общимЪ столомЪ, сидѣла подлѣ Б* и нѣсколько разЪ начинала сЪ нимЪ говорить. Нѣжное сердце моего Датчанина растопилось отЪ огненныхЪ ея взоровЪ. ОнЪ весь покраснѣлЪ, забылЪ пить и ѣсть, и только что подчивалЪ красавицу; а при концѣ ужина подалЪ ей записную книжку свою и карандашь, прося, чтобы она написала ему какое нибудь наставленiе. Красавица взяла книжку, каран-

дики! что колпакъ мой ученѣе всѣхъ васъ, и что борода моя опытнѣе вашихъ Академiй. Греки, Римляне, Французы, Италiянцы! я буду вашимъ царемъ.

дашь — взглянула на него умильно, нѣжно — и написала по-Французски: *Сердце, подобное вашему, не имѣетъ нужды въ наставленїяхъ; слѣдуя своимъ побужденїямъ, оно слѣдуетъ предписанїямъ добродѣтели* — написала и подала ему съ улыбкою. Madame! сказалъ восхищенной Б*... Madame!... Въ самую сїю минуту всѣ изъ за-стола встали, и красавица, присѣвъ передъ нимъ, подала руку своему брату и ушла. Б* стоялъ, смотрѣлъ въ слѣдъ за нею, и наконецъ сказалъ мнѣ, когда я подошелъ къ нему, что онъ едва ли можетъ завтра ѣхать со мною въ Цирихъ, чувствуя себя очень нездоровымъ.

Базель, Августа 9.

Молодая Дама изъ Ивердона нынѣ поутру уѣхала, и Датчанинъ Б* исцѣлился отъ любовной своей

болѣзни. Вмѣстѣ съ нимъ наняли мы здѣсь извощика, или такъ называемаго *кучера* (Kutscher), которой за два луидора съ талеромъ повезетъ насъ въ Цирихъ на парѣ жирныхъ лошадей, въ двумѣстной старомодной каретѣ; и такимъ образомъ за 60 верстъ платимъ мы 17 руб. Въ Швейцаріи нѣтъ почты. — *Ступайте, господа!* кричитъ намъ почтенной Швейцарской извощикъ въ плисовомъ фракѣ: *ступайте! чемоданы ваши привязаны.* И такъ простите!

Въ каретѣ дорогою.

Уже я наслаждаюсь Швейцаріею, милые друзья мои! Всякое дуновеніе вѣтерка проницаетъ, кажется, въ сердце мое и развѣваетъ въ немъ чувство радости. Какія мѣста! какія мѣста! Отъѣхавъ отъ Базеля версты двѣ, я выскочилъ изъ кареты, упалъ на

цвѣтущій берегъ зеленаго Рейна, и готовъ былъ въ восторгѣ цѣловать землю. Щастливые Швейцары! всякой ли день, всякой ли часъ благодарите вы Небо за свое щастіе, живучи въ объятіяхъ прелестной Натуры, подъ благодѣтельными законами братскаго союза, въ простотѣ нравовъ, и служа одному Богу? вся жизнь ваша есть конечно пріятное сновидѣніе, и самая роковая стрѣла должна кротко влетать въ грудь вашу (*), не возмущаемую тиран-

(*) Читатель можетъ быть вспомнитъ о стрѣлахъ Аполлоновыхъ, которыя *кротко умерщвляли* смертныхъ. Греки въ минахъ своихъ предали намъ памятники *нѣжного* своего *чувства*. Что можетъ быть въ самомъ дѣлѣ нѣжнѣе сего вымысла, приписывающаго разрушеніе наше дѣйствію *вѣчноюнаго Аполлона*, въ которомъ Древніе воображали себѣ совершенство красоты и стройности?

скими страстями! — Такъ, друзья мои! я думаю, что ужасъ смерти бываетъ слѣдствіемъ нашего уклоненія отъ путей Природы. Думаю, и на сей разъ увѣренъ, что онъ не есть врожденное чувство нашего сердца. Ахъ! естьли бы теперь, въ самую сію минуту, надлежало мнѣ умереть, то я со слезою любви упалъ бы во всеобъемлющее лоно Природы, съ полнымъ увѣреніемъ, что она зоветъ меня къ новому щастію; что измѣненіе существа моего есть возвышеніе красоты, перемѣна изящнаго на лучшее. И всегда, милые друзья мои, всегда, когда я духомъ своимъ возвращаюсь въ первоначальную простоту натуры человѣческой — когда сердце мое отверзается впечатлѣніямъ красотъ Природы — чувствую я то же, и не нахожу въ смерти ничего страшнаго. Высочайшая Благость не была бы высочайшею Бла-

гостію, естьли бы Она съ которой нибудь стороны не усладила для насъ всѣхъ необходимостей — и съ сей-то услажденной стороны должны мы прикасаться къ нимъ устами нашими! — Прости мнѣ, мудрое Провидѣніе, естьли я когда нибудь какъ буйный младенецъ, проливая слезы досады, роптал на жребій человѣка! Теперь, погружаясь въ чувство Твоей благости, лобызаю невидимую руку Твою, меня ведущую! — —

Мы ѣдемъ подлѣ Рейна, съ ужаснымъ шумомъ и волненіемъ стремящагося между тихихъ луговъ и садовъ виноградныхъ. Тутъ мальчики и маленькія дѣвочки играютъ, рвутъ цвѣты и бросаютъ ими другъ въ друга; тамъ покойный селянинъ, насвистывая веселую пѣсню, поправляетъ въ саду своемъ сошки, увитыя гибкимъ виноградным стеблемъ — смотритъ на проѣзжихъ, и ласковымъ

мановенiемъ желаетъ имъ добраго дня. — Высокiя горы у насъ передъ глазами; но Альпы скрываются еще въ лазури отдаленiя. Юра изгибаетъ за нами хребетъ свой, отбрасывающiй синюю тѣнь на долины. —— Нѣтъ, я не могу писать; красоты, меня окружающiя, отвлекаютъ глаза мои отъ бумаги.

Реинфельденъ, Австрiйской городокъ.

И такъ я теперь во владѣнiи нашего Союзника! — Кучеръ нашъ кормитъ своихъ лошадей хлѣбомъ, а я сижу въ трактирѣ подъ окномъ, и смотрю на Реинъ, котораго пѣна чуть до меня не долетаетъ.

Брукъ.

Мы обѣдали въ маленькой Швейцарской деревенькѣ, куда въ одно время съ нами пріѣхала Француженка въ печальномъ платьѣ, съ девятилѣтнимъ сыномъ и съ бѣлкою. Печальное платье, блѣдное лице и томность въ глазахъ, дѣлали ее привлекательною для меня, а еще болѣе для моего мягкосердечнаго Б*. „Я надѣюсь, сударыня, что вы позволите намъ вмѣстѣ съ вами обѣдать“ — сказалъ онъ ей съ такимъ видомъ и такимъ голосомъ, которой для Датчанина былъ очень нѣженъ. „Естьли это не будетъ вамъ противно“ — отвѣчала Француженка съ пріятнымъ движеніемъ головы. „Господинъ трактирщикъ!“ закричалъ мой Б* повелительнымъ голосомъ: „вы конечно не заставите насъ жаловаться на худой обѣдъ?“ *Увидите,* отвѣчалъ Швейцаръ съ нѣкоторою досадою, поправивъ на

головѣ своей шапку. — „Швейцары добрые люди“ — сказала Француженка съ улыбкою, сѣвъ за накрытой столъ — „только немного грубоваты.“ Поставили кушанье. Б* рѣзалъ, раздавалъ, и всячески старался услуживать Дамѣ и сыну ея. Онъ не могъ утерпѣть, чтобы не спросить у нее, по комъ носитъ она трауръ. „По братѣ, отвѣчала Француженка со вздохомъ. Онъ писалъ ко мнѣ изъ Т* о своей болѣзни; я поѣхала къ нему съ маленькимъ своимъ Пьеромъ, и — нашла его лежащаго въ гробѣ.“ Тутъ отерла она слезу, которая выкатилась изъ *праваго* глаза ея, какъ сказалъ бы Йорикъ.— А въ какихъ лѣтахъ былъ вашъ братецъ? спросилъ Б*, и заставилъ меня отъ досады повернуться на стулѣ. — „Старѣе меня пятью годами“ — отвѣчала она, и отерла *другую* слезу, блиставшую на *нижней ресницѣ лѣваго гла-*

за ея. Господинъ Б*! сказалъ *я*: вы оскорбляете чувствительность Госпожи N. N. горестными воспоминаніями. Я этова не думалъ (отвѣчалъ онъ покраснѣвши), право не думалъ. Простите меня, сударыня! „Рана въ сердцѣ моемъ такъ еще свѣжа, сказала она, что кровь не переставала изъ нее литься.“ — Маленькой Пьеръ бросилъ ложку, посмотрѣлъ на мать, всталъ, подбѣжалъ къ ней, началъ цѣловать ея руку, и между поцѣлуями взглядывалъ на нее такъ умильно, и говорилъ ей такъ нѣжно: *маменька, не плачьте! не плачьте, любезная маменька!* что я пошелъ въ карманъ за бѣлымъ платкомъ, а Б* въ восторгѣ вскочилъ со стула, схватилъ руку ея, которою обнимала она сына своего, и прижалъ ее къ своимъ губамъ. Въ самую сію секунду вошелъ трактирщикъ. *Ба! что это?* сказалъ онъ грубымъ голосомъ: *я думалъ,*

что вы обѣдаете. Никто не отвѣчалъ ему. Госпожа N. N. высвободила свою руку (на которой осталось розовое пятно), и томнымъ взоромъ наказала чувствительнаго Б* за нескромной жаръ его. Вели подать намъ кофе, сказалъ я тракширщику; но онъ стоялъ какъ вкопаной, выпучивъ глаза на Француженку, которой блѣдныя щеки, отъ внутренняго ея движенія, покрылись алымъ румянцемъ. Между тѣмъ она указала маленькому Пьеру мѣсто его. Б* сѣлъ на свое, и мы принялись за десертъ. Госпожа N. N. успокоилась, и разсказала намъ, что она возвращается теперь къ своему мужу, которой родомъ Швейцаръ, но по торговымъ дѣламъ жилъ долгое время во Франціи, и будучи въ Т*, влюбился въ нее, сыскалъ ея любовь, женился на ней и переѣхалъ жить въ К*. Онъ очень щастливъ, сударыня (сказалъ я), имѣя такую

супругу; но онъ конечно достоинъ своего щастія, потому что вы нашли его достойнымъ любви вашей. — Тутъ кучеръ объявилъ намъ, что лошади впряжены. Надобно было расплатиться съ тракпирщикомъ и проститься съ нѣжною Француженкою. Она позволила намъ расцѣловать своего Пьера,— изъ чего вышла опять чувствительная сцена, и вотъ какимъ образомъ. Въ самую ту минуту, какъ Б* обнималъ маленькаго Пьера, рѣзвая бѣлка, прыгавшая по столу, вскочила ему на голову, и передними своими лапками такъ ласково ухватила его за носъ, что онъ закричалъ. Госпожа N. N. ахнула; а тракпирщикъ, стоявшій у дверей, захохоталъ во все горло. Бѣлку стащили съ головы моего пріятеля, и маленькой Пьеръ, вертя ее за хвостъ, кричалъ: *ахъ, бѣлка! злая бѣлка! на что ты схватила за носъ Господина Б*?* Учтивой

пріятель мой увѣрялъ Госпожу N. N., что ему не приключилось въ самомъ дѣлѣ никакого вреда, кромѣ испуга. „Ахъ, государь мой! сказала она: я вижу кровь, я вижу кровь!“ . . . и бѣлымъ своимъ платкомъ обтерла двѣ красныя капли на его переносицѣ. „Ахъ, сударыня! отвѣчалъ Б*, будучи тронутъ до глубины сердца: какъ мнѣ благодарить васъ за вашу попечительность! Воспоминаніе объ ней будетъ для меня всегда пріятнѣйшимъ воспоминаніемъ; и самой вашей бѣлки я никогда не забуду.“ Госпожа N. N. подарила ему трубочку Англійскаго пластыря, желая, чтобы цѣлительная сила его загладила преступленіе ея звѣрка. Тутъ мы снова простились, получивъ отъ нее адресъ ея, и записавъ ей наши имена. Маленькой Пьеръ проводилъ насъ до кареты. Милая Француженка смотрѣла изъ окна, когда мы садились. Про-

стите, сударыня, простите! кричалъ ей Б*. Простите! отвѣчала она. Простите! кричалъ маленькой Пьеръ, кивая головою. — Мы поѣхали, и долго еще говорили о любезной Госпожѣ N. N., которая въ воображеніи моего Б* затемнила образъ молодой Госпожи изъ Ивердона. —

Проѣзжая черезъ одну деревню, увидѣли мы великое стеченіе народа; велѣли кучеру остановиться, вышли изъ кареты и втерлись въ толпу. Тутъ вязали одного молодаго человѣка, которой со слезами просилъ, чтобы его освободили. Что такое онъ сдѣлалъ? спросили мы. „Онъ укралъ, укралъ два талера въ лавкѣ" — отвѣчали намъ вдругъ человѣка четыре: „у насъ никогда не бывало воровства; это бродяга, пришедшій изъ Германіи; его надобно наказать."— Однакожь онъ плачетъ, сказалъ я: добродушные Швейцары! пустите

его! — „Нѣтъ, его надобно наказать, чтобы онъ пересталъ красть“ — отвѣчали мнѣ. По крайней мѣрѣ, добродушные Швейцары, накажите его такъ, какъ отцы наказываютъ дѣтей своихъ за ихъ проступки, — сказалъ я, и пошелъ къ своей каретѣ. — Можетъ быть ни въ какой землѣ, друзья мои, не бываетъ такъ мало преступленій, какъ въ Швейцаріи, а особливо воровства, которое считается здѣсь за великое злодѣяніе. О разбояхъ и убивствахъ совсѣмъ не слышно; миръ и тишина царствуютъ въ щастливой Гельвеціи. —

Спускаясь съ высокой горы, которая виситъ надъ городомъ, могъ я обнять глазами великое пространство; и все сіе пространство усѣяно щедротами Натуры! Здѣсь мы ночуемъ; а завтра поутру будемъ въ Цирихѣ.

Цирихъ.

Съ отмѣннымъ удовольствіемъ подъѣзжалъ я къ Цириху; съ отмѣннымъ удовольствіемъ смотрѣлъ на его пріятное мѣстоположеніе, на ясное небо, на веселыя окрестности, на свѣтлое, зеркальное озеро, и на красные его берега, гдѣ нѣжной Геснеръ рвалъ цвѣты для украшенія пастуховъ и пастушекъ своихъ; гдѣ душа безсмертнаго Клопштока наполнялась великими идеями о священной любви къ отечеству, которыя послѣ съ дикимъ величіемъ излились въ его *Германѣ*; гдѣ Бодмеръ собиралъ черты для картинъ своей Ноахиды, и питался духомъ временъ Патріаршихъ; гдѣ Виландъ и Гете въ сладостномъ упоеніи обнимались съ Музами, и мечтали для потомства; гдѣ Фридрихъ Штолбергъ, сквозь туманъ двадцати девяти вѣковъ, видѣлъ въ духѣ своемъ древнѣйшаго изъ творцевъ Греческихъ, пѣвца

боговъ и Героевъ, сѣдаго старца Гомера, лаврами увѣнченнаго, и пѣснями своими восхищающаго Греческое юношество — видѣлъ, внималъ, и въ вѣрномъ отзывѣ повторялъ пѣсни его на языкѣ Тевтоновъ (*); гдѣ нашъ Л* бродилъ съ любовною своею грустїю, и всякой цвѣточикъ со вздохомъ посвящалъ Веймарской своей богинѣ. —

Мы прїѣхали сюда въ 10 часовъ утра. Въ трактирѣ, подъ вывѣскою *ворона*, отвели намъ большую, свѣтлую комнату. Обширное Цирихское озеро разливается у насъ передъ глазами, и почти подъ самыми нашими окнами вытекаетъ изъ него рѣка Лиммата, которой шумное и быстрое стремленїе прїятнымъ образомъ отличается отъ тихой зыби водъ его; прямо

(*) Т. е. Нѣмцовъ. — Штолбергъ перевелъ Илїаду.

противъ насъ, за озеромъ, стоятъ высокія горы въ утесъ; далѣе, въ сторону, видны Швицкія, Унтервальденскія и другія высочайшія и снѣгомъ покрытыя горы, составляющія для меня совершенно новое зрѣлище; и все это могу я видѣть вдругъ, сидя подъ окномъ въ своей комнатѣ. — Намъ принесли кушанье. Послѣ обѣда пойду — нужно ли сказывать къ кому?

Въ 9 часовъ вечера. Вошедши въ сѣни, я позвонилъ въ колокольчикъ, и черезъ минуту показался сухой, высокой, блѣдной человѣкъ, въ которомъ мнѣ не трудно было узнать — Лафатера. Онъ ввелъ меня въ свой кабинетъ, и услышавъ, что я тотъ Москвитянинъ, которой выманилъ у него нѣсколько писемъ, поцѣловался со мною — поздравилъ меня съ пріѣздомъ въ Цирихъ — сдѣлалъ мнѣ два или

три вопроса о моемъ путешествіи — и сказалъ: „Приходите ко мнѣ „въ шесть часовъ; теперь я еще „не кончилъ своего дѣла. Или о„станьтесь въ моемъ кабинетѣ, „гдѣ можете читать и разсма„тривать, что вамъ угодно. Будь„те здѣсь какъ дома.“ — Тутъ онъ показалъ мнѣ въ своемъ шкапѣ нѣсколько фоліантовъ, съ надписью: *Физіогномической Кабинетъ*, и ушелъ. Я постоялъ, подумалъ, сѣлъ и началъ разбирать физіогномическіе рисунки. Между тѣмъ признаюсь вамъ, друзья мои, что сдѣланной мнѣ пріемъ оставилъ во мнѣ не совсѣмъ пріятныя впечатлѣнія. Уже ли я надѣялся, что со мною обойдутся дружелюбнѣе, и услышавъ мое имя, окажутъ болѣе ласковаго удивленія? Но на чемъ же основывалась такая надежда? Друзья мои! не требуйте отъ меня отвѣта, или вы приведете меня въ краску. Улыбнитесь

про себя на счетъ вѣтренаго, безразсуднаго самолюбія человѣческаго, и предайте забвенію слабость вашего друга. — Лафатеръ раза три приходилъ опять въ кабинетъ, запрещалъ мнѣ вставать со стула, бралъ книгу или бумагу, и опять уходилъ назадъ. Наконецъ вошелъ онъ съ веселымъ видомъ, взялъ меня за руку и повелъ — въ собраніе Цирихскихъ Ученыхъ, къ Профессору Брейтингеру, гдѣ рекомендовалъ меня хозяину и гостямъ, какъ своего пріятеля. Небольшой человѣкъ съ проницательнымъ взоромъ, — у котораго Лафатеръ пожалъ руку сильнѣе, нежели у другихъ, — обратилъ на себя мое вниманіе. Это былъ Пфенингеръ, издатель Христіянскаго Магазина, и Лафатеровъ другъ. При первомъ взглядѣ показалось мнѣ, что онъ очень похожъ на С. И. Г., и хотя, разсматривая лице его по частямъ, уви-

дѣлъ я, что глаза у него другіе, лобъ другой, и все, все другое; однакожь первое впечатлѣніе осталось, и мнѣ никакъ не можно было разувѣрить себя въ семъ сходствѣ. Наконецъ я положилъ, что хотя и нѣтъ между ими сходства въ наружной формѣ частей лица, однакожь оно должно быть во внутренней структурѣ мускуловъ!! Вы знаете, друзья мои, что я еще и въ Москвѣ любилъ заниматься разсматриваніемъ лицъ человѣческихъ, искать сходства тамъ, гдѣ другіе его не находили, и проч. и проч. а теперь, будучи обвѣянъ воздухомъ того города, которой можно назвать колыбелію новой Физіогномики, Метопоскопіи, Хиромантіи, Подоскопіи — теперь и вы бойтесь мнѣ на глаза показаться! — Честные Швейцары курили табакъ и пили чай, а Лафатеръ разсказывалъ имъ о свиданіи своемъ съ Неккеромъ.

Послушаемъ, что онъ говоритъ объ немъ. „Естьли бы хотѣлъ я „вообразить совершеннаго Мини- „стра, то представилъ бы себѣ „Неккера. Лице, голосъ и движе- „нія не измѣняютъ у него сердцу. „Вѣчное спокойствіе есть его „стихія. Однакожь онъ не рож- „денъ великимъ, такъ какъ Нев- „тонъ, Вольтеръ, и проч. Вели- „кость его есть пріобрѣтеніе; онъ „сдѣлалъ изъ себя все возможное." Лафатеръ видѣлъ его въ самой тотъ часъ, какъ онъ рѣшился по- виноваться волѣ Короля и Націо- нальнаго Собранія, и посвятивъ сердечной вздохъ спокойному при- станищу, ожидавшему его при по- дошвѣ горы Юры (*), возвратить-

(*) Гдѣ онъ теперь провождаетъ ти- хіе дни свои; но можетъ ли едино- образная, непрерывная, праздная ти- шина быть щастіемъ для того, кто привыкъ уже къ дѣятельной жизни государственнаго человѣка? Сія

ся въ бурной Парижъ. — Я былъ слушателемъ въ бесѣдѣ Цирих-

жизнь, при всѣхъ своихъ безпокойствахъ, имѣетъ въ себѣ нѣчто весьма пріятное, и Неккеръ, при шумѣ горныхъ вѣтровъ, потрясающихъ уединенное жилище его, томится въ уныніи, и помышляя о протекшихъ часахъ, посвященныхъ имъ благу Французовъ, внутренно укоряетъ сей народъ неблагодарностію, и взываетъ съ Царемъ Леаромъ или Лиромъ: Blow winds, rage, blow! J tax not you, you elements, with unkindness; J called not you my children; J never gave you kingdom! (*Шумите, свирѣпые вѣтры, шумите! я не жалуюсь на свирѣпость вашу, раздраженныя стихіи! вы не дѣти мои; вамъ не отдавалъ я царства*). Читая сіе мѣсто въ новой книгѣ его, sur l'Administration de M. Necker, par lui-même, едва могъ я отъ слезъ удержаться. Французы! вы кричали нѣкогда: *да здравствуетъ Нація, Король и Неккеръ!* а теперь кто изъ васъ думаетъ о Неккерѣ?

скихЪ УченыхЪ, и кЪ великому своему сожалѣнію не понималЪ всего, что говорено было; потому что здѣсь говорятЪ самымЪ нечистымЪ НѣмецкимЪ языкомЪ. ЧерезЪ часЪ ЛафатерЪ взялЪ шляпу, и я пошелЪ сЪ нимЪ вмѣстѣ. ОнЪ проводилЪ меня до трактира, и простился со мною до завтрашняго дня.

Вы конечно не потребуете отЪ меня, чтобы я вЪ самой первой день личнаго моего знакомства сЪ ЛафатеромЪ описалЪ вамЪ душу и сердце его. На сей разЪ могу сказать единственно то, что онЪ имѣетЪ весьма почтенную наружность: прямой и стройной станЪ, гордую осанку, продолговатое блѣдное лице, острые глаза и важную мину. Всѣ его движенія живы и скоры; всякое слово говоритЪ онЪ сЪ жаромЪ. ВЪ тонѣ его есть нѣчто учительское или повелительное, происшедшее ко-

нечно отъ навыка говорить проповѣди, но смягчаемое видомъ непритворной искренности и чистосердечія. Я не могъ *свободно* говорить съ нимъ, первое потому, что онъ, казалось, взоромъ своимъ заставлялъ меня говорить какъ можно скорѣе; а второе потому, что я безпрестанно боялся не понять его, не привыкнувъ къ Цирихскому выговору.

Пришедши въ свою комнату, почувствовалъ я великую грусть; и чтобы не дать ей усилиться въ моемъ сердцѣ, сѣлъ писать къ вамъ, любезные, милые друзья мои! Для того, чтобы узнать всю привязанность нашу къ отечеству, надобно изъ него выѣхать; чтобы узнать всю любовь нашу къ друзьямъ, надобно съ ними разстаться.

Какая пріятная, тихая мелодія нѣжно потрясаетъ нервы моего слуха! Я слышу пѣніе; оно несет-

ся изъ оконъ сосѣдняго дома. Это голосъ юноши — и вотъ слова пѣсни:

Отечество мое! любовію къ тебѣ горитъ вся кровь моя; для пользы твоея готовъ ее пролить; умру твоимъ нѣжнѣйшимъ сыномъ.

Отечество мое! ты все въ себѣ вмѣщаешь, чѣмъ смертный можетъ наслаждаться въ невинности своей. Въ тебѣ прекрасенъ видъ Природы; въ тебѣ цѣлителенъ и ясенъ воздухъ; въ тебѣ земныя блага рѣкою полною лiются.

Отечество мое! любовію къ тебѣ горитъ вся кровь моя; для пользы твоея готовъ ее пролить; умру твоимъ нѣжнѣйшимъ сыномъ.

Мы всѣ живемъ въ союзѣ братскомъ; другъ друга любимъ, не боимся, и чтимъ того, кто добръ и мудръ. Не знаемъ роскоши, которая свободныхъ въ рабовъ, въ тирановъ превращаетъ. На что намъ блескъ искусства, когда Природа

здѣсь сіяетъ во всей своей красѣ — когда мы изъ грудей ея піемъ блаженство и восторгъ?

Отечество мое! любовію къ тебѣ горитъ вся кровь моя; для пользы твоея готовъ ее пролить; умру твоимъ нѣжнѣйшимъ сыномъ.

Голосъ умолкъ; тишина ночи царствуетъ въ городѣ. Простите, друзья мои!

---

11 Августа, въ 10 часовъ вечера.

Пришедши въ 11 часовъ къ Лафатеру, нашелъ я у него въ кабинетѣ жену владѣтельнаго Графа Штолберга, которая читала про себя какой-то манускриптъ, между тѣмъ какъ хозяинъ (NB. въ пестромъ своемъ шлафрокѣ) писалъ письма. Черезъ полчаса комната его наполнилась гостями. Всякой чужестранецъ, пріѣзжаю-

щій въ Цирихъ, считаетъ за должность быть у Лафатера. Сіи посѣщенія могли бы иному наскучить; но Лафатеръ сказалъ мнѣ, что онъ любитъ видѣть новыхъ людей, и что отъ всякаго пріѣзжаго можно чему нибудь научиться. Онъ повелъ насъ къ своей женѣ, гдѣ пробыли мы съ часъ — поговорили о Французской революціи, и разошлись. Послѣ обѣда я опять пришелъ къ нему, и нашелъ его опять занятаго дѣломъ. Къ тому же всякую четверть часа кто нибудь входилъ къ нему въ кабинетъ, или требовать совѣта, или просить милостыни. Всякому отвѣчалъ онъ безъ сердца, и давалъ, что могъ. Между тѣмъ я познакомился съ живописцомъ Липсомъ, которой не давно пріѣхалъ изъ Италіи, и живетъ у него въ домѣ. Къ намъ пришелъ еще Пфеннингеръ, съ котораго Липсъ началъ списывать портретъ, и съ

которымъ мы проговорили до самаго вечера; а хозяинъ ушелъ отъ насъ въ четыре часа, и не возвращался.

О городѣ скажу вамъ, что онъ не прельщаетъ глазъ, и кромѣ публичныхъ зданій, на прим. ратуши и проч., не замѣтилъ я очень хорошихъ или огромныхъ домовъ; а многіе улицы или переулки не будутъ ни въ сажень шириною.

Въ здѣшнемъ арсеналѣ показываютъ стрѣлу, которою славной Вильгельмъ Тель сшибъ яблоко съ головы своего сына и застрѣлилъ Императорскаго Губернатора Гейслера; — что было знакомъ къ общему бунту. — Въ публичной Цирихской библіотекѣ между прочими манускриптами хранятся три Латинскія письма отъ шестнадцатилѣтней Анны Гре къ Реформатору Буллингеру, писанныя собственною ея рукою, и наполнен-

ныя чувствами сердечнаго благочестія. Разныя мѣста, приведенныя ею въ сихъ письмахъ изъ Еврейскихъ и Греческихъ книгъ, показываютъ, что она знала и тотъ и другой языкъ. Такая ученость въ шестнадцатилѣтней дѣвицѣ могла бы и нынѣ удивить насъ: что же тогда? Нещастная Гре! ты была украшеніемъ своего времени, и скончала цвѣтущую жизнь столь ужаснымъ образомъ! Тронъ былъ тебѣ погибелью.

Августа 12.

Нынѣ рано поутру прислалъ за мною Лафатеръ, чтобы вмѣстѣ съ нимъ и съ нѣкоторыми изъ друзей его итти обѣдать къ деревенскому Священнику Т*. Это путешествіе утомило меня до крайности. Надобно было всходить по камнямъ на высокую и

крутую гору. Нѣкоторые изъ нашихъ сопутниковъ, для облегченія своего, скинули съ себя кафтаны, и шли въ однихъ камзолахъ. На вершинѣ горы мы остановились отдохнуть и полюбоваться прекрасными видами, которые наградили меня за все претерпѣнное мною. „Удивительно ли (сказалъ мнѣ Г. Гесъ, указывая рукою на свѣтлое озеро, на горы и плодоносныя долины) удивительно ли, что Швейцары такъ привязаны къ своему отечеству? Смотрите, сколько красотъ здѣсь разсѣяно!“ — На узкой долинѣ между горъ, въ семи верстахъ отъ Цириха, лежитъ та маленькая деревенька, которая была цѣлію нашего путешествія. Тамъ принялъ насъ добродушной Священникъ со всѣми знаками дружелюбія. Вмѣстѣ съ нимъ вышли къ намъ на встрѣчу жена его и двѣ дочери, которыя всякому живописцу могли бы слу-

жить образцемъ красоты, и которыя напомнили мнѣ Томсоновы стихи:

As in the hollow breast of Appenine,
Beneath the shelter of encircling hills,
A myrtle rises, far from human eye,
And breathes its balmy fragrance o'er the wild:
So flourish'd blooming, and unseen by all,
The sweet Lavinia (*) — —

Сестры прелестницы! я хотѣлъ бы щасливою чертою пера изобразить красоту вашу, которую сама Натура возлелѣяла; хотѣлъ бы сравнять бѣлорумяныя щеки

(*) „Подобно какъ въ лонѣ горъ Апенинскихъ, подъ кровомъ холмовъ, восходитъ миртъ, удаленный отъ глазъ человѣческихъ, и бальзамическое свое благовоніе изливаетъ въ пустынѣ: такъ цвѣла въ уединеніи любезная Лавинія."

ваши съ чистымъ снѣгомъ высокихъ горъ, когда восходящее солнце сыплетъ на него алыя розы; хотѣлъ бы уподобить улыбку вашу улыбкѣ весенней Природы, глаза ваши звѣздамъ вечернимъ — но скромность вашихъ взоровъ отнимаетъ у меня смѣлость хвалить васъ. — Никогда еще не видывалъ я двухъ женщинъ, столь между собою сходныхъ, какъ сіи двѣ красавицы. Кажется, что Граціи образовали ихъ въ одно время и по одной модели. Ростъ одинакой, лица одинакія; у обѣихъ черные глаза и русые волосы, по плечамъ распущенные; на обѣихъ и бѣлыя платья одинакаго покроя (*). — „Я привелъ къ вамъ Рускаго (сказалъ Лафатеръ), которой знакомъ

(*) Одной изъ нихъ нѣтъ уже на свѣтѣ! Горы Швейцарскія! вы не защитили ее отъ безвременной, жестокой смерти!

съ вашею родственницею, дѣвицею Т*." Хозяйка меня разспрашивала, а дочери слушали, наливая чай для гостей своихъ. Признаюсь, я выпилъ лишнюю чашку, и выпилъ бы еще десять, естьли бы красавицы не перестали меня подчивать. — Между тѣмъ я обратилъ глаза свои на большой шкапъ съ книгами, и нашелъ тутъ почти всѣхъ лучшихъ древнихъ и новыхъ Стихотворцевъ. Вы конечно любите Поэзію? спросилъ я у хозяина. *Родясь въ романической землѣ*, отвѣчалъ онъ, *какъ не любить Поэзіи?* Между тѣмъ мы отдохнули, и пошли гулять по саду. Со всѣхъ сторонъ представлялись намъ дикіе виды горъ, полагавшихъ тѣсные предѣлы нашему зрѣнію.—Естьли мнѣ когда нибудь наскучитъ свѣтъ; естьли сердце мое когда нибудь умретъ всѣмъ радостямъ общежитія; естьли уже не будетъ для

него ни одного сочувствующаго сердца: то я удалюсь въ эту пустыню, которую сама Натура оградила высокими стѣнами, неприступными для пороковъ, — и гдѣ все, все забыть можно, все, кромѣ Бога и Натуры. — Возвратясь въ комнату, нашли мы на столѣ кушанье. Обѣдъ былъ самой изобильной; говорили, шутили, смѣялись. Лафатеръ, сидѣвшій рядомъ со мною, сказалъ, потрепавъ меня по плечу: *думалъ ли я дни за три передъ этимъ, что буду нынѣ обѣдать съ моимъ Московскимъ пріятелемъ?* Послѣ обѣда началась игра — однакожь не карточная, друзья мои! Всѣ сѣли вокругъ стола; всякой взялъ листочикъ бумаги и написалъ вопросъ, какой ему на мысль пришелъ. Потомъ бумажки смѣшали и роздали. Всякой долженъ былъ отвѣчать на тотъ вопросъ, который ему достался, и написать но-

вой. Такимъ образомъ продолжались вопросы и отвѣты, пока на листочкахъ не осталось бѣлаго мѣста. Тутъ прочли вслухъ все написанное. Нѣкоторые отвѣты были довольно остроумны; а Лафатеровы отличались отъ другихъ, какъ луна отъ звѣздъ. Сестры прелестницы отвѣчали всегда просто и хорошо. Вотъ вамъ нѣчто для примѣра. Вопросъ: *Кто есть истинной благодѣтель?* Отвѣтъ: *Тотъ, кто помогаетъ ближнему въ* настоящей *его нуждѣ.* Сей отвѣтъ, при всей своей простотѣ, заключаетъ въ себѣ разительную истину. Давай всякому то, въ чемъ онъ на *сей разъ* имѣетъ нужду; не читай нравоученій тому человѣку, которой умираетъ съ голоду, а дай ему кусокъ хлѣба; не бросай рубля тому, кто утопаетъ, а вытащи его изъ воды. — Вопросъ: *Нужна ли жизнь такого-то человѣка для совершенія такого-то*

дѣла? Отвѣтъ: *Нужна, естьли онъ живъ останется; не нужна, естьли онъ умретъ.* — Вопросъ: *Что всего лучше въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы теперь?* Отвѣтъ: *Люди.*—Потомъ изъ нѣсколькихъ заданныхъ словъ, между которыми не было никакой связи, надлежало всякому сочинить что нибудь связное. Тутъ выходило все смѣшное. — Желалъ бы я, чтобы мы переняли у Нѣмцовъ сіи острящія разумъ игры, которыя могутъ быть столь забавны въ пріятельскихъ обществахъ (*).

Наконецъ, поблагодаривъ хозяина за угощеніе, отправились мы назадъ въ Цирихъ. Добродушной Священникъ съ двумя своими Ореадами пошелъ насъ провожать; красавицы очень устали, и я насилу могъ упросить одну изъ нихъ

(*) Желаніе Автора исполнилось: нѣкоторыя изъ нашихъ Дамъ полюбили играть въ *вопросы* и *отвѣты*.

взять мою трость. На вершинѣ горы мы съ ними разстались, и возвратились въ городъ почти ночью. Я простился съ Лафатеромъ на два дни; потому что намѣренъ завтра вмѣстѣ съ пріятелемъ моимъ Б* итти пѣшкомъ въ Шафгаузенъ, до котораго считается отсюда пять миль.

Эглизау, Августа 14.

Вчера въ восемь часовъ утра пошли мы съ Б* изъ Цириха. Сперва шелъ я довольно бодро; но скоро силы мои начали истощаться — день былъ самой ясной — жаръ безпрестанно усиливался — и наконецъ, прошедши мили двѣ, я отъ слабости упалъ на траву подлѣ дороги, къ великой досадѣ моего Б*, которому хотѣлось какъ можно скорѣе дойти до Рейнскаго водопада. Изъ трактира

вынесли намъ воды и вина, которое подкрѣпило силы мои; и мы черезъ часъ опять пустились въ путь. Однакожь до Шафгаузена я еще раза три останавливался отдыхать. Наконецъ, въ семь часовъ вечера, услышали мы шумъ Реина, удвоили шаги свои, пришли на край высокаго берега, и увидѣли водопадъ. Не думаете ли вы, что мы при семъ видѣ закричали, изумились, пришли въ восторгъ, и проч.? Нѣтъ, друзья мои! мы стояли очень тихо и смирно, минутъ съ пять не говорили ни слова, и боялись взглянуть другъ на друга. Наконецъ я осмѣлился спросить у моего товарища, что онъ думаетъ о семъ явленіи? „Я думаю, отвѣчалъ Б*, что оно — слишкомъ — слишкомъ возвеличено путешественниками.“ Мы одно думаемъ, сказалъ я: рѣка, съ пѣною и съ шумомъ низпадающая съ камней, конечно стоитъ того,

чтобы взглянуть на нее; однакожь гдѣ тотъ громозвучной, ужасной водопадъ, которой вселяетъ трепетъ въ сердце? — Такимъ образомъ мы поговорили другъ съ другомъ, и боясь, чтобы въ Шафгаузенѣ не заперли воротъ, отложили до слѣдующаго дня посмотрѣть на водопадъ вблизи. Насилу могъ я дотащиться до города: такъ ноги мои устали! Мы пришли прямо въ трактиръ *вѣнца,* гдѣ обыкновенно останавливаются путешественники, и гдѣ — не смотря на то, что мы были пѣшеходцы и съ головы до ногъ покрыты пылью — приняли насъ очень учтиво. Сей трактиръ почитается однимъ изъ лучшихъ въ Швейцаріи, и существуетъ болѣе двухъ вѣковъ. Монтань упоминаетъ объ немъ, и притомъ съ великою похвалою, въ описаніи своего путешествія; а Монтань былъ въ Шафгаузенѣ въ 1581 году. — Послѣ хо-

рошаго ужина бросился я на постелю и заснулъ мертвымъ сномъ. На другой день поутру, т. е. сегодня, былъ я у Кандидата Миллера, Автора хорошо-принятой книги, подъ титуломъ Philosophische Aufsätze, и у богатаго купца Гауппа, къ которымъ далъ мнѣ Лафатеръ рекоммендательныя письма. Оба они приняли меня очень ласково, и оба удивлялись тому, что паденіе Реина не сдѣлало во мнѣ сильнагб впечатлѣнія; но услышавъ, что мы видѣли его съ горы, со стороны Цириха, перестали они дивиться, и увѣряли меня, что я конечно перемѣню свое мнѣніе, когда посмотрю на него съ другой стороны, и вблизи. — О городѣ не могу вамъ сказать ничего примѣчанія достойнаго, друзья мои. Не буду описывать вамъ и славнаго деревяннаго моста, построеннаго не Архитекторомъ, но плотни-

комъ; моста, которой дрожитъ подъ ногами одного человѣка, и по которому безъ всякой опасности ѣздятъ самыя тяжелыя кареты и фуры.

Послѣ обѣда поѣхали мы въ наемной коляскѣ къ водопаду, до котораго отъ города будетъ около двухъ верстъ. Пріѣхавъ туда, сошли съ горы и сѣли въ лодку. Стремленіе воды было очень быстро. Лодка наша страшно качалась; и чѣмъ ближе подъѣзжали мы къ другому берегу, тѣмъ яростнѣе мчались волны. Одинъ порывъ вѣтра могъ бы погрузить насъ въ кипящей быстринѣ. Приставъ къ берегу, съ великимъ трудомъ взлѣзли мы на высокой утесъ, потомъ опять спустились ниже, и вошли въ галлерею, построенную, такъ сказать, въ самомъ водопадѣ. Теперь, друзья мои, представьте себѣ большую рѣку, которая, преодолѣвая въ

теченіи своемъ всѣ препоны, полагаемыя ей огромными камнями, мчится съ ужасною яростію, и наконецъ, достигнувъ до высочайшей гранитной преграды, и не находя себѣ пути подъ сею твердою стѣною, съ неописаннымъ шумомъ и ревомъ свергается внизъ, и въ паденіи своемъ превращается въ бѣлую, кипящую пѣну. Тончайшіе брызги разновидныхъ волнъ, съ безпримѣрною скоростію летящихъ одна за другою, миріадами подымаются вверьхъ, и составляютъ млечныя облака влажной, для глазъ непроницаемой пыли. Доски, на которыхъ мы стояли, тряслись безпрестанно. Я весь облитъ былъ водяными частицами, молчалъ, смотрѣлъ и слушалъ разные звуки низпадающихъ волнъ: ревущій концертъ, оглушающій душу! Здѣсь живописецъ бросаетъ кисть свою, и Поэтъ не находитъ словъ для описанія сего ужасно-великаго

явленія. Развѣ только въ страшные дни древняго потопа, когда правосудный Богъ превратилъ земные пары во влажной гробъ развратнаго человѣчества, водная стихія ярилась такъ, какъ она здѣсь ярится. Я готовъ былъ на колѣняхъ просить прощенія у Реина, въ томъ, что вчера говорилъ о паденіи его съ такимъ неуваженіемъ. Долѣе часа были мы въ сей галлереѣ; но это время показалось мнѣ минутою. Переѣзжая опять черезъ Реинъ, увидѣли мы безчисленныя радуги, производимыя солнечными лучами въ водяной пыли: что составляетъ прекрасное, великолѣпное зрѣлище. Послѣ сильныхъ движеній, бывшихъ въ душѣ моей, мнѣ нужно было отдохнуть. Я сѣлъ на Цирихскомъ берегу, и спокойно разсматривалъ картину водопада съ его окрестностями. Каменная стѣна, съ которой низвергается

Реинѣ, вышиною будетъ около семидесяти пяти футовъ. Въ срединѣ сего паденія возвышаются двѣ скалы, или два огромные камня, изъ которыхъ одинъ, не смотря на усиліе волнъ, стремящихся сокрушить его, стоитъ непоколебимъ — (подобно великому мужу, скажетъ стихотворецъ, непреклонному среди бѣдствій, и щитомъ душевной твердости отражающему всѣ удары злаго рока); — а другой камень едва держится на своемъ основаніи, будучи разрушаемъ водою. На противоположномъ крутомъ берегу представлялись мнѣ старой замокъ Лауфенъ, церковь, хижины, винорадные сады и дерева: все сіе вмѣстѣ составляло весьма пріятной ландшафтъ.

Наконецъ, отпустивъ коляску назадъ въ Шафгаузенъ, наняли мы лодку и поплыли внизъ по Реину. Нѣсколько разъ обращались глаза

мои на водопадъ; онъ скрылся — но шумъ его долго еще отзывался въ моемъ слухѣ. — Лодошникъ почелъ за нужное сказать намъ, что въ Америкѣ есть подобной водопадъ. Онъ не умѣлъ назвать его; но мы поняли, что онъ говоритъ о Ніагарѣ.

Эглизау.

Шумящія волны быстро несли нашу лодку между плодоносныхъ береговъ Рейна. День склонялся къ вечеру. Я былъ такъ доволенъ, такъ веселъ; качаніе лодки приводило кровь мою въ такое пріятное волненіе; солнце такъ великолѣпно сіяло на насъ сквозь зеленыя решетки вѣтьвистыхъ деревъ, которыя въ разныхъ мѣстахъ увѣнчеваютъ высокой берегъ; жаркое золото лучей его такъ прекрасно мѣшилось съ чистымъ се-

ребромъ Рейнской пѣны; уединенныя хижины такъ гордо возвышались среди виноградныхъ садиковъ, которые составляютъ богатство мирныхъ семействъ, живущихъ въ простотѣ Натуры — ахъ, друзья мои! для чего не было васъ со мною?

Въ Эглизау, маленькомъ городкѣ, на половинѣ дороги отъ Шафгаузена къ Цириху, вышли мы на берегъ, заплативъ лодошнику новой Французской талеръ, или два рубли. Хотя солнце уже садится, однакожь мы не намѣрены здѣсь ночевать. Выпивъ въ трактирѣ чашекъ пять кофе, я чувствую въ себѣ такую бодрость, что готовъ пуститься пѣшкомъ на десять миль. Товарищъ мой Б*, которой съ коршикомъ и съ собакою прошелъ всю Германію, совсѣмъ не знаетъ усталости — всегда уходитъ впередъ, оборачивается и смѣется надъ моею дряхлостію.

До Цириха остается намъ перейти еще болѣе двухъ миль. Завтра воскресенье, и Лафатеръ поутру въ семь или въ восемь часовъ будетъ говорить проповѣдь въ церкви Св. Петра; мнѣ хочется притти туда къ сему времени.— Б* подаетъ мнѣ посохъ и шляпу. Простите!

Корчма.

Лишь только вышли мы изъ Эглизау, солнце закатилось; сѣрыя облака покрыли небо; вечеръ становился часъ отъ часу темнѣе, и скоро наступила самая мрачная ночь. Намъ надобно было итти лѣсомъ, въ которомъ царствовала мертвая тишина. Мы останавливались и слушали — но ни одинъ листочикъ на деревѣ не шевелился. Я громко произнесъ имя Сильвана: эхо повторило его, и опять

все умолкло. Мнѣ казалось, что я приближаюсь къ святилищу уединеннаго бога лѣсовъ, и вижу его вдали стоящаго съ кипарисною вѣтьвію. Сердце мое чувствовало вмѣстѣ и страхъ и тихое, неизяснимое удовольствіе. Такимъ образомъ шли мы около двухъ часовъ, не встрѣтясь ни съ однимъ человѣкомъ. Тутъ повѣялъ сильной, холодной вѣтеръ, и Б* признался мнѣ, что онъ желалъ бы скорѣе дойти до какой нибудь деревни или до трактира, гдѣ бы намъ можно было ночевать. Я и самъ желалъ того же: лѣтній мой кафтанъ худо защищалъ меня отъ холоднаго вѣтра. Наконецъ мы пришли въ маленькую деревеньку, гдѣ уже всѣ спали; только въ одномъ домѣ свѣтился огонь, и сей домъ былъ трактиръ. Съ видомъ удивленія посмотрѣлъ на насъ трактирщикъ, покачалъ головою, и сказавъ: *въ темную ночь*

бродить пѣшкомъ не прилично такимъ господамъ! отворилъ намъ дверь. Мы вошли въ большую горницу, въ которой не было ничего, кромѣ пяти или шести столовъ и дюжины деревянныхъ стульевъ. Прежде всего заговорили мы объ ужинѣ. Тотчасъ все будетъ готово, сказалъ трактирщикъ, и принесъ намъ сыру, масла, хлѣба и бутылку кислаго вина. Что же еще будетъ? спросили мы. Ничего, отвѣчалъ онъ. Дѣлать было не чего, и пожавъ плечами, принялись мы за ужинъ. Потомъ хозяинъ проводилъ насъ въ спальню, то есть на чердакъ, въ маленькой чуланъ, гдѣ мы нашли постелю, очень не мягкую и не чистую; однакожь усталость принудила насъ искать на ней успокоенія. Черезъ два часа я проснулся, взялъ свѣчу, сошелъ внизъ, въ ту горницу, гдѣ мы ужинали, и сѣлъ написать къ вамъ нѣсколько строкъ,

друзья мои! Между тѣмъ товарищъ мой спитъ очень покойно. Однакожь я намѣренъ теперь разбудить его, чтобы, напившись кофе, итти въ Цирихъ. Вѣтеръ утихъ, и небо прояснилось; скоро будетъ свѣтать.

Цирихъ.

Въ половинѣ девятаго часа пришли мы въ Цирихъ, въ самое то время, когда весь народъ шелъ изъ церкви; и такимъ образомъ въ сіе воскресенье не удалось мнѣ слышать Лафатеровой проповѣди. Всѣ мущины и женщины, которые мнѣ встрѣчались на улицахъ, были одѣты по-праздничному: первые по большой части въ темныхъ кафтанахъ, а послѣднія, всѣ безъ исключенія, въ черномъ длинномъ платьѣ изъ шерстяной матеріи; на головахъ у нихъ были или чеп-

чики или покрывала. Парадное платье Цирихскихъ Сенаторовъ состоитъ въ черномъ суконномъ кафтанѣ, съ черною шелковою епанчею и съ превеликимъ бѣлымъ крагеномъ. Въ такомъ нарядѣ приходятъ они обыкновенно въ Совѣтъ и въ церковь по воскресеньямъ.

Нынѣ послѣ обѣда принялъ меня Лафатеръ очень ласково, и наговорилъ мнѣ довольно пріятнаго. Ему хочется, чтобы я выдалъ на Рускомъ языкѣ извлеченіе изъ его сочиненій. „Когда вы возвратитесь въ Москву, сказалъ онъ, я буду пересылать къ вамъ черезъ почту рукописной оригиналъ. Вы можете собрать подписку, и увѣрить Публику, что въ извлеченіи моемъ не будетъ ни одного необдуманнаго слова.“ Что вы объ этомъ скажете, друзья мои? Найдутся ли у насъ читатели для такой книги? По крайней мѣрѣ

сомнѣваюсь, чтобъ ихъ нашлось много. Однакожь я принялъ Лафатерово предложеніе, и мы ударили съ нимъ по рукамъ. — Отъ него ходилъ я на Цирихское загородное гульбище, большой прекрасной лугъ, на берегу рѣки Лиммaты, осѣняемый старыми, почтенными липами. Тутъ нашелъ я очень много людей, которые всѣ кланялись мнѣ какъ знакомому. Таковъ обычай въ Цирихѣ: всякой встрѣчающійся на улицѣ человѣкъ говоритъ вамъ: *доброй день*, или *доброй вечеръ!* Учтивость хороша; однакожь рука устанетъ снимать шляпу — и я рѣшился наконецъ ходить по городу съ открытою головою. Въ девятомъ часу возвратился я къ Лафатеру, и ужиналъ у него съ нѣкоторыми изъ его пріятелей и со всѣмъ его семействомъ, кромѣ сына, которой теперь въ Лондонѣ. Большая Лафатерова дочь не хороша лицемъ, а меньшая очень

пріятна и рѣзва; первой будетъ около двадцати, а послѣдней около двѣнадцати лѣтъ. Хозяинъ нашъ былъ веселъ и говорливъ; шутилъ, и шутилъ забавно. Между прочимъ зашла рѣчь объ одномъ изъ его извѣстныхъ непріятелей — я обратилъ на Лафатера все свое вниманіе — но онъ молчалъ, и на лицѣ его не видно было никакой перемѣны. Едва ли справедливо будетъ требовать отъ него, чтобы онъ хвалилъ тѣхъ, которые бранятъ его такъ жестоко; довольно, естьли онъ не платитъ имъ такою же бранью. Пфеннингеръ сказывалъ мнѣ, что Лафатеръ давно уже поставилъ себѣ за правило не читать тѣхъ сочиненій, въ которыхъ объ немъ пишутъ; и такимъ образомъ ни хвала, ни хула до него не доходитъ. Я считаю это знакомъ рѣдкой душевной твердости; и человѣкъ, которой, поступая сообраз-

но съ своею совѣстію, не смотритъ на то, что думаютъ объ немъ другіе люди, есть для меня великой человѣкъ. Между тѣмъ, друзья мои, желаю вамъ покойной ночи.

~~~~~~~~~~

Нынѣ поутру пилъ я кофе у Господина Т*, отца извѣстной вамъ дѣвицы Т*, и познакомился со всѣмъ его семействомъ, довольно многочисленнымъ. Удивляюсь, какъ отецъ и мать могли отпустить дочь свою въ такую отдаленную землю! Состояніе ихъ (сколько я видѣлъ и слышалъ) очень не бѣдно — да и много ли надобно для содержанія одной дочери! Къ тому же Швейцары такъ страстно любятъ свое отечество, что почитаютъ за великое нещастіе надолго оставлять его. — Вмѣстѣ съ Господиномъ Т* ходили мы смотрѣть ученья Цирихской милиціи. Почти всѣ жители
~~~~~~~~~~

были зрителями сего спектакля, для нихъ рѣдкаго. Тутъ случилось со мною нѣчто смѣшное и — непріятное. Г. Профессоръ Брейтингеръ, съ которымъ я еще не видался по возвращеніи своемъ изъ Шафгаузена, встрѣтился мнѣ въ толпѣ народа, когда уже кончилось ученье, и послѣ перваго привѣтствія спросилъ, каково показалось мнѣ *видѣнное* мною? Я подумалъ, что онъ говоритъ о паденіи Реина; воображеніе мое тотчасъ представило мнѣ эту величественную сцену — земля затряслась подо мною — все вокругъ меня зашумѣло — и я съ жаромъ сказалъ ему: *ахъ! кто можетъ описать великолѣпіе такого явленія? Надобно только видѣть и удивляться.* „Это были наши волонтеры" — отвѣчалъ мнѣ Г. Профессоръ, и съ поклономъ ушелъ отъ меня. Тутъ я почувствовалъ, что онъ спрашивалъ меня не о па-

деніи Реина , а объ ученьи Цирихскихъ солдатъ: каковымъ же показался ему отвѣтъ мой? Признаться, я досадовалъ и на себя и на него, и хотѣлъ-было бѣжать за нимъ, чтобы вывести его изъ заблужденія, столь оскорбительнаго для моего самолюбія; но между тѣмъ онъ уже скрылся.

Я болѣе и болѣе удивляюсь Лафатеру, любезные друзья мои. Вообразите, что онъ часа свободнаго не имѣетъ, и дверь кабинета его почти никогда не затворяется; когда уйдетъ нищій, придетъ печальный, требующій утѣшенія, или путешественникъ, не требующій ничего, но отвлекающій его отъ дѣла. Сверьхъ того посѣщаетъ онъ больныхъ, не только живущихъ въ его приходѣ, но и другихъ. Нынѣ въ семь часовъ, отправивъ на почту нѣсколько писемъ, схватилъ онъ шляпу, побѣжалъ изъ комнаты, и сказалъ

мнѣ, что я могу итти съ нимъ вмѣстѣ. Посмотримъ, куда, — думалъ я, и пошелъ за нимъ изъ улицы въ улицу, и наконецъ совсѣмъ вонъ изъ города, въ маленькую деревеньку, и на кресть-янской дворъ. *Жива ли Анна?* спросилъ онъ у пожилой женщины, которая встрѣтила насъ въ сѣняхъ. *Чуть душа держится,* отвѣчала она со слезами, и отворила намъ дверь въ горницу, гдѣ увидѣлъ я старую, изсохшую и блѣдную женщину, лежащую на постелѣ. Два мальчика и двѣ дѣвочки стояли подлѣ постели и плакали; но увидѣвъ Лафатера, бросились къ нему, схватили его за обѣ руки и начали цѣловать ихъ. Онъ подошелъ къ больной, и ласковымъ голосомъ спросилъ у нее, какова она? *Умираю — умираю,* отвѣчала старушка, и болѣе не могла сказать ни слова, устремивъ глаза на грудь свою, которая страшнымъ обра-

зомЪ вверьхЪ подымалась. Лафатеръ сѣлъ подлѣ нее, и началъ приготовлять ее къ смерти. „Часъ твой приближился, сказалъ онъ, и Спаситель нашъ ожидаетъ тебя. Не страшись гроба и могилы; не ты, но только бренное тѣло твое въ нихъ заключится. Въ самую ту минуту, когда глаза твои закроются навѣки для здѣшняго міра, возсіяетъ тебѣ заря вѣчной и лучшей жизни. Благодаря Бога, ты дожила здѣсь до глубокой старости, — видѣла возростшихъ дѣтей и внучатъ своихъ, возростшихъ въ доброправіи и благочестіи. Они будутъ всегда благословлять память твою, и наконецъ съ лицемъ свѣтлымъ обнимутъ тебя въ жилищѣ блаженныхъ. Тамъ, тамъ составимъ мы всѣ одно щастливое семейство!" — При сихъ словахъ прервался Лафатеровъ голосъ; онъ утерся бѣлымъ платкомъ, и прочитавъ мо-

литву, благословилЪ умирающую, простился сЪ нею — поцѣловалЪ маленькихЪ дѣтей—сказалЪ, чтобы они не плакали, и давЪ имЪ по нѣскольку копѣекЪ, ушелЪ. Мнѣ было очень тяжело, однакожь слезы не хотѣли литься изЪ глазЪ моихЪ; насилу могЪ я свободно вздохнуть на чистомЪ вечернемЪ воздухѣ.

Гдѣ вы берете столько силЪ и столько терпѣнія? сказалЪ я Лафатеру, удивляясь его дѣятельности. „ДругЪ мой! отвѣчалЪ онЪ сЪ улыбкою: человѣкЪ можетЪ дѣлать много, естьли захочетЪ; и чѣмЪ болѣе онЪ дѣйствуетЪ, тѣмЪ болѣе находитЪ вЪ себѣ силы и охоты кЪ дѣйствію.“

Не думаете ли вы, друзья мои, что ЛафатерЪ, помощникЪ бѣдныхЪ, очень богатЪ? НѣтЪ, доходы его весьма не велики. Но онЪ продаетЪ многія изЪ своихЪ сочиненій, и печатныя и письменныя,

въ пользу неимущихъ братій; и собирая такимъ образомъ изрядную сумму денегъ, раздаетъ ее просящимъ. Я купилъ у него два манускрипта: *сто тайныхъ физіогномическихъ правилъ* (въ заглавіи которыхъ написано: Lache des Elends nicht, und der Mittel das Elend zu lindern)' и *памятникъ для любезныхъ странниковъ* (*); за послѣднюю рукопись онъ не взялъ съ меня денегъ, а велѣлъ мнѣ отдать ихъ одному бѣдному Фран-

(*) Лафатеръ въ печатномъ своемъ Физіогномическомъ сочиненіи бережется показывать въ лицахъ человѣческихъ тѣ черты, которыя означаютъ худое: въ семъ письменномъ (которое, по его словамъ, никогда не должно быть напечатано) говоритъ онъ вольнѣе. — *Памятникъ для путешественниковъ* есть для меня одно изъ лучшихъ его твореній; онъ напечатанъ въ Hand-Bibliothek für Freunde.

цузу, которой пришелъ къ нему просить милостыни.

Господинъ Т* пригласилъ меня ѣхать съ нимъ завтра на лодкѣ прогуливаться по Цирихскому озеру; надѣюсь, что эта прогулка будетъ для меня очень пріятна.

~~~~~~~~~~

Я имѣлъ удовольствіе познакомиться сегодня съ человѣкомъ весьма любезнымъ — съ Архидіакономъ Тоблеромъ, которой мнѣ извѣстенъ былъ по своимъ сочиненіямъ, а особливо по переводу Томсоновыхъ временъ года, изданному покойнымъ Геснеромъ, другомъ его. Онъ пришелъ ко мнѣ нынѣ поутру съ Господиномъ Т*, и прельстилъ меня простотою своего обхожденія. Вмѣстѣ съ нимъ и съ двумя сестрами дѣвицы Т* поѣхали мы въ большой лодкѣ гулять по озеру. Не льзя было выбрать лучшаго дня: на небѣ не показывалось ни одно облач-
~~~~~~~~~~

ко, и вода едва, едва струилась. На томъ и на другомъ берегу озера видны отмѣнно хорошо-выстроенныя деревни, сельскіе домики богатыхъ Цирихскихъ граждан, и виноградные сады, которые простираются безпрерывно. Ровно за сорокъ лѣтъ передъ симъ, любезные друзья мои, безсмертной Клопштокъ — съ молодыми своими друзьями и съ любезнѣйшими изъ Цирихскихъ молодыхъ дѣвицъ — катался по озеру. „Я какъ теперь смотрю на Клопштока (сказалъ Г. Тоблеръ). На немъ былъ красной кафтанъ. Въ тотъ день отмѣнно нравилась ему дѣвица Шинцъ. Вертмиллеръ сдѣлалъ изъ ея перчатки кокарду для Клопштоковой шляпы. Божественной пѣвецъ Мессіады разливалъ радость вокругъ себя.“ Сію эѳирную радость — радость, какую могутъ только чувствовать великія души — воспѣлъ Клопштокъ

въ прекрасной одѣ своей Züricher-See, которая осталась вѣчнымъ памятникомъ пребыванія его въ здѣшнихъ мѣстахъ — пребыванія, лаврами и миртами увѣнчаннаго. Г. Тоблеръ — говоря о томъ, какъ уваженъ былъ здѣсь Пѣвецъ Мессіады — сказывалъ мнѣ между прочимъ, что однажды изъ Кантона Гларуса пришли въ Цирихъ двѣ молодыя пастушки, единственно за тѣмъ, чтобы видѣть Клопштока. Одна изъ нихъ взяла его за руку и сказала: Ach! wenn ich in der Clarissa lese und im Messias, so bin ich ausser mir! (*ахъ! читая Клариссу и Мессіаду, я внѣ себя бываю!*) Друзья мои! вообразите, что въ эту райскую минуту чувствовало сердце Пѣснопѣвца! — Разговаривая такимъ образомъ съ почтеннымъ Архидіакономъ, не видалъ я, какъ мы отплыли отъ города. двѣ мили, или около пятнадцати верстъ. Тутъ

надлежало намъ вытти на берегъ близь небольшой деревеньки, въ которой Г. Тоблеръ родился, и гдѣ отецъ его былъ Священникомъ. Всѣ крестьянскіе домики въ сей деревнѣ имѣютъ очень хорошій видъ, и почти подлѣ всякаго есть садикъ, съ плодовитыми деревьями и съ грядами, на которыхъ растутъ благовонные цвѣты и поваренныя травы. Во внутренности домовъ все очень чисто. Тутъ видѣлъ я семейной крестьянской обѣдъ. Когда всѣ собрались къ столу, хозяйка прочитала вслухъ молитву; послѣ чего сѣли вокругъ стола—мужъ подлѣ жены, братъ подлѣ сестры—и принялись за супъ, а потомъ за сыръ и масло. Обѣдъ заключенъ былъ также молитвою; при чемъ мужчины стояли безъ шляпъ, которыхъ они впрочемъ почти никогда съ головы не снимаютъ. Даже и городскіе жители не рѣдко обѣдаютъ въ шляпахъ,

— что почитается у нихъ знакомъ свободы и независимости.

Мы обѣдали въ сельскомъ трактирѣ, и ѣли очень вкусную рыбу, ловимую въ Цирихскомъ озерѣ. Говорятъ, будто въ Швейцаріи вообще больше ѣдятъ, нежели въ другихъ земляхъ, и приписываютъ это дѣйствію здѣшняго остраго воздуха. Что принадлежитъ до меня, то хотя обѣдаю и ужинаю въ Швейцаріи съ добрымъ аппетитомъ, однакожь не могу назвать его чрезмѣрнымъ или отмѣннымъ. Послѣ обѣда переѣхали мы на другую сторону озера, гдѣ встрѣтилъ насъ свойственникъ Господина Т*, живущій почти на самомъ берегу въ большомъ домѣ. Онъ показывалъ намъ свое хозяйство, своихъ коровъ, своихъ лошадей и большой плодовитой садъ. Когда мы пришли къ нему въ домъ, онъ подчивалъ насъ прекрасными абрикосами

и хорошимъ краснымъ виномъ, не купленнымъ, а домашнимъ; между тѣмъ дочь его играла пріятно на клавесинѣ. Часовъ въ семь поплыли мы назадъ въ Цирихъ, и я имѣлъ удовольствіе видѣть снѣжныя горы, позлащаемыя заходящимъ солнцемъ, и наконецъ помраченныя густыми тѣнями вечера. Огни городскіе представляли намъ вдали прекрасную иллюминацію, и мы вышли на берегъ въ исходѣ десятаго часа. Мнѣ оставалось только благодарить Архидіакона Тоблера, Господина Т* и дочерей его за всѣ тѣ удовольствія, которыми я наслаждался сегодня въ ихъ обществѣ. — —

Въ Цирихѣ есть такъ навываемая *дѣвичья школа* (Töchter-Schule), которая достойна вниманія всѣхъ, пріѣзжающихъ въ сей городъ. Въ ней безденежно учатся 60 мо-

лодыхъ дѣвушекъ (отъ двѣнадцати до шестнадцати лѣтъ) читать, писать, ариѳметикѣ, морали и экономіи: то есть, приготовляются быть хорошими хозяйками, супругами и матерьми. Пріятно видѣть вмѣстѣ столько молодыхъ, опрятно и чисто одѣтыхъ красавицъ, которыя учатся въ тишинѣ и съ великою прилѣжностію, подъ надзираніемъ благонравныхъ учительницъ, обходящихся съ ними кротко и ласково. Тутъ дочь богатѣйшаго Цирихскаго гражданина сидитъ подлѣ дочери бѣднаго сосѣда своего, и научается уважать достоинство, а не богатство. — Сія благодѣтельная школа учреждена въ 1774 году Гм. Профессоромъ Устери, которой, къ общему сожалѣнію своихъ сограждан, умеръ въ началѣ нынѣшняго лѣта.

Можетъ быть ни въ какомъ другомъ Европейскомъ городѣ не найдете вы, друзья мои, такихъ

неиспорченныхъ нравовъ и такого благочестія, какъ въ Цирихѣ. Здѣсь-то еще строго наблюдаются законы супружеской вѣрности — и жена, которая осмѣлилась бы явно нарушить ихъ, сдѣлалась бы предметомъ общаго презрѣнія. Здѣсь мать почитаетъ воспитаніе дѣтей главнымъ своимъ упражненіемъ; а какъ и самые богатые изъ Цирихскихъ жителей не держатъ болѣе одной служанки, то всякая хозяйка находитъ для себя много дѣла въ домашней жизни, не угнетается праздностію, матерью многихъ пороковъ, и рѣдко ходитъ въ гости. Театръ, балы, маскарады, клубы, великолѣпные обѣды и ужины! вы здѣсь неизвѣстны. Иногда сходятся двѣ, три, четыре пріятельницы — разговариваютъ дружески — вмѣстѣ работаютъ, или читаютъ Геснера, Клопштока, Томсона и другихъ Писателей и Поэтовъ, которые

не приводятъ цѣломудрія въ краску. Рѣдко бываютъ онѣ вмѣстѣ съ посторонними мущинами, а при чужестранцахъ стыдятся говорить, думая, что Цирихской выговоръ противенъ ихъ ушамъ. Всѣ онѣ одѣваются просто, не думая о Французскихъ модахъ, и совсѣмъ не употребляютъ румянъ.—Мущины отправляютъ поутру дѣла свои: купецъ идетъ въ контору или въ лавку, Ученой садится читать или писать, художникъ берется за свою работу, и такъ далѣе. Въ полдень обѣдаютъ, а ввечеру прогуливаются, или въ пріятельскихъ бесѣдахъ курятъ табакъ, пьютъ чай и кофе — купцы говорятъ о торговыхъ, Ученые объ ученыхъ дѣлахъ, и такимъ образомъ проводятъ время. Не знаю, продаются ли въ Цирихѣ карты; по крайней мѣрѣ въ нихъ здѣсь никогда не играютъ, и не знаютъ сего прекраснаго средства уби-

вать время (простите мнѣ этотъ Галлицизмъ), средства, которое въ другихъ земляхъ сдѣлалось почти необходимымъ.

Мудрые Цирихскіе законодатели знали, что роскошь бываетъ гробомъ вольности и добрыхъ нравовъ, и постарались заградить ей входъ въ свою Республику. Мущины не могутъ здѣсь носить ни шелковаго, ни бархатнаго платья, а женщины ни брилліантовъ, ни кружевъ; и даже въ самую холодную зиму никто не смѣетъ надѣть шубы, для того что мѣха здѣсь очень дороги. Въ городѣ запрещено ѣздить въ каретахъ, и потому здоровыя ноги здѣсь гораздо болѣе уважаются, нежели въ другихъ мѣстахъ. Во внутренности домовъ не увидите вы никакихъ богатыхъ уборовъ — все просто и хорошо. Хотя чужестранныя вина сюда привозятся, однакожь ихъ позволено употреб-

лять не иначе, какъ въ лекарство. Только думаю, что сей законъ не очень строго наблюдается. На прим. у Лафатера за столомъ пили мы Малагу; но онъ взялъ ее можетъ быть изъ Аптеки, по предписанію своего Доктора Г*.

Я слыхалъ прежде, будто въ Швейцаріи жить дешево; теперь могу сказать, что это не правда, и что здѣсь все гораздо дороже, нежели въ Германіи: на прим. хлѣбъ, мясо, дрова, платье, обувь и прочія необходимости. Причина сей дороговизны есть богатство Швейцаровъ. Гдѣ богаты люди, тамъ дешевы деньги; гдѣ дешевы деньги, тамъ дороги вещи. Обѣдъ въ трактирѣ стоитъ здѣсь восемь гривенъ; тоже самое платилъ я въ Базелѣ и въ Шафгаузенѣ. Правда, что въ Швейцарскихъ трактирахъ никогда не подаютъ на столъ менѣе семи или осьми хорошо приготовленныхъ

блюдЪ, и потомЪ десертЪ на четырехЪ или на пяти тарелкахЪ.

Я всякой день бываю у Лафатера, обѣдаю у него, и хожу сЪ нимЪ по вечерамЪ прогуливаться. ОнЪ, кажется, любитЪ меня; ласкаетЪ и разспрашиваетЪ иногда о подробностяхЪ жизни моей, дозволяя и мнѣ предлагать ему разные вопросы, а особливо на письмѣ. ВЪ примѣрЪ переведу вамЪ отвѣтЪ его на одинЪ изЪ моихЪ вопросовЪ. ВопросЪ: „Какая есть всеобщая цѣль бытія нашего, равно *достижимая* (*) для мудрыхЪ и слабоумныхЪ?" — ОтвѣтЪ: „Бы„тіе есть цѣль бытія. — Чув„ство и радость бытія (Daseyns„frohheit) есть цѣль всего, чего „мы искать можемЪ. Мудрой и

(*) То есть, до которой достигнуть можно. Я осмѣлился по аналогіи употребить это слово.

„слабоумной ищутЪ только „средствЪ наслаждаться бытіемЪ „своимЪ, или чувствовать его — „ищутЪ того, черезЪ что они са„михЪ себя сильнѣе ощутить мо„гутЪ. — Всякое *чувство* и всякой „*предметЪ*, постигаемой кото„рымЪ нибудь изЪ нашихЪ чувствЪ, „суть прибавленія (Beyträge) на„шего самочувствованія (Selbst„gefühles); чѣмЪ болѣе самочув„ствованія, тѣмЪ болѣе блажен„ства. — КакЪ различны наши ор„ганизаціи или образованія, такЪ „же различны и наши потребно„сти вЪ *средствахЪ* и *предметахЪ*, „которые новымЪ образомЪ даютЪ „намЪ чувствовать наше бытіе, „наши силы, нашу жизнь. — Му„дрой отличается отЪ слабоум„наго только средствами само„чувствованія. ЧѣмЪ простѣе, вез„дѣсущнѣе, всенасладительнѣе, „постояннѣе и благодѣтельнѣе „есть средство или предметЪ, вЪ

„которомъ или черезъ которой „мы сильнѣе существуемъ, тѣмъ „существеннѣе (existenter) мы са-„ми, тѣмъ вѣрнѣе и радостнѣе „бытіе наше — тѣмъ мы мудрѣе, „свободнѣе, любящѣе (liebender), „любимѣе, живущѣе, оживляющѣе, „блаженнѣе, человѣчнѣе, божес-„ственнѣе, съ цѣлію бытія наше-„го сообразнѣе. — Изслѣдуйте „точно, черезъ что и въ чемъ вы „пріятнѣе или тверже существуе-„те? Что вамъ доставляетъ бо-„лѣе наслажденія — разумѣется „такого, которое никогда не мо-„жетъ причинить раскаянія—ко-„торое всегда съ спокойствіемъ и „внутреннею свободою духа мо-„жетъ и должно быть снова же-„лаемо? Чѣмъ достойнѣе и суще-„ственнѣе избираемое вами сред-„ство, тѣмъ достойнѣе и суще-„ственнѣе вы сами; чѣмъ суще-„ственнѣе вы дѣлаетесь — то „есть, чѣмъ сильнѣе, вѣрнѣе и

„радостнѣе существованіе ваше „— тѣмъ болѣе приближаетесь „вы ко всеобщей и особливой цѣ„ли бытія вашего. Отношеніе „(Anwendung) и изслѣдованіе се„го положенія (отношеніе и из„слѣдованіе..есть одно) покажетъ „вамъ истину, или (что опять все „одно) всеотносимость онаго. Ци„рихъ, въ четвертокъ ввечеру, 20 „Августа 1789. Іоаннъ Каспаръ „Лафатеръ." Каковъ вамъ кажется сей отвѣтъ, друзья мои? Вы конечно не подумаете, чтобы я въ самомъ дѣлѣ надѣялся свѣдать отъ Лафатера цѣль бытія нашего; мнѣ хотѣлось только узнать, что онъ можетъ о томъ сказать. Такимъ образомъ всякое утро прихожу къ нему съ какимъ нибудь вопросомъ. Онъ прячетъ мою бумажку въ карманъ, и ввечеру отдаетъ мн[illegible] отвѣтъ, на ней же написанной, — оставляя у себя копію. Я увѣренъ, что все это

будетъ напечатано въ ежемѣсячномъ его сочиненіи, которое съ новаго года должно выходить въ Берлинѣ, подъ титуломъ: *отвѣты на вопросы моихъ пріятелей* (*).

(*) Я угадалъ, — и первая піеса, напечатанная въ семъ ежемѣсячномъ сочиненіи, есть отвѣтъ на мой вопросъ о цѣли бытія. Берлинскимъ Рецензентамъ показалось забавно: die constante, solideste, sutenabelste existenz — или: Daseyn ist der Zweck des Daseyns, — — и проч. „Г. К* (говоритъ Рецензентъ во Всеобщей Нѣмецкой Библіотекѣ) конечно больше нашего знакомъ съ игрою Лафатеровыхъ мыслей; ему оставляемъ мы разумѣть сіе изъясненіе цѣли бытія нашего.“ — Мнѣ кажется, что мысли Лафатеровы (не смотря на насмѣшки остроумныхъ Берлинцевъ) и понятны и справедливы, и даже весьма обыкновенны; здѣсь можно назвать новымъ только одни выраженія. Но Г. Аделунгъ конечно имѣетъ причину жаловаться, что

Лафатеръ намѣренъ еще издавать, также съ будущаго года, *Библїотеку для друзей*, гдѣ будутъ помѣщаемы такія піесы, которыхъ онъ, по какимъ нибудь причинамъ, не хочетъ сообщить публикѣ. Только пріятели его могутъ получать сію Библіотеку; и хотя она будетъ печатная, однакожь они обязываются считать ее за манускриптъ.

По сіе время Лафатеровы сочиненія составляютъ около пятидесяти томовъ; естьли онъ проживетъ еще лѣтъ двадцать, то это число можетъ вдвое умножиться. За всѣмъ тѣмъ, по его словамъ, сочиненіе есть для него не работа, а отдыхъ.

Сверьхъ того, что Лафатеръ пишетъ для публики и для пріятелей, ведетъ онъ журналъ жи-

Лафатеръ не всегда думаетъ о чистотѣ Нѣмецкаго слога.

зни своей, который есть тайна и для самыхъ друзей его, и который останется въ наслѣдство его сыну. Тутъ описываетъ онъ всѣ свои важнѣйшіе опыты, сокровенныя связи съ нѣкоторыми людьми, свои надежды, радости и печали. — Вѣроятно, что въ сихъ запискахъ много интереснаго — и я почти увѣренъ, что онѣ со временемъ будутъ напечатаны — естьли не для меня и не для васъ, то по крайней мѣрѣ для дѣтей вашихъ, друзья мои. Девятой-надесять вѣкъ! сколько въ тебѣ откроется такого, что теперь считается тайною!

Раза три былъ я у почтеннаго, старика Тоблера, и провелъ у него часовъ пять или шесть, весьма пріятныхъ. Онъ такъ много разсказывалъ мнѣ о покойномъ Бодмерѣ и Швейцарскомъ Теокритѣ! „Геснеръ украсилъ весну жизни „моей (говоритъ онъ) — и во всѣхъ „пріятныхъ сценахъ моей юности,

„о которыхъ теперь съ удоволь-
„ствіемъ воспоминаю, вижу его
„передъ собою. Часто проводили
„мы вмѣстѣ длинные зимніе ве-
„чера въ чтеніи Поэтовъ; и почти
„всегда, когда я приходилъ къ
„нему, встрѣчалъ онъ меня съ ка-
„кою нибудь пріятною новостію,
„имъ сочиненною. Домъ его былъ
„Академіею изящной Литтерату-
„ры и Искусства — Академіею,
„какой Государи основать не мо-
„гутъ." Вы знаете, что Геснеръ посвятилъ своего Дафниса одной дѣвицѣ; но не знаете, можетъ быть, что эта дѣвица была дочь Г. Гейдеггера, Цирихскаго Сенатора, и что творецъ Дафниса скоро послѣ того женился на ней, и жилъ съ нею всегда какъ любовникъ съ любовницею. — По любви къ человѣчеству, прискорбно было мнѣ слышать, что Геснеръ не могъ терпѣть Лафатера, и не смотря на всѣ старанія общихъ

друзей ихъ, никогда не хотѣлъ съ нимъ помириться. Тѣмъ болѣе чести Лафатеру, что онъ, по смерти Геснеровой, сочинилъ ему похвальные стихи!

Съ Професссоромъ Мейстеромъ, — братомъ того Мейстера, которой написалъ на Французскомъ языкѣ извѣстную книгу *о естественной Морали*, и которой, будучи выгнанъ изъ Цириха за одно смѣлое сочиненіе, живетъ теперь въ Парижѣ — видѣлся я только одинъ разъ. Наружность его не очень привлекательна, однакожь обхожденіе его весьма пріятно. Онъ говоритъ почти такъ же хорошо, какъ пишетъ. Я съ удовольствіемъ читалъ нѣкоторыя изъ его сочиненій (Kleine Reisen и Characteristik deutscher Dichter), и поблагодарилъ его за это удовольствіе.

~~~~~~~~~
~~~~~~~~~

Въ нынѣшній вечеръ наслаждался я великолѣпнымъ зрѣлищемъ. Около двухъ часовъ продолжалась ужасная гроза. Естьли бы вы видѣли, какъ пурпуровыя и золотыя молніи вились по хребтамъ горъ, при страшной канонадѣ неба! Казалось, что небесной Громовержецъ хотѣлъ превратить въ пепелъ сіи гордыя вышины; но онѣ стояли, и рука Его утомилась — громы умолкли, и тихая луна сквозь облака проглянула.

Въ Цирихскомъ Кантонѣ считается около 180000 жителей, а въ городѣ около 10000; но только двѣ тысячи имѣютъ право гражданства, избираютъ судей, участвуютъ въ правленіи и производятъ торгъ; всѣ прочіе лишены сей выгоды. Изъ тридцати цеховъ, на которые раздѣлены граждане, одинъ называется главнымъ или дворянскимъ, имѣя передъ други-

ми то преимущество, что изъ него выбирается въ члены верховнаго Совѣта осьмнадцать человѣкъ,—изъ прочихъ же только по двѣнадцати. Сему Совѣту принадлежитъ законодательная власть; а гражданскія и уголовныя дѣла судитъ такъ называемой *малой Совѣтъ*, или Сенатъ (состоящій изъ 40 членовъ и двухъ Бургомистровъ), для котораго избирается особенно изъ каждаго цеха по шести человѣкъ; они называются Сенаторами, и всякой годъ смѣняются. Кому двадцать лѣтъ отъ роду, тотъ имѣетъ уже голосъ въ Республикѣ, то есть, можетъ избирать въ судьи; въ тридцать лѣтъ можно быть членомъ верховнаго Совѣта, а въ тридцать пять Сенаторомъ, или членомъ малаго Совѣта. Цирихской житель, имѣющій право гражданства, такъ же гордится имъ, какъ Царь своею короною. Уже болѣе 150 лѣтъ

никто не получалъ сего права; однакожь его хотѣли дать Клопштоку, съ тѣмъ условіемъ, чтобы онъ навсегда остался въ Цирихѣ.—

Въ Субботу ввечеру Лафатеръ затворяется въ своемъ кабинетѣ для сочиненія проповѣди — и черезъ часъ бываетъ она готова. Правда, естьли онъ говоритъ все такія проповѣди, какую я нынѣ слышалъ, то ихъ сочинять не трудно. *Спаситель снялъ съ насъ бремя грѣховъ: и такъ будемъ благодарить Его* — сіи мысли, выраженныя различнымъ образомъ, составляли содержаніе всего поученія. Одни восклицанія, одна декламація, и болѣе ничего! Признаюсь, что я ожидалъ чего нибудь лучшаго. Вы скажете, что съ народомъ такъ говорить надобно; но Лаврентій Стернъ говорилъ съ народомъ, говорилъ просто, и трогалъ сердце — мое и ваше. Видъ,

съ какимъ проповѣдуетъ Лафатеръ, мнѣ полюбился.

Цирихскіе проповѣдники являются на каѳедрахъ въ какихъ-то странныхъ черныхъ *шушунахъ*, съ большими бѣлыми и жестко-накрухмаленными крагенами. Обыкновенно же ходятъ они въ черныхъ или темныхъ кафтанахъ. Лафатеръ носитъ на головѣ черную бархатную скуфейку — но только онъ одинъ. Не для того ли почли его тайнымъ Католикомъ?

Когда въ церкви поютъ псалмы, мужчины стоятъ безъ шляпъ; когда же начинается проповѣдь, всѣ садятся, надѣваютъ шляпы, молчатъ и слушаютъ. — —

Я познакомился на сихъ дняхъ съ двумя молодыми соотечественниками моего пріятеля Б*: съ Графомъ М* и Господиномъ Баг*. Сей послѣдній сочинилъ на Датскомъ языкѣ двѣ большія Оперы, кото-

рыя отмѣнно полюбились Коппенгагенской Публикѣ, а наконецъ были причиною того, что Авторъ лишился спокойствія и здоровья. Вы удивитесь; но тутъ нѣтъ ничего чуднаго. Зависть вооружила противъ него многихъ Писателей; они вздумали увѣрить публику, что Оперы Господина Баг* ни къ чему не годятся. Молодой Авторъ защищался съ жаромъ; но онъ былъ одинъ въ толпѣ непріятелей. Въ газетахъ, въ журналахъ, въ комедіяхъ — однимъ словомъ, вездѣ его бранили. Нѣсколько мѣсяцовъ онъ отбранивался; наконецъ почувствовалъ истощеніе силъ своихъ, съ больною грудью оставилъ мѣсто боя, и уѣхалъ въ Пирмонтъ къ водамъ, откуда Докторъ прислалъ его въ Швейцарію лечиться горнымъ воздухомъ. Молодой Графъ М*, учившійся въ Геттингенѣ, согласился вмѣстѣ съ нимъ путешествовать Оба они

познакомились съ Лафатеромъ, и полюбились ему своею живостію. И тотъ и другой любитъ аханье и восклицанія. Графъ бьетъ себя по лбу и стучитъ ногами, а Поэтъ Баг* складываетъ руки крестомъ и смотритъ на небо, когда Лафатеръ говоритъ о чемъ нибудь съ жаромъ. Нынѣ или завтра уѣдутъ они въ Луцернъ; любезной мой пріятель Б* ѣдетъ съ ними же.

Цирихъ, 26 Августа.

Наконецъ думаю ѣхать изъ Цириха, проживъ здѣсь 16 дней. Нынѣ въ послѣдній разъ обѣдалъ я у Лафатера, и въ послѣдній разъ писалъ подъ его диктатурою (Подъ диктатурою? Точно — и учтивой Лафатеръ хотѣлъ увѣрить меня, будто я пишу по-Нѣмецки не очень худо). Въ послѣдній разъ

ходилъ по берегу Лимматы — и шумное теченіе сей рѣки никогда не приводило меня въ такую меланхолію, какъ нынѣ. Я сѣлъ на лавкѣ подъ высокою липою, противъ самаго того мѣста, гдѣ скоро поставленъ будетъ монументъ Геснеру. Томъ его сочиненій былъ у меня въ карманѣ (какъ пріятно читать здѣсь всѣ его несравненныя Идилліи и Поэмы, читать въ тѣхъ мѣстахъ, гдѣ онъ сочинялъ ихъ!)— я вынулъ его, развернулъ, и слѣдующія строки попались мнѣ въ глаза: „Потомство справедливо „чтитъ урну съ пепломъ Пѣснопѣвца, котораго Музы себѣ посвятили, да учитъ онъ смертныхъ добродѣтели и невинности. „Слава его, вѣчно юная, живетъ и „тогда, когда трофеи завоевателя гніютъ во прахѣ, и великолѣпный памятникъ недостойнаго „Владѣтеля среди пустыни заростаетъ дикимъ терновымъ ку-

„старникомъ и сѣдымъ мхомъ, на „которомъ иногда отдыхаетъ заблуждшійся странникъ. Хотя, „по закону Натуры, не многіе могутъ достигнуть до сего величія, однако жь похвально стремиться къ оному. Уединенная „прогулка моя и каждый уединенный часъ мой да будутъ посвящены сему стремленію!" Вообразите, друзья мои, съ какимъ чувствомъ я долженъ былъ читать сіе, въ двухъ шагахъ отъ того мѣста, гдѣ Натура и Поэзія въ вѣчномъ безмолвіи будутъ лить слезы на урну незабвеннаго Геснера (*)! Не его ли посвятили Музы въ учители невинности и добродѣтели? Не его ли слава, вѣчно юная, жить будетъ и тогда, когда

(*) На монументѣ Геснеровомъ изображены Поэзія и Натура въ видѣ двухъ прекрасныхъ женщинъ, плачущихъ надъ урною.

трофеи завоевателей истлѣютъ во прахѣ? Предчувствіемъ безсмертія наполнялось сердце его, когда онъ магическимъ перомъ своимъ писалъ сіи строки.

Рука времени, все разрушающая, разрушитъ нѣкогда и городъ, въ которомъ жилъ Пѣснопѣвецъ, и въ теченіе столѣтій загладитъ развалины Цириха; но цвѣты Геснеровыхъ твореній не увянутъ до вѣчности, и благовоніе ихъ будетъ изъ вѣка въ вѣкъ переливаться, услаждая всякое сердце.

Друзья мои! писателямъ открыты многіе пути ко славѣ, и безчисленны вѣнцы безсмертія; многихъ хвалитъ потомство—но всѣхъ ли съ одинакимъ жаромъ?

О вы, одаренные отъ Природы творческимъ духомъ! пишите, и ваше имя будетъ незабвенно; но естьли хотите заслужить любовь потомства, то пишите такъ, какъ писалъ Геснеръ—да будетъ

перо ваше посвящено добродѣтели и невинности!

Баденъ.

Нынѣ поутру выѣхалъ я изъ Цириха. Лафатеръ не хотѣлъ прощаться со мною навсегда, говоря, что я непремѣнно долженъ въ другой разъ пріѣхать на берегъ Лимматы. Онъ далъ мнѣ одиннадцать рекомендательныхъ писемъ въ разные города Швейцаріи, и увѣрилъ меня въ непремѣнности своего дружелюбнаго ко мнѣ расположенія. Старикъ Тоблеръ простился со мною до радостнаго свиданія въ поляхъ вѣчности, которая есть любимый предметъ утреннихъ и вечернихъ его размышленій. —

На каждой верстѣ отъ Цириха до Бадена встрѣчались мнѣ коляски и кареты, изъ которыхъ вы-

глядывали Англійскія, Нѣмецкія и Французскія лица. Отъ Іюня до Октября мѣсяца Швейцарія бываетъ наполнена путешественниками, которые пріѣзжаютъ сюда наслаждаться Природою.

Наконецъ видѣлъ я въ Швейцаріи нѣчто такое, что мнѣ очень не полюбилось. Почти безпрестанно подбѣгали къ коляскѣ моей ребятишки и требовали подаянія. Не слушая отказа, бѣжали они за мною, кричали и разнымъ образомъ дурачились: одинъ становился вверьхъ ногами, другой кривлялся, третій игралъ на дудкѣ, четвертой прыгалъ на одной ногѣ, пятой надѣвалъ на себя бумажную шапку, въ аршинъ вышиною, и проч. и проч. Не нужда заставляетъ ихъ просить милостыни; имъ нравится только сей легкой способъ получать деньги. — Жаль, что отцы и матери не унимаютъ ихъ! Маленькіе шалуны

могутъ со временемъ сдѣлаться большими — могутъ распространить въ своемъ отечествѣ опасную моральную болѣзнь, отъ которой рано или поздно умираетъ свобода въ Республикахъ. Тогда, любезные Швейцары, не поможетъ вамъ бальзамической воздухъ горъ и долинъ вашихъ — увянетъ красота нѣжной богини, и слезы ваши не оживятъ хладнаго трупа.

Въ Баденѣ остановился мой кучеръ кормить лошадей. Сей городокъ, стѣсненной со всѣхъ сторонъ высокими горами, находится подъ начальствомъ Цирихскаго, Бернскаго и Гларусскаго Кантоновъ, и славенъ своими цѣлебными теплицами, которыя были извѣстны Римлянамъ подъ именемъ *Гельветскихъ водъ* (Aquæ Helveticæ). Отъ города будетъ до нихъ не болѣе 300 шаговъ, и я тотчасъ пошелъ туда. Два колодезя — самые ближайшіе къ главному исто-

чнику, и потому самые дѣйствительнѣйшіе—бываютъ всегда открыты для бѣдныхъ. Въ нихъ сидѣли при мнѣ человѣкъ двадцать, опустясь въ воду по горло; блѣдныя и желтыя лица ихъ показывали, что они не для забавы пользуются водами. Въ трактирахъ, которыхъ тутъ очень много, сдѣланы разныя бани, гдѣ моются больные и здоровые, платя за то бездѣлку. Вода сносно горяча, и пахнетъ сѣрою. Она проведена съ другой стороны Лимматы (которая течетъ здѣсь между горъ съ ужасною быстротой) и труба идетъ подъ рѣкою. — Мнѣ сказывали, что иногда бываетъ у водъ до осьми сотъ пріѣзжихъ.

Женщины носятъ здѣсь на головахъ предлинные рога, отъ чего всѣ онѣ кажутся похожими на Сатировъ. — Въ Швейцарскихъ городахъ (по крайней мѣрѣ въ тѣхъ, въ которыхъ я былъ) почти на

всякомъ домѣ видите вы надписи, иногда отмѣнно глупыя и смѣшныя. На прим. надъ домомъ одного Баденскаго горшечника написано: Dies Haus der liebe Gott behüt; hier ist Hafner Geschirr aufs Feuer, und glüht (*сей домъ Господь да сохранитъ! здѣсь глиняная посуда на огнѣ горитъ*) — а надъ другимъ: Behüt uns Herr für Feuer und Brand, denn dies Haus wird zum geduldigen Schaaf genannt (*сохрани насъ Господь отъ пожара ночною порою: ибо сей домъ называется терпѣливою овцою*). Но что скажете вы о слѣдующихъ двухъ надписяхъ, замѣченныхъ однимъ Нѣмецкимъ путешественникомъ въ Базелѣ и въ Шафгаузенѣ? Первая: ihr Menschen thut Buss, denn dies Haus heist zum Rindsfuss (*о человѣки! покайтеся душою, ибо сей домъ называется бычачьею ногою*) — а вторая: Auf Gott deine Hoffnung bau, denn dies Haus

heist zur schwarzen Sau (*на Бога уповай ты мыслїю своею, ибо сей домъ называется черною свиньею*). Друзья мои! въ вольной землѣ всякой воленъ дурачиться, и писать, что ему угодно. Всякой желаетъ оставлять по себѣ памятники — и сочинители сихъ надписей, конечно ничего болѣе въ жизнь свою не сочинявшіе, хотѣли въ риѳмахъ своихъ наслаждаться безсмертіемъ. Внукъ чтитъ произведеніе дѣдушкина ума, и надпись изъ вѣка въ вѣкъ переходитъ. — Поселяне Швейцарскіе любятъ расписывать свои домы разными красками и фигурами; по большой части изображаются тутъ древніе Герои Швейцаріи и славные ихъ подвиги; иногда же гербы Кантоновъ съ сею надписью: Als Demuth weint', und Hochmuth lacht', da ward der Schweizer-Bund gemacht (т. е. *когда смиренїе проливало слезы и гордость смѣялась,*

тогда заключился союзъ Швейцаровъ).

Арау, въ 8 часовъ вечера.

Я проѣхалъ нынѣ мимо развалинъ Габсбурга. Вы знаете, любезные друзья мои, что въ семъ замкѣ жили нѣкогда Габсбургскіе Графы, отъ которыхъ произошелъ Австрійской Домъ — и по тому легко можете угадать, съ какими мыслями смотрѣлъ я на почтенныя развалины древнихъ башенъ, откуда храбрые Рудольфовы предки поражали враговъ своихъ. — Тутъ живетъ нынѣ сторожъ, которой въ случаѣ пожара даетъ сигналъ окружнымъ деревнямъ, стрѣляя изъ ружья.

Мѣста и дороги въ Бернскомъ Кантонѣ лучше, нежели въ Цирихскомъ. Ничего не можетъ быть

прекраснѣе здѣшнихъ луговъ, обсаженныхъ плодовитыми деревьями, и пересѣкаемыхъ многими ручейками, которые то соединяются, то опять на разные рукава раздѣляются, и образуютъ водяной, запутанной лабиринтъ. Тамъ видны алеи, самою Природою насажденныя; здѣсь густые лѣсочки, прохладу странникамъ обѣщающіе.—Въ деревняхъ находите вы порядокъ и чистоту. Всѣ крестьянскіе домы покрыты соломою, и раздѣляются обыкновенно на двѣ половины: одна состоитъ изъ двухъ горницъ и кухни, а другая изъ сѣннаго магазина, житницъ и хлѣвовъ. Не увидите вы здѣсь ничего гніющаго, непочиненнаго; во всемъ соблюдена удобность, и все необходимое въ изобиліи и совершенствѣ. Сіе, можно сказать, цвѣтущее состояніе Швейцарскихъ земледѣльцевъ происходитъ наиболѣе отъ того,

что они не платятъ почти никакихъ податей, и живутъ въ совершенной свободѣ и независимости, отдавая Правленію только десятую часть изъ собираемыхъ ими полевыхъ плодовъ. Хотя между ими есть такіе, которые имѣютъ по пятидесяти тысячь рублей капиталу, однакожь всѣ они одѣваются очень просто, и лѣтомъ ходятъ обыкновенно въ камзолахъ изъ толстаго полотна; а въ праздники надѣваютъ суконные кафтаны, по большой части синіе или дикіе. Женщины носятъ желтыя соломенныя шляпы, красные стамедные корсеты съ крючками, и юпки темнаго цвѣта; а волосы заплетаютъ въ косы. Шею свою покрываютъ бѣлою косынкою, перевязывая ее черною бархатною лентою. —

Я нанялъ кучера только до Арау, маленькаго, изрядно-выстроеннаго городка въ Бернскомъ Кан-

тонѣ. Въ ожиданіи Базельскаго *дилижанса* (въ которомъ хочу ѣхать до Берна, и котораго ожидаютъ сюда къ девяти часамъ) велѣлъ я приготовить себѣ ужинъ.

Бернъ, 28 Августа.

Нынѣ рано поутру пріѣхалъ я въ Бернъ, и съ трудомъ могъ найти для себя комнату въ трактирѣ *вѣнца*: такъ много здѣсь пріѣзжихъ! Одѣвшись, пошелъ я къ молодому Доктору Ренггеру, которой, по Лафатеровой рекомендаціи, принялъ меня очень ласково; и какъ мнѣ прежде всего хотѣлось побродить по городу, то онъ вызвался быть моимъ путеводителемъ.

Бернъ есть хотя старинной, однакожь очень красивой городъ. Улицы прямы, широки и хорошо вымощены; а въ срединѣ проведе-

ны глубокіе каналы, въ которыхъ съ шумомъ течетъ вода, уносящая съ собою всю нечистоту изъ города, и сверьхъ того весьма полезная въ случаѣ пожара. Домы почти всѣ одинакіе: построены изъ бѣлаго камня, въ три этажа, и представляютъ глазамъ образъ равенства въ состояніи жителей, не такъ, какъ въ иныхъ большихъ городахъ Европы, гдѣ часто низкая хижина преклоняется къ землѣ подъ тѣнію колоссальныхъ палатъ. Всего болѣе полюбились мнѣ въ Бернѣ аркады подъ домами, столь удобные для пѣшеходцовъ, которые въ сихъ покрытыхъ галлереяхъ никакого ненастья не боятся.

Мы были въ здѣшнемъ Сиротскомъ домѣ, гдѣ нашелъ я удивительную чистоту и порядокъ. Въ самомъ дѣлѣ тутъ не много сиротъ, а болѣе пансіонеровъ, которые за небольшую сумму денегъ

учатся и хорошо содержатся въ семъ домѣ. Оттуда пошли мы въ публичную Библіотеку. На прекрасномъ маленькомъ лужкѣ, между домовъ, увидѣлъ я прикованнаго медвѣдя, которому мимоходящіе бросали хлѣбъ и прочее, что онъ ѣсть могъ. Докторъ Ренггеръ сказалъ мнѣ, что въ Бернѣ всегда держатъ живаго медвѣдя, которой есть гербъ сего Кантона; что имя *Бернъ* произошло отъ Нѣмецкаго слова *Беръ* (то есть *медвѣдь*); что Герцогъ Церингенской, начавъ строить этотъ городъ, поѣхалъ на ловлю, и положилъ назвать его именемъ перваго затравленнаго звѣря; что онъ затравилъ медвѣдя, и потому назвалъ городъ *Беромъ*, имя, которое послѣ превратилось въ *Бернъ*. — Въ Библіотекѣ видѣлъ я много хорошихъ книгъ и нѣсколько изрядныхъ картинъ; но всего болѣе занималъ меня *рельефъ*, представ-

ляющій часть Альпійскихъ горъ, и точно тѣхъ, на которыхъ я дни черезъ три быть надѣюсь. Тутъ видны сіи горы въ подлинныхъ своихъ фигурахъ, долины, озера, деревни, хижины, и даже маленькія дорожки. Но *рельефъ* Генерала Пфиффера, Луцернскаго гражданина, долженъ быть еще гораздо превосходнѣе. Сей человѣкъ съ удивительною неутомимостію странствовалъ по горамъ, срисовывалъ ихъ — снималъ мѣры — и все сіе представилъ потомъ въ маломъ видѣ съ величайшею точностію. Два раза былъ онъ захваченъ горными жителями какъ шпіонъ, и наконецъ для безопасности своей мѣрилъ горы по ночамъ при лунномъ сіяніи, скрываясь отъ людей и водя съ собою двухъ козъ, которыхъ молоко составляло всю его пищу.

Изъ Библіотеки прошелъ я на славную террасу, или гульбище

подлѣ катедральной церкви, гдѣ, подъ тѣнiю древнихъ каштановыхъ деревъ, въ самой жаркой полдень можно наслаждаться прохладою, и откуда видна цѣпь высочайшихъ снѣжныхъ горъ, которыя, будучи освѣщаемы солнцемъ, представляются въ видѣ тонкихъ, красноватыхъ облаковъ. Сiя терраса, складенная человѣческими руками, вышиною будетъ въ шесть или въ семь сотъ футовъ. Внизу течетъ Ара, и съ великимъ шумомъ низвергается съ высокой плотины. Въ стѣнѣ, которою обведено это гульбище, нашелъ я на камнѣ слѣдующую надпись: *Въ честь всемогущества и чудеснаго Божiя провидѣнiя, и въ память потомству, положенъ сей камень, на томъ мѣстѣ, откуда Г. Теобольдъ Вейнценфли, Студентъ, 25 Мая 1654 года упалъ съ лошади, и потомъ, бывъ 30 лѣтъ Священникомъ церкви въ Керцерсѣ, въ глубокой ста-*

хости блаженно скончался 25 Ноября 1694 года. Хотя иному чудно покажется, что человѣкъ, упавъ съ такой вышины, могъ живъ остаться; однако жь это происшествіе, по увѣренію Бернскихъ жителей, не подвержено никакому сомнѣнію. Сказываютъ, что на Студентѣ былъ тогда широкой плащъ, которой, захвативъ подъ себя много воздуху, удерживалъ его въ паденіи, и не далъ ему сильно удариться объ землю.

Послѣ обѣда былъ я у Проповѣдника Штапфера, самаго добродушнаго Швейцара, и ввечеру ходилъ съ нимъ прогуливаться за городъ. Сидя въ бесѣдкѣ на возвышенномъ мѣстѣ, смотрѣли мы на горы, которыхъ вершины пылали разноцвѣтными огнями. Тутъ понялъ я Галлеровъ стихъ: Und ein Gott ist's, der Berge Spitzen röthet mit Blitzen! (*Богъ краситъ молніями вѣнцы горъ.*) Между

тѣмъ Штапферъ началъ говорить со мною, и мнѣ должно было на нѣсколько минутъ отвратить глаза свои отъ сего прекраснаго зрѣлища. Когда же я опять взглянулъ на горы, увидѣлъ — вмѣсто розовыхъ и пурпуровыхъ огней — ужасную блѣдность. Солнце закатилось. Я былъ пораженъ сею скорою перемѣною, и готовъ былъ воскликнуть: *Такъ проходитъ слава міра сего! такъ увядаетъ роза юности! такъ угасаетъ свѣтильникъ жизни!* Мнѣ стало грустно — и мы тихими шагами возвратились въ городъ.

~~~~~~~~~~

Нынѣ поутру былъ я у Проповѣдника Виттенбаха, ученаго Натуралиста, которой перевелъ на Нѣмецкой языкъ *Соссюрово путешествіе по Швейцаріи*, выдалъ *краткое наставленіе для путешествующихъ по Альпійскимъ горамъ*, и сочиняетъ теперь *опи-*
~~~~~~~~~~

саніе естественныхъ произведеній Швейцаріи. Хотя онъ не одного вкуса со мною, и никогда, по словамъ его, не читаетъ такихъ книгъ, которыя наполнены мечтами воображенія; и хотя въ любимыхъ его наукахъ я совершенной профанъ: однакожь мы нашли такую матерію для разговора, которая и для него и для меня была занимательна — а именно, мы говорили о Галлерѣ, которой былъ ему очень знакомъ. Между прочимъ сказывалъ онъ, что покойникъ, за два дни до смерти, не смотря на свою болѣзнь и слабость, съ великимъ любопытствомъ читалъ описаніе нѣкоторыхъ новыхъ физическихъ опытовъ, и отчасти повѣрялъ ихъ. Такимъ образомъ самые послѣдніе часы жизни своей посвящалъ Галлеръ успѣхамъ наукъ, которыя любилъ онъ страстно! — Виттенбахъ, путешествуя всякой годъ по са-

мымъ отдаленнѣйшимъ горамъ, никогда еще не бывалъ въ Цирихѣ! „Я успѣю быть въ городахъ и тогда (говоритъ онъ), когда отъ старости не въ состоянiи буду ходить по Альпамъ.“

На террасѣ встрѣтился я нынѣ съ Графомъ д'Артуа, которой тамъ прогуливался со многими знатными Французами. Онъ не дуренъ собою, и хочетъ показываться веселымъ; но въ самыхъ его улыбкахъ видно стѣсненное сердце. Такiя-то перемѣны бываютъ въ жизни человѣческой! — Проживъ здѣсь недѣли двѣ въ загородномъ домѣ, ѣдетъ онъ теперь въ Италiю, куда отправятся за нимъ и другiе эмигранты. *Щастливой путь!* говорятъ Бернцы, которые никакъ не рады были симъ незванымъ гостямъ.

Въ трактирѣ *вѣнца,* гдѣ я живу, не садится за столъ менѣе тридцати человѣкъ, Французовъ и Ан-

гличанъ, между которыми бываютъ жаркіе споры о теперешнихъ обстоятельствахъ Франціи.—Сегодня за ужиномъ бѣдной Италіянской музыкантъ игралъ на арфѣ и пѣлъ. Англичане набросали ему цѣлую тарелку серебряныхъ денегъ, и хотѣли, чтобы онъ разсказалъ намъ свою исторію. *Слушайте,* сказалъ онъ, и запѣлъ:

Я въ бѣдности на свѣтъ родился,
И въ бѣдности воспитанъ былъ;
Отца въ младенчествѣ лишился,
И въ свѣтѣ сиротою жилъ.

Но богъ, искусный въ пѣснопѣньи,
Меня сиротку полюбилъ;
Явился мнѣ во сновидѣньи,
И арфу съ ласкою вручилъ;

Открылъ за тайну, какъ струною
Съ сердцами можно говорить,
И томной, жалкою игрою
Всѣхъ добрыхъ въ жалость приводить.

Я арфу взялЪ — ударилЪ вЪ струны;
Смотрю—и вЪ сердцѣ горя нѣтЪ! . . .
Тому не надобно Фортуны,
Кто сЪ ФебомЪ вЪ дружествѣ живетЪ!

„ВотЪ вамЪ моя исторія, государи мои! сказалЪ онЪ по-Французски (*): я странствую по свѣту, и вездѣ нахожу людей, умѣющихЪ цѣнить таланты.“ *Браво! браво!* закричали Англичане, и бросили ему еще нѣсколько талеровЪ. —

Завтра думаю отправиться кЪ АльпійскимЪ горамЪ. ЧемоданЪ свой оставлю здѣсь, а сЪ собою возьму только теплой сертукЪ, половину бѣлья своего, записную книжку и карандашь.

(*) Пѣсню пѣлЪ онЪ на ИталіянскомЪ языкѣ.

Тунъ, въ десять часовъ вечера.

Въ два часа по полудни выѣхалъ я изъ Берна, и въ шесть часовъ пріѣхалъ въ городокъ Тунъ, лежащій на берегу большаго озера. Дорогою видѣлъ я вездѣ веселыхъ поселянъ, собирающихъ плоды съ богатыхъ полей своихъ. Между ими замѣтилъ я много такихъ, у которыхъ висѣли подъ бородою превеликіе зобы.

Здѣсь остановился я въ трактирѣ *Фрейгофѣ;* заказавъ ужинъ, бродилъ по городу, и всходилъ на здѣшнюю высокую колокольню, откуда видны многія цѣпи горъ и все обширное Тунское озеро.

Завтра разбудятъ меня въ четыре часа. Въ это время отходитъ отсюда почтовая лодка, на которой переѣду я черезъ озеро.

Тунское озеро, 5 часовъ утра. Темнота ночи мало по малу исчезаетъ. Горы открываются минута отъ минуты яснѣе. Все дымится! Тонкія облака тумана носятся вокругъ нашей лодки. Влага проницаетъ сквозь мое платье, и сонъ смыкаетъ глаза мои. Добродушной Швейцаръ подаетъ мнѣ черной мѣшокъ, которой долженъ служить мнѣ вмѣсто пуховой подушки. Величественная Натура! прости слабому! на нѣсколько часовъ отвращаетъ онъ взоръ свой отъ твоего великолѣпія.

~~~~~~~~~~

Въ семь часовъ. По обѣимъ сторонамъ озера безпрерывно продолжаются горы. Въ иныхъ мѣстахъ покрыты онѣ виноградными садами, въ другихъ елями. Чистые ручьи низпадаютъ съ камней. Внизу дымятся хижины, жилища бѣдности, невѣжества и — можетъ быть — спокойствія. Вѣчная Пре-
~~~~~~~~~~

мудрость! какое разнообразіе въ твоемъ физическомъ и моральномъ мірѣ! —

На сѣверной сторонѣ озера, въ пещерѣ высокой горы, гдѣ журчитъ маленькой ручеекъ, провождалъ дни свои Св. Беатусъ, первѣйшій изъ Христіянъ въ Швейцаріи. Гора сія донынѣ называется его именемъ.

На южномъ берегу возвышается старой замокъ Шпицъ, которой принадлежалъ нѣкогда Бубенбергской фамиліи, древнѣйшей и знатнѣйшей въ Бернской Республикѣ. Многіе изъ Бубенберговъ оказали отечеству важныя услуги, и пролили кровь свою для славы его. Послѣдними отраслями сего Дому были Леонардъ и Амалія, прекрасной юноша и прекрасная сестра его. Всѣ благороднѣйшія фамиліи въ Бернѣ искали ихъ союза, и наконецъ, по нѣжной склонности сердца, Леонардъ женился на дѣ-

вицѣ Эрлахъ, а сестра его вышла за брата ея. Бракосочетаніе ихъ совершилось въ одно время. Всѣ праздновали день сей, въ которой два первые Дома соединялись тѣсными союзомъ родства; всѣ радовались молодыми супругами, равно юными и равно прекрасными. Увеселенія свадебнаго торжества были безчисленны. Послѣ великолѣпнаго обѣда поѣхали новобрачные и всѣ гости прогуливаться въ лодкѣ по Тунскому озеру. Небо было ясно и чисто; легкой вѣтерокъ вѣяніемъ своимъ прохлаждалъ радостныхъ гребцовъ, и лобызалъ юныхъ красавицъ, играя ихъ волосами; мѣлкія волны пѣнились подъ лодкою, и журчаніемъ своимъ вливали томность въ сердца супруговъ, которые съ нѣжнымъ трепетомъ другъ ко другу прижимались и тщетно хотѣли скрыть во внутренности своей пламя любви, пылавшее на румяныхъ ще-

кахъ ихъ. Уже приближался вечеръ, и плаватели безпрестанно отъ береговъ удалялись. Солнце сѣло — и вдругъ, какъ будто бы изъ глубины ада, заревѣла буря; озеро страшно взволновалось, и кормчій содрогнулся. Онъ хотѣлъ плыть къ берегу, но берегъ во мракѣ скрывался отъ глазъ его. Весла валились изъ рукъ обезсилѣвшихъ гребцовъ, и валъ за валомъ грозилъ поглотить лодку. Вообразите себѣ состояніе супруговъ! Сперва старались они ободрять гребцовъ и кормчаго, и сами помогали имъ; но видя, что всѣ усилія ихъ остаются тщетными, и что гибель неизбѣжна, поручили судьбу свою Богу, отерли послѣднюю слезу о жизни, обнялись и дожидались смерти. Скоро громада волнъ обрушилась на лодку — и всѣ потонули, всѣ, кромѣ одного гребца, которой щастливо доплылъ до берега, и принесъ вѣсть

о погибели нещастныхъ. Такимъ образомъ пресѣкся древній родъ Бубенберговъ, и замокъ ихъ достался въ наслѣдство Дому Эрлаховъ, которой по сіе время считается знатнѣйшимъ въ Бернскомъ Кантонѣ.— Съ печальными мыслями разсматривалъ я сей замокъ; вѣтеръ вѣялъ отъ опустѣвшихъ стѣнъ его.

Унтерзеенъ, въ 10 часовъ. Приставъ къ берегу версты за двѣ отсюда, шелъ я до Унтерзеена пріятною долиною, между луговъ и огородовъ. Снѣжныя горы кажутся здѣсь гораздо выше и ближе одна къ другой; я не видалъ уже полей съ хлѣбомъ, ни садовъ виноградныхъ; крестьянскія избы построены здѣсь отмѣннымъ образомъ, и самые люди имѣютъ въ лицахъ своихъ что-то особливое. — Я нанялъ теперь проводника, которому извѣстенъ путь

по Альпійскимъ горамъ—и черезъ полчаса пойду въ деревню Лаутербрунненъ, до которой считается отсюда около десяти верстъ.

~~~~~~~~~~

Лаутербрунненъ. Дорога отъ Унтерзеена до Лаутербруннена идетъ долиною между горъ подлѣ рѣчки Литшины, которая течетъ съ ужасною быстротою, съ пѣною и съ шумомъ, падая съ камня на камень. Я прошелъ мимо развалинъ замка Унщпуннена, за которымъ долина становится часъ отъ часу уже, и наконецъ раздѣляется на двое: на лѣво идетъ дорога въ Гриндельвальдъ, а на право въ Лаутербрунненъ. Скоро открылась мнѣ сія послѣдняя деревенька, состоящая изъ разсѣянныхъ по долинѣ и по горѣ маленькихъ домиковъ.

Версты за двѣ не доходя до Лаутербруннена, увидѣлъ я такъ называемой *штаубъбахъ*, или ру-
~~~~~~~~~~

чей, свергающійся съ вершины каменной горы, въ 900 футовъ вышиною. Въ семъ отдаленіи кажется онъ неподвижнымъ столбомъ млечной пѣны. Скорыми шагами приближился я къ этому феномену, и разсматривалъ его со всѣхъ сторонъ. Вода прямо летитъ внизъ, почти не дотрогиваясь до утеса горы, и разбиваясь, такъ сказать, въ воздушномъ пространствѣ, падаетъ на землю въ видѣ пыли, или тончайшаго серебрянаго дождя. Шаговъ на сто вокругъ разносятся влажные брызги, которые въ нѣсколько минутъ промочили насквозь мое платье.— Потомъ ходилъ я къ другому водопаду, называемому *триммербахъ*, до котораго будетъ отсюда около двухъ верстъ. Вода, прокопавъ огромную скалу, изъ внутренности ея съ шумомъ падаетъ и стремится въ долину, гдѣ мало по малу утишая свою ярость, об-

разуетъ чистую рѣчку. Видъ разсѣвшейся горы и шумное паденіе *триммербаха* составляютъ *дикую* красоту, плѣняющую любителей Натуры. Около часа пробылъ я на семъ мѣстѣ, сидя на возвышенномъ камнѣ — и наконецъ, въ великой усталости, возвратился въ Лаутербрунненъ, гдѣ теперь отдыхаю въ тракшпирѣ.

~~~~~~~~~

Въ восемь часовъ вечера. Свѣтлой мѣсяцъ взошелъ надъ долиною. Я сижу на мягкой муравѣ, и смотрю, какъ свѣтъ его разливается по горамъ, осребряетъ гранитныя скалы, возвышаетъ густую зелень сосnъ, и блистаетъ на вершинѣ *Юнгферы,* одной изъ высочайшихъ Альпійскихъ горъ, вѣчнымъ льдомъ покрытой. Два снѣжные холма, дѣвическимъ грудямъ подобные, составляютъ ея корону. Ничто смертное къ нимъ не прикасалося; самыя бури не могутъ до нихъ
~~~~~~~~~

возноситься; одни солнечные и лунные лучи лобызаютъ ихъ нѣжную округлость; вѣчное безмолвіе царствуетъ вокругъ ихъ — здѣсь конецъ земнаго творенія! — — Я смотрю, и не вижу выхода изъ сей узкой долины.

Пастушьи хижины на Альпійскихъ горахъ, въ 9 часовъ утра.

Въ четыре часа разбудилъ меня проводникъ мой. Я вооружился Геркулесовскою палицею — пошелъ — съ благоговѣніемъ ступилъ первый шагъ на Альпійскую гору, и съ бодростію началъ взбираться на крутизны. Утро было холодно; но скоро почувствовалъ я жаръ, и скинулъ съ себя теплой сертукъ. Черезъ четверть часа усталость подкосила ноги мои — и потомъ каждую минуту надлежало мнѣ отдыхать. Кровь

моя волновалась такЪ сильно, что мнѣ можно было слышать біеніе своего пульса. Я прошелЪ мимо громады большихЪ камней, которые за десять лѣтЪ передЪ симЪ свалились сЪ вершины горы, и могли бы превратить вЪ пыль цѣлой городЪ. Почти безпрестанно слышалЪ я глухой шумЪ, происходящій отЪ катящагося сЪ горЪ снѣга. Горе тому нещастному страннику, которой встрѣтится симЪ падающимЪ снѣжнымЪ кучамЪ! Смерть его неизбѣжна. — Болѣе четырехЪ часовЪ шелЪ я все вЪ гору, по узкой каменной дорожкѣ, которая иногда совсѣмЪ пропадала; наконецЪ достигЪ до цѣли своихЪ пламенныхЪ желаній, и ступилЪ на вершину горы, гдѣ вдругЪ произошла во мнѣ удивительная перемѣна. Чувство усталости исчезло; силы мои возобновились; дыханіе мое стало легко и свободно; необыкновенное спо-

койствіе и радость разлились въ моемъ сердцѣ. Я преклонилъ колѣна, устремилъ взоръ свой на небо, и принесъ жертву сердечнаго моленія — Тому, Кто въ сихъ гранитахъ и снѣгахъ напечатлѣлъ столь явственно Свое всемогущество, Свое величіе, Свою вѣчность! . . . Друзья мои! я стоялъ на высочайшей ступени, на которую смертные восходить могутъ для поклоненія Всевышнему! . . . Языкъ мой не могъ произнести ни одного слова; но я никогда такъ усердно не молился, какъ въ сію минуту.

Такимъ образомъ на самомъ себѣ испыталъ я справедливость того, что Руссо говоритъ о дѣйствіи горнаго воздуха. Всѣ земныя попеченія, всѣ заботы, всѣ тѣ мысли и чувства, которыя унижаютъ благородное существо человѣка, остаются въ долинѣ— и съ сожалѣніемъ смотрѣлъ я

внизъ на жителей Лаутербрунне-на, не завидуя имъ въ томъ, что они въ самую сію минуту увеселялись зрѣлищемъ серебрянаго *штаубаха*, освѣщаемаго солнечными лучами. Здѣсь смертной чувствуетъ свое высокое опредѣленіе, забываетъ земное свое отечество и дѣлается гражданиномъ вселенной; здѣсь, смотря на хребты каменныхъ твердынь, ледяными цѣпями скованныхъ и осыпанныхъ снѣгомъ, на которомъ столѣтія оставляютъ едва примѣтные слѣды (*), забываетъ онъ время, и мыслію своею въ вѣчность углубляется; здѣсь въ благоговѣйномъ ужасѣ трепещетъ

(*) Всякое лѣто таетъ на горахъ снѣгъ, и всякую зиму прибавляются на нихъ новые снѣжные слои. Естьли бы можно было перечесть сіи послѣдніе, то мы узнали бы тогда древность міра, или по крайней мѣрѣ древность сихъ горъ.

сердце его, когда онъ помышляетъ о той всемогущей Рукѣ, которая вознесла къ небесамъ сіи громады, и повергнетъ ихъ нѣкогда въ бездну морскую. —

Съ бодростію и съ удовольствіемъ продолжалъ я путь свой по горѣ, называемой Венгенальпомъ, мимо вершинъ Юнгферы и Эйгера, которыя возвышаются на хребтѣ ея какъ на фундаментѣ. Тутъ нашелъ я нѣсколько хижинъ, въ которыхъ пастухи живутъ только лѣтомъ. Сіи простодушные люди зазвали меня къ себѣ въ гости, и принесли мнѣ сливокъ, творогу и сыру. Хлѣба у нихъ нѣтъ; но проводникъ мой взялъ его съ собою. Такимъ образомъ я обѣдалъ у нихъ, сидя на бревнѣ — потому что въ ихъ хижинахъ нѣтъ ни столовъ, ни стульевъ. Двѣ молодыя веселыя пастушки, смотря на меня, безпрестанно смѣялись. Я говорилъ имъ, что

простая и безпечная жизнь ихъ мнѣ весьма нравится, и что я хочу остаться у нихъ, и вмѣстѣ съ ними доить коровъ. Онѣ отвѣчали мнѣ однимъ смѣхомъ. — Теперь лежу на хижинѣ, на которую стоило мнѣ только шагнуть, и пишу карандашомъ въ своей дорожной книжкѣ. Какъ въ сію минуту низки передо мною всѣ Великаны земнаго шара! — Черезъ полчаса пойду далѣе.

Гриндельвальдъ, 7 часовъ вечера.

Шедши отъ хижинъ около часа по отлогому скату—мимо стадъ, пасущихся на цвѣтной благовонной зелени—начали мы спускаться съ горы. Гриндельвальдъ былъ уже видѣнъ. Долина, гдѣ лежитъ эта деревенька, состоящая изъ двухъ или трехъ сотъ разсѣянныхъ домиковъ, представляется

глазамъ въ самомъ пріятномъ видѣ. Въ то же самое время увидѣлъ я и верхній *глетшеръ*, или *ледникъ*; а нижній открылся гораздо уже послѣ, будучи заслоняемъ горою, съ которой мы спускались. Сіи ледники суть магнитъ, привлекающій путешественниковъ въ Гриндельвальдъ. Я пошелъ къ нижнему, которой былъ ко мнѣ ближе. Вообразите себѣ между двухъ горъ огромныя кучи льду, или множество высокихъ ледяныхъ пирамидъ, въ которыхъ хотя и не видалъ я ничего подобнаго хрустальнымъ волшебнымъ замкамъ, примѣченнымъ тутъ однимъ Французскимъ писателемъ, но которыя въ самомъ дѣлѣ представляютъ для глазъ нѣчто величественное. Не знаю, кто первой уподобилъ сіи ледники бурному морю, котораго валы отъ внезапнаго мороза въ одинъ мигъ превратились въ ледъ; но могу ска-

зать, что это сравненіе прекрасно и справедливо, и что сей путешественникъ или писатель имѣлъ піитическое воображеніе.— Посмотрѣвъ на ледникъ съ того мѣста, гдѣ съ страшнымъ ревомъ вытекаетъ изъ-подъ свода его мутная рѣка Литшина, ворочая въ волнахъ своихъ превеликіе камни, рѣшился я взойти выше. Къ нещастію, проводникъ мой не зналъ удобнѣйшаго ко всходу мѣста; но какъ мнѣ не хотѣлось оставить своего намѣренія, то я прямо пошелъ вверьхъ подлѣ льду, по кучамъ маленькихъ камешковъ, которые разсыпались подъ моими ногами, такъ что я безпрестанно спотыкался и почти ползъ, хватаясь руками за большіе камни. Проводникъ мой кричалъ, что онъ предастъ меня судьбѣ моей; но я, смотря на него съ презрѣніемъ и не отвѣчая ему ни слова, взбирался выше и выше, и храбро преодолѣ-

валъ всѣ трудности. Наконецъ открылась мнѣ почти вся ледяная долина, усѣянная въ разныхъ мѣстахъ весьма высокими пирамидами; но далѣе къ Валлискимъ горамъ пирамиды уменьшаются и почти всѣ исчезаютъ. Тутъ отдыхалъ я около часа, и лежалъ на камнѣ, висящемъ надъ пропастью; а потомъ спустился опять внизъ, и пришелъ въ Гриндельвальдъ, естьли не совсѣмъ безъ ногъ, то по крайней мѣрѣ безъ башмаковъ. Хорошо что я взялъ изъ Берна въ запасъ новую пару!

У прекрасной дѣвушки купилъ я корзинку черной вишни, хотя мѣлкой, однакожь отмѣнно сладкой и вкусной, которая прохладила внутренній жаръ мой. Теперь, сидя въ трактирѣ за большимъ столомъ, дожидаюсь ужина.

Гора Шейдекъ, 10 часовъ утра.

Въ пять часовъ утра пошелъ я изъ Гриндельвальда, мимо верхняго ледника, которой показался мнѣ еще лучше нижняго, потому что цвѣтъ пирамидъ его гораздо чище и голубѣе. Болѣе четырехъ часовъ взбирался я на гору Шейдекъ, и съ такою же трудностію, какъ вчера на Венгенальпъ. Горныя ласточки порхали надо мною, и пѣли печальныя свои пѣсни; а вдали слышно было блеяніе стадъ. Цвѣты и травы курились ароматами вокругъ меня, и освѣжали увядающія силы мои. Я прошелъ мимо пирамидальной вершины Шрекгорна, высочайшей Альпійской горы, которая, по измѣренію Г. Пфиффера, вышиною будетъ въ 2400 саженъ; а теперь возвышается передо мною грозной Веттергорнъ, которой часто привлекаетъ къ себѣ громоносныя облака, и препоясывается ихъ молніями.

За два часа передъ симъ скатились съ вѣнца его двѣ *лавины*, или кучи снѣгу, размягченнаго солнцемъ. Сперва услышалъ я великой трескъ, (которой заставилъ меня вздрогнуть) — а по томъ увидѣлъ двѣ снѣжныя массы, валящіяся съ одного уступа горы на другой, и наконецъ упавшія на землю съ глухимъ шумомъ, подобнымъ отдаленному грому, — причемъ на нѣсколько саженъ вверьхъ поднялась снѣжная пыль.

На горѣ Шейдекѣ нашелъ я пастуховъ, которые также подчивали меня творогомъ, сыромъ и густыми, палевыми, ароматическими сливками. Послѣ такого легкаго и здороваго обѣда, сижу теперь на бугрѣ горы, и смотрю на скопище вѣчныхъ снѣговъ. Здѣсь вижу я источникъ рѣкъ, орошающихъ наши долины; здѣсь запасная храмина Натуры, храмина, изъ которой она во время засухи черпаетъ

воду для освѣженія жаждущей земли. И естьли бы сіи снѣга могли вдругъ растопиться, то второй потопъ поглотилъ бы все живущее въ нашемъ мірѣ.

Не льзя взирать безъ нѣкотораго ужаса на сіи концы земнаго творенія, гдѣ нѣтъ никакихъ слѣдовъ жизни—нѣтъ ни деревъ, ни травъ — гдѣ меланхолическая пустота искони царствуетъ. Иногда, надъ дикими, мертвыми утесами является здѣсь величайшая изъ птицъ, Альпійской орелъ, которому бѣдныя дикія козы служатъ пищею. Тщетно сіи послѣднія стараются спастись отъ него легкостію ногъ своихъ, прыгая съ одной высоты на другую! Лютой врагъ гонится повсюду за своею добычею, и наконецъ пригоняетъ ее на край бездны, гдѣ нещастная не находитъ для себя никакого пути. Тутъ сильнымъ ударомъ крыла сшибаетъ онъ ее

вѣ пропасть, и бѣдная коза, не смотря на все свое искусство вѣ прыганіи, неизбѣжно погибаетѣ. Орелѣ извлекаетѣ ее оттуда вѣ острыхѣ когтяхѣ своихѣ.

Но не одна птица сія умерщвляетѣ безоружныхѣ козѣ: Альпійскіе охотники еще для нихѣ страшнѣе. Презирая всѣ опасности, сѣ удивительнымѣ проворствомѣ взбираются они на крутизны; однакожь многіе погибаютѣ, падая вѣ пропасти, или утопая вѣ морѣ снѣговѣ. Страшные анекдоты обѣ нихѣ разсказываютѣ. На прим. одинѣ Гриндельвальдской охотникѣ, гонясь на Шрекгорнѣ за козою, перебирался сѣ камня на камень, и вдругѣ на ужасной высотѣ поскользнулся. Уже бездна разверзла подѣ нимѣ зѣвѣ свой — уже острые граниты готовы были растерзать нещастнаго — но онѣ зацѣпился ногою за камень, и повисѣ надѣ пропастію. Представь-

те себѣ весь ужасъ его положенія! Никто изъ товарищей не могъ помочь ему; никто не отваживался лѣзть на вершину утеса. Долго висѣлъ онъ между небомъ и землею, между жизни и смерти; наконецъ удалось ему схватиться руками за камень, стать на ноги и спуститься внизъ.

Долина Гасли.

Пробывъ у пастуховъ два часа, пошелъ я далѣе, безпрестанно спускаясь съ горы. Первой примѣчанія достойной предметъ, которой встрѣтился глазамъ моимъ на семъ пути, былъ такъ называемой *розенлавинглетшеръ*, самой прекраснѣйшій изъ Швейцарскихъ ледниковъ, состоящій изъ чистыхъ сафирныхъ пирамидъ, гордо возвышающихъ острыя свои вершины. — Мракъ древнихъ вы-

сокихъ елей укрывалъ меня отъ жара солнечнаго; нигдѣ не видалъ я слѣдовъ человѣческихъ; дичь и пустота представлялись вездѣ глазамъ моимъ. Съ сѣдыхъ, мшистыхъ скалъ упадали кипящіе ручьи, и шумъ паденія ихъ раздавался по лѣсу. Но далѣе, спускаясь въ долину, находилъ я прекрасные благовонные луга, какихъ лучше вообразить не льзя — и, къ удивленію моему, не видалъ на нихъ пасущагося скота. Не можете вообразить, какъ пріятенъ видъ зелени послѣ голыхъ камней и снѣжныхъ громадъ, утомившихъ мое зрѣніе! На всякомъ лужкѣ отдыхалъ я по нѣскольку минутъ, и естьли не руками, то по крайней мѣрѣ глазами своими ласкалъ каждую травку вокругъ себя. — Я пришелъ въ маленькую горную деревеньку, которой жители ведутъ пастушью жизнь во всей простотѣ ея, не зная ничего, кро-

мѣ скотоводства, и питаясь одним молокомъ. Они дѣлаютъ большіе сыры, и черезъ Валисцовъ отправляютъ ихъ въ Италію. Сырные анбары построены изъ тонкихъ бревенъ на высокихъ столбахъ или подпорахъ, для того, чтобы воздухъ могъ отвсюду проходить въ нихъ.

Жажда меня томила. Я остановился подлѣ одной хижины, на берегу чистаго ручья, и видя молодаго пастуха, у дверей сидящаго, попросилъ у него стакана. Онъ не скоро понялъ меня; но понявъ тотчасъ бросился въ свой домикъ и вынесъ чашку. *Она чиста,* сказалъ онъ худымъ Нѣмецкимъ языкомъ, показывая мнѣ дно ея; побѣжалъ къ ручью, зачерпнулъ воды, и опять вылилъ ее назадъ — посмотрѣлъ на меня и улыбнулся — зачерпнулъ въ другой разъ, и опять вылилъ — взглянулъ на меня и засмѣялся — почерпнулъ въ

третій разъ, и принесъ мнѣ, говоря: *пей, доброй человѣкъ, пей нашу воду!* Я взялъ чашку, — и естьли бы не побоялся пролить воды, то конечно бы обнялъ добродушнаго пастуха, съ такимъ чувствомъ, съ какимъ обнимаетъ братъ брата: столь любезенъ казался онъ мнѣ въ эту минуту! — Ахъ, милые друзья мои! для чего не родились мы въ тѣ времена, когда всѣ люди были пастухами и братьями (*)! Я съ радостію отказался бы отъ многихъ удобностей жизни (которыми обязаны мы просвѣщенію дней нашихъ), чтобы возвратиться въ первобытное состояніе человѣка. Всѣми *истинными* удовольствіями — тѣми, въ которыхъ участвуетъ сердце, и которыя насъ подлинно щастливыми дѣлаютъ — наслаждались люди и тогда, и еще болѣе, нежели

(*) Когда же?

нынѣ — болѣе наслаждались они любовію (ибо тогда ничто не запрещало имъ говорить другъ другу: *я люблю тебя*, и дарамъ Природы не предпочитались дары слѣпаго случая, не придающіе человѣку никакой существенной цѣны), — болѣе наслаждались дружбою, болѣе красотами Природы. Теперь жилище и одежда наша покойнѣе: но покойнѣе ли сердца? Ахъ, нѣтъ! тысячи заботъ, тысячи безпокойствъ, которыхъ не зналъ человѣкъ въ прежнемъ своемъ состояніи, терзаютъ нынѣ внутренность нашу, и всякая пріятность въ жизни ведетъ за собою тьму непріятностей. — Съ сими мыслями пошелъ я отъ пастуха; нѣсколько разъ оборачивался назадъ, и примѣтилъ, что онъ провожаетъ меня взорами своими, въ которыхъ написано было желаніе: *поди, и будь щастливъ!* Богъ видѣлъ, что и я отъ всего

сердца желалъ ему щастія; — но онъ уже нашелъ его!

Сильной шумъ перервалъ нить моихъ размышленій. Что это значитъ? спросилъ я у проводника моего, остановясь и слушая. „Мы приближаемся къ *Рейхенбаху*, отвѣчалъ онъ, славнѣйшему Альпійскому водопаду.“ — Хотя путешествующій по Швейцарскимъ горамъ безпрестанно видитъ каскады, безпрестано орошается ихъ брызгами, и наконецъ смотритъ на нихъ равнодушно; однакожь мнѣ очень хотѣлось видѣть первый изъ Альпійскихъ водопадовъ. Отдаленной шумъ обѣщалъ мнѣ нѣчто величественное; воображеніе мое стремилось къ причинѣ его; но тутъ вдругъ открылось мнѣ другое великолѣпіе, которое заставило меня на время забыть *Рейхенбахъ*. Ахъ! для чего я не живописецъ! для чего не могъ въ ту же минуту изобразить на бу-

магѣ плодоносную, зеленую долину Гасли, которая въ видѣ прекраснѣйшаго цвѣтущаго сада представилась глазамъ моимъ, между дикихъ, каменныхъ, небеса подпирающихъ горъ! Плодовитые лѣсочки, и между ими маленькіе деревянные домики, составляющіе мѣстечко Мейрингенъ—рѣка Ара, стремящаяся вдоль по долинѣ — множество ручьевъ, низпадающихъ съ крутыхъ утесовъ, и съ серебряною пѣною текущихъ по бархатной муравѣ: все сіе вмѣстѣ образовало нѣчто романическое, плѣнительное—нѣчто такое, чего я отъ роду не видывалъ. Ахъ, друзья мои! не должно ли мнѣ благодарить Судьбу за все великое и прекрасное, видѣнное глазами моими въ Швейцаріи? Я благодарю ее — отъ всего сердца! — Наконецъ проводникъ напомнилъ мнѣ *Рейхенбахъ*, и чтобы посмотрѣть на него вблизи, я долженъ

былЪ, не взирая на свою усталость, взойти опять на высокой пригорокЪ и спуститься сЪ него, но только уже не по камнямЪ, а по зеленой травѣ, увлаженной водяною пылью, летящею отЪ каскада. Еще шаговЪ за пятьдесять отЪ паденія, облака сей пыли меня почти совсѣмЪ ослѣпили. Однако жь я подошелЪ кЪ самому кипящему водоему, или той яростію воды ископанной ямѣ, вЪ которую *Рейхенбахъ* падаетЪ сЪ высоты своей, сЪ ужаснымЪ шумомЪ, ревомЪ, громомЪ, срывая превеликіе камни и цѣлыя дерева, имЪ на пути встрѣчаемыя. Трудно представить себѣ ту ужасную быстроту, сЪ которою волна за волною несется вЪ неизмѣримую глубину сего водоема, и опять вверхЪ подымается, будучи отвержена его вѣчнокипящею пучиною, и распространяя вокругЪ себя бѣлыя облака влажнаго дыму! Тщетно воображеніе мое

ищетъ сравненія, подобія, образа!.. Рейнъ и Рейхенбахъ, великолѣпныя явленія, величественныя чудеса Природы! въ молчаніи удивляться будетъ вамъ всякой, имѣющій чувство; но кто можетъ изобразить васъ кистію или словами? — Я почти совсѣмъ чувствъ лишился, будучи оглушенъ *гремящимъ громомъ* паденія, и упалъ на землю. Моря водяныхъ частицъ лились на меня, и притомъ съ такими порывами вихря (производимаго въ воздухѣ силою падающей воды), что боясь смертельной простуды, я долженъ былъ черезъ нѣсколько минутъ удалиться отъ сего мѣста. Всякой, взглянувъ на меня, подумалъ бы, что я вышелъ изъ рѣки; ни одной сухой нитки на мнѣ не осталось, и вода текла съ меня ручьями, подобно какъ съ какой нибудь Альпійской горы.

До Мейрингена оставалось мнѣ не болѣе трехъ верстъ, и дорога

была уже не такъ трудна, какъ на сходѣ съ вершины Шейдека; но сіи три версты довели усталость мою до высочайшей степени, потому что жаръ въ долинахъ бываетъ несносенъ. Лучи солнечные отпрыгиваютъ отъ голыхъ скалъ, и согрѣвая воздухъ, производятъ духоту, весьма рѣдко вѣтеркомъ прохлаждаемую. Женщины, встрѣчавшіяся мнѣ, смотрѣли на меня съ сожалѣніемъ, и говорили: *какъ жарко, молодой путешественникъ!*

Мѣстечко или деревня Мейрингенъ состоитъ изъ маленькихъ деревянныхъ домиковъ, разсѣянныхъ по долинѣ въ великомъ разстояніи одинъ отъ другова; въ Альпійскихъ селеніяхъ совсѣмъ нѣтъ каменнаго строенія.

Обитатели долины Гасли живутъ въ безпрестанномъ шумѣ, происходящемъ какъ отъ Рейхенбаха, такъ и отъ другихъ каска-

довъ. Иногда сіи ручьи, будучи наполнены снѣжною водою, низвергаются въ долину съ такою яростію, что заливаютъ домы поселянъ, сады и луга ихъ. За нѣсколько лѣтъ передъ симъ причинили они страшное опустошеніе, и всю прекрасную долину покрыли пескомъ и камнями; но жители не могли оставить милой своей родины, гдѣ предки ихъ и они сами пользовались безчисленными благодѣяніями Природы — скоро земля была очищена и снова покрылась цвѣтами и зеленью.

Сколь прекрасна здѣсь Натура, столь прекрасны и люди, а особливо женщины, изъ которыхъ рѣдкая не красавица. Всѣ онѣ свѣжи, какъ горныя розы — и почти всякая могла бы представлять нѣжную Флору. Удивитесь ли вы, естьли я пробуду здѣсь нѣсколько дней? Можетъ быть въ цѣломъ свѣтѣ нѣтъ другаго Мейрингена.

Но жаль, что здѣшнія красавицы немного безобразятъ себя одеждою; на прим. подвязываютъ юбку подъ самыми плечами, и кажется, будто онѣ въ мѣшкахъ зашиты. — Здѣсь нашелъ я очень хорошій тракширъ.

Въ 11 часовъ ночи. Вечеръ проведенъ мною пріятно. Я гулялъ по долинѣ, въ рощицахъ, по лугамъ, и возвращаясь въ деревню, нашелъ подлѣ одного домика множество молодыхъ мущинъ и дѣвушекъ, которыя между собою играли, прыгали и рѣзвились. Тутъ праздновали сговоръ. Мнѣ не трудно было узнать жениха съ невѣстою: самая прекраснѣйшая чета, какую только вы себѣ вообразить можете! Румянецъ безпрестанно игралъ на ихъ щекахъ; они хотѣли рѣзвиться вмѣстѣ съ другими, но нѣжная томность, видимая во всѣхъ ихъ движеніяхъ, отличала ихъ отъ прочихъ пастуховъ и па-

стушекъ. Я подошелъ къ жениху, взялъ его за руку, и сказалъ ему: „ты щастливъ, мой другъ!“ Невѣста взглянула на меня, и съ выразительною благодарностію за мое привѣтствіе. Какъ нѣжно чувство въ Альпійскихъ пастушкахъ! какъ хорошо понимаютъ онѣ языкъ сердца! Пастухъ съ улыбкою посмотрѣлъ на свою любезную — взоры ихъ встрѣтились. Тутъ странная мысль пришла въ мою голову: мнѣ захотѣлось оставить будущимъ супругамъ какой нибудь памятникъ, которой бы, въ теченіе благополучныхъ дней любви ихъ, могъ напоминать имъ, что одинъ путешественникъ, изъ отдаленнѣйшей страны сѣвера, былъ при ихъ сговорѣ и бралъ участіе въ радости невинныхъ сердецъ. Подумавъ, я вынулъ изъ кармана медаль, не золотую, а мѣдную; но у меня не было ничего болѣе — медаль, на которой из-

ображена голова Греческаго юноши, и которую подарилъ мнѣ пріятель мой Б*. „Возьми ее — сказалъ я невѣстѣ — въ знакъ моего доброжелательства.“ Она съ удивленіемъ взглянула на медаль, на меня и на жениха своего, и не знала, что дѣлать. „Родясь въ такой землѣ, продолжалъ я, гдѣ обыкновенно дарятъ невѣстъ, прошу тебя принять отъ меня эту бездѣлку, которую предлагаю тебѣ отъ добраго сердца.“ — *А въ какой землѣ родились вы?* спросилъ старикъ, сидѣвшій на бревнѣ. — „Въ Россіи.“ — *Въ Россіи! . . . Да, я слыхалъ объ этой землѣ отъ стариковъ нашихъ. Да гдѣ-бишь она?* — „Далеко, мой другъ — тамъ, за горами, прямо къ сѣверу.“ — *Точно, я это помню.* — Между тѣмъ женихъ съ невѣстою перешептались; послѣдняя взяла медаль, сказала *спасибо!* и отдала первому, которой повертѣлъ ее

въ рукахъ, и опять возвратилъ ей. Я радовался щасшливою четою, и въ мысляхъ своихъ читалъ Галлеровы стихи (изъ его Поэмы: Die Alpen, т. е. Альпійскія горы):

Die Liebe brennt hier frey, und scheut kein Donner-Wetter.
Man liebet für sich selbst, und nicht für seine Vätter.
So bald ein junger Hirt die sanfte Glut empfunden,
Die leicht ein schmachtend Aug in muntern Geistern schürt,
So wird des Schäfers Mund von keiner Furcht gebunden;
Ein ungeheuchelt Wort bekennet, was ihn rührt;
Sie hört ihn, und, verdient sein Brand ihr Herz zum Lohne,
So sagt sie, was sie fühlt, und thut, wornach sie strebt;
Denn zarte Regung dient den Schönen nicht zum Hohne,

Die aus der Anmuth flieszt, und durch die Tugend lebt.

— — — — —
— — — — —

Die Sehnsucht wird hier nicht mit eitler Pracht belästigt;
Er liebet sie, sie ihn, dies macht den Heuraths-Schluss.
Die Eh wird oft durch nichts, als bey-der Treu befestigt,
Für Schwüre dient ein Ja, das Siegel ist ein Kuss.
Die holde Nachtigall grüsst sie von nahen Zweigen;
Die Wollust deckt ihr Bett auf sanft geschwollnes Mooss,
Zum Vorhang dient ein Baum, die Einsamkeit zum Zeugen;
Die Liebe führt die Braut in ihres Hirten Schooss.
O dreymahl seligs Paar! Euch muss ein Fürst beneiden (*).

(*) „Здѣсь любовь пылаетъ свободно, никакой грозы не страшася; здѣсь

Между тѣмъ солнце сѣло; пастухи и пастушки начали расходиться по домамъ. Я простился съ женихомъ, съ невѣстою — и естьли бы Альпійскія красавицы были не такъ стыдливы, то, мо-

любятъ для себя, а не для отцовъ своихъ. Когда молодой пастухъ почувствуетъ нѣжную страсть, которую прекрасные глаза легко воспаляютъ въ веселомъ сердцѣ, то уста его не таятъ ее. Пастушка внимаетъ ему, сказываетъ свои чувства, и слѣдуетъ движенію своей склонности, естьли онъ достоинъ ея сердца; ибо сіе движеніе, раждаемое пріятностію и питаемое добродѣтелію, не постыдно для красавицы. Суетная пышность не тяготитъ страстныхъ желаній; онъ любитъ ее, она его любитъ — симъ заключается бракъ, которой часто одною взаимною вѣрностію утверждается; согласіе служитъ вмѣсто клятвъ, поцѣлуй вмѣсто печати. Любезный соловей поздравля-

жетъ быть, пришло бы мнѣ на мысль потребовать отъ нее. . . . невиннаго поцѣлуя!

Деревня Трахтъ, на берегу Бриицскаго озера, въ 8 часовъ вечера.

Вотъ конецъ моего пѣшеходства! Ноги у меня очень болятъ, и лице мое отъ солнечнаго жара покраснѣло и почернѣло; впрочемъ я въ духѣ своемъ бодръ и веселъ.

Дорога отъ Мейрингена до Трахта идетъ долиною, и хотя очень пріятна, однакожь не могу сказать объ ней ничего примѣчанія

етъ ихъ съ ближнихъ вѣтьвей; мягкая трава есть брачное ложе ихъ, дерево завѣсъ, уединеніе свидѣтель, и любовь приводитъ невѣсту въ объятія молодаго пастуха. Блаженная чета! Цари должны завидовать вамъ."

достойнаго. Здѣсь нашелъ я шумной праздникъ. Всѣ поселяне собрались на лугу, пьютъ и поютъ пѣсни. Нѣкоторые молодые люди борются; и когда одинъ другова повалитъ, зрители кричатъ: *браво!* Между тѣмъ я сижу подъ окномъ, посматриваю на веселящихся и на небо, которое начинаетъ покрываться облаками. Хорошо, что я теперь не на горахъ! — Между тѣмъ трактирщица готовитъ мнѣ для ужина блюдо рыбы, только что теперь въ озерѣ поиманной. Завтра поплыву на лодкѣ въ Унтерзеенъ, а оттуда назадъ въ Тунъ.

Гдѣ вы, мои любезные? Какъ проводите время? Вѣрно не такъ, какъ странствующій другъ вашъ, которой на горахъ и въ долинахъ объ васъ думаетъ! — Будьте здоровы и благополучны!

Унтерзеенъ.

Сей часъ пришелъ я въ здѣшній трактиръ. Почтовая лодка, въ которой плылъ я изъ Трахта, пристала къ берегу въ двухъ верстахъ отсюда. Сильной дождь промочилъ меня насквозь; однакожь, плывя по озеру, я съ удовольствіемъ смотрѣлъ на горы, которыя будучи покрыты облаками, дымились какъ Этны или Везувіи. Теперь, въ ожиданіи обѣда, сушусь и приготовляюсь опять къ путешествію. Дождь все еще не пересталъ.

Тунъ, 8 часовъ вечера.

Я благополучно доплылъ до Туна, не смотря на сильное волненіе озера. Валы играли нашею лодкою какъ шарикомъ. Три женщины, бывшія со мною, безпрестанно кричали; одна изъ нихъ

упала въ обморокъ, и мы съ трудомъ могли привести ее въ память. Что принадлежитъ до меня, то я ни мало не боялся, а еще веселился волнами, которыя разбивались о каменные берега. Наконецъ дождь пересталъ, и благодѣтельное солнце высушило мое платье. Пріѣхавъ сюда, чувствовалъ я ознобъ; но выпивъ чашекъ пять хорошаго чаю, сталъ опять совершенно здоровъ. — Завтра въ четыре часа отправлюсь въ Бернъ, гдѣ остались мои пожитки.

Бернъ, 10 Сентября 1789.

Возвратясь съ Альпійскихъ горъ, прожилъ я въ Бернѣ семь дней, и притомъ не скучно: то посѣщалъ своихъ знакомцевъ, которые обходились со мною очень дружелюбно; то прогуливался за городомъ — читалъ — писалъ. Треть-

яго дня водилъ меня Пасторъ Штапферъ къ Господину Шпренгли, имѣющему полное собраніе Швейцарскихъ птицъ, множество древнихъ медалей и другихъ рѣдкостей. Самъ онъ, по жизни своей, достоинъ примѣчанія не менѣе своего кабинета. Домикъ у него прекрасной, за городомъ на высокомъ мѣстѣ, откуда видны окрестныя селенія и снѣжныя горы. Ему теперь около семидесяти лѣтъ. Въ домѣ, кромѣ его самого, мы никого не видали; пожилая служанка отправляетъ должность привоpотника. Комнаты прибраны со вкусомъ, и все отмѣнно чисто. Сей старикъ богатъ — наслаждается Натурою, изобиліемъ, спокойствіемъ. За нѣсколько лѣтъ передъ симъ онъ былъ бѣденъ, и разбогатѣлъ отъ наслѣдства, полученнаго имъ нечаянно послѣ одного дальняго свойственника. — Учася Орнитологіи въ молодыхъ

своихъ лѣтахъ, покупалъ онъ разныхъ птицъ, анатомировалъ ихъ и отдавалъ дѣлать изъ нихъ чучелы: вотъ основаніе того полнаго собранія, которое нынѣ привлекаетъ къ нему въ домъ почти всѣхъ путешественниковъ, и котораго не отдастъ онъ ни за пятьдесятъ тысячь рублей! — Ему очень знакомъ нашъ Докторъ Оз*.

Вчера ходилъ я пѣшкомъ въ деревню Гиндельбанкъ, находящуюся въ двухъ Французскихъ миляхъ отсюда. Въ тамошней церкви сооруженъ монументъ такъ называемой *прекрасной женѣ.* Думаю, что вы читали или слыхали о семъ памятникѣ, котораго исторія достойна примѣчанія. Господинъ Эрлахъ, знатной Бернской гражданинъ и помѣщикъ деревни Гиндельбанкъ, призвалъ Нѣмецкаго художника Наля, и подрядилъ его сдѣлать мраморной монументъ

отцу своему. Наль, занимаясь сею работою, жилъ въ домѣ у Проповѣдника той деревни, Г. Ланганса. Когда работа совершилась, пышной Эрлахъ вздумалъ прибѣгнуть къ золоту, чтобы придать памятнику болѣе великолѣпія. Наль говорилъ, что золото все испортитъ; но его не слушали, и гордый художникъ, сжавъ сердце, долженъ былъ повиноваться. Въ сіе время умерла родами жена Лангансова, молодая прекрасная женщина, которую Наль любилъ сердечно за милыя свойства ея. Онъ плакалъ вмѣстѣ съ неутѣшнымъ супругомъ; но вдругъ, подобно молніи, блеснула въ головѣ его мысль: *искуство мое да сохранитъ память ея въ теченіе временъ!* Обнявъ Ланганса, сказалъ онъ: „Слезы наши „текутъ, и въ прахѣ исчезаютъ; „изящныя произведенія художествъ живутъ вовѣки — рука „моя, повинуясь сердцу, изобра-

„зитъ на камнѣ твою любезную;
„жители отдаленныхъ земель за-
„хотятъ видѣть сіе изображеніе,
„и въ сравненіи съ нимъ будутъ
„презирать Эрлахской памятникъ."
— Сказалъ, и сдѣлалъ.

Онъ представилъ мать (прекрасная Греческая фигура!), воскресающую вмѣстѣ съ младенцемъ. Камень гробный распался. Она поднимаетъ голову; одною рукою держитъ сына, а другою хочетъ отвалить камень, и между тѣмъ съ великимъ вниманіемъ слушаетъ небесную музыку, пробуждающую мертвыхъ. Сія мысль прекрасна, и доказываетъ пінтической духъ Художника; работа отвѣчаетъ ей. Галлеръ сочинилъ къ памятнику слѣдующую надпись (заставляя говорить воскресающую): „Се трубный гласъ! онъ проницаетъ въ могилу. Пробудись, сынъ мой, сынъ „печали, и сложи съ себя тлѣн-
„ность! Спѣши во срѣтеніе тво-

„ему Искупителю, отъ Котораго „бѣжитъ смерть и время; въ вѣч„ное благо превращается все стра„даніе.“ Надпись хороша; но для перваго мгновенія, въ которомъ представлена воскресающая, слишкомъ плодовита. Лучше естьли бы она сказала только: *Трубный гласъ!... Пробудись, сынъ мой! се Спаситель!* — Нѣкоторые думаютъ, что Художникъ не искусственно представилъ распавшійся камень, а въ самомъ дѣлѣ разломилъ его, вырѣзавъ прежде на немъ надпись; но ревностные защитники искусства смѣются надъ сею мыслію. Повыше Галлеровой надписи вырѣзанъ стихъ изъ Св. Писанія: *Се азъ и чадо мое, еже далъ ми еси Ты.* Жаль только, что сей прекрасной монументъ поставленъ очень дурно! Онъ совсѣмъ скрытъ подъ поломъ, и чтобы видѣть его, то надобно поднять двѣ доски. Объ Эр-

лахскомъ пышномъ памятникѣ не скажу ни слова: Художникъ не хотѣлъ, чтобы объ немъ говорили.— Нынѣшній Гиндельбанкской Проповѣдникъ не могъ бы подружиться съ Налемъ; въ физіономіи его не примѣтилъ я ничего пастырскаго, и ничего такого, чтобы показывало чувство. Какъ онъ учитъ своихъ поселянъ, не знаю. — Въ Гиндельбанкѣ есть бѣдной тракширъ, въ которомъ я едва могъ утолить свой голодъ; отобѣдавъ тамъ, возвратился къ вечеру въ городъ.

Кажется, я еще не писалъ къ вамъ о здѣшнемъ славномъ Цейггаузѣ. Тамъ видите вы множество всякаго оружія и всѣхъ воинскихъ потребностей; но болѣе вниманія заслуживаютъ латы древнихъ Бернскихъ Героевъ, славныхъ храбростію и дѣлами своими. Самыя большія изъ нихъ принадлежали основателю Берна, Герцогу Церингенскому. Надобно, чтобы онъ былъ

Гигантъ — и естьли не хотѣлъ взять приступомъ неба, то по крайней мѣрѣ ужасъ былъ его предтечею, когда онъ шелъ противъ непріятелей. Не знаю, любезные друзья мои, какой хладъ разливается по моимъ жиламъ при видѣ памятниковъ рыцарскаго времени, когда люди всего болѣе вѣрили рукѣ своей и—Провидѣнію; когда число побѣдъ бывало числомъ достоинствъ человѣка, и когда въ храбрости вмѣщалось понятіе всѣхъ добродѣтелей. — Пистолеты Карла *смѣлаго*, Герцога Бургундскаго, украшенные серебромъ и слоновою костью, показались мнѣ также примѣчанія достойными; я смотрѣлъ на нихъ нѣсколько минутъ, и воображалъ руку, ихъ нѣкогда державшую. —

Здѣсь нравы нетакъ уже строги, какъ въ Цирихѣ. Женщины и мущины сходятся вмѣстѣ — обыкновенно послѣ обѣда, часа въ че-

тыре — и первыя говорятЪ свободно, шутятЪ и бываютЪ душею общества. НѢкоторыя дѢвицы играютЪ на клавесинѢ, поютЪ и восхищаютЪ слушателей. Знакомцы мои два раза водили меня вЪ сіи собранія, которыя были довольно многочисленны. Но вЪ карты здѢсь не играютЪ, также какЪ и вЪ ЦирихѢ. СЪ иностранцами говорятЪ всегда по-Французки, и притомЪ гораздо лучше, нежели вЪ другихЪ городахЪ Швейцаріи; что же принадлежитЪ до здѢшняго НѢмецкаго языка, то онЪ весьма испорченЪ и непріятенЪ слуху.

Бернской АристократизмЪ почитается самымЪ строжайшимЪ вЪ Швейцаріи. НѢкоторыя фамиліи присвоили себѢ всю власть вЪ РеспубликѢ; изЪ нихЪ составляется большой СовѢтЪ и СенатЪ (изЪ которыхЪ первой имѢетЪ законодательную, а послѢдній исполнительную власть); изЪ нихЪ вы-

бираются судьи, такъ называемые Ландфохты или правители въ округахъ, на которые раздѣленъ Бернской Кантонъ; всѣ прочіе жители не имѣютъ участія въ правленіи. Число сихъ аристократическихъ или господствующихъ фамилій безпрестанно уменьшается; онѣ могутъ сообщать свои права другимъ фамиліямъ, но это рѣдко бываетъ. —

По вечерамъ обыкновенно выходилъ я на террасу, и гулялъ при свѣтѣ лунномъ подъ вѣтьвями каштановыхъ деревъ, будучи углубленъ въ пріятную задумчивость. Ахъ, любезные друзья мои! только на горахъ сердце мое не было сиротою! Тамъ казалось мнѣ, что я къ вамъ ближе.

Завтра поѣду въ Лозану, и простился уже со всѣми своими знакомыми, кромѣ Проповѣдника Штапфера. Сей доброй Швейцаръ полюбилъ меня и мнѣ полюбился.

Всякой день проводилъ я въ его кабинетѣ нѣсколько пріятныхъ часовъ. Все семейство его очень мило. Онъ запретилъ мнѣ сказывать, когда я выѣду изъ Берна, и не хочетъ прощаться со мною. Чувствительной человѣкъ!

Здѣсь разстаюсь съ Нѣмецкимъ языкомъ, и не безъ сожалѣнія.

Простите, мои друзья! Пакетъ свой отнесу на почту. Естьли бы вы съ такимъ удовольствіемъ читали мои письма, съ какимъ я пишу ихъ!

Лозана.

Отъ Берна до Лозаны ѣхалъ я садомъ, и прекраснѣйшимъ садомъ. Дерева вокругъ дороги гнулись подъ сочными, тяжелыми плодами, и златая осень являлась вездѣ въ самомъ блистательнѣйшемъ видѣ. День былъ воскресной; нарядные

поселяне веселились въ кругахъ и пили пѣнистое вино, съ восклицаніемъ: *да здравствуетъ Швейцарія!*

Проѣхавъ городокъ Муртенъ, кучеръ мой остановился, и сказалъ мнѣ: *хотите ли видѣть остатки нашихъ непріятелей?* — „Гдѣ?" — *Здѣсь, на правой сторонѣ дороги.* — Я выскочилъ изъ кареты, и увидѣлъ за желѣзною решеткою огромную кучу — костей человѣческихъ.

Карлъ *дерзостный,* Герцогъ Бургундскій, одинъ изъ сильнѣйшихъ Европейскихъ Государей своего времени, бичь человѣчества, ужасъ сосѣдственныхъ народовъ, но воинъ храбрый, вознамѣрился въ 1476 году покорить жителей Гельвеціи, и гордость независимыхъ смирить желѣзнымъ скипетромъ тиранства. Двинулось его воинство; разноцвѣтныя знамена возвѣялись, и земля застонала подъ тяжестію

его огнестрѣльныхъ орудій. Уже полки Бургундскіе во многочисленныхъ рядахъ расположились на берегахъ Муртенскаго озера, и Карлъ, завистливымъ окомъ взирая на тихія долины Гельвеціи, именовалъ ихъ *своими*. Въ одинъ часъ (*) разнесся по всей Швейцаріи слухъ о близости враговъ, и миролюбивые пастухи, оставивъ хижины и стада свои, вооружились мгновенно сѣкирами и копьями, соединились, и при гласѣ трубъ, при гласѣ любви къ отечеству, громко раздавшемся въ сердцахъ ихъ, съ высоты холмовъ устремились на многочисленныхъ непріятелей, подобно шумнымъ рѣкамъ, съ горъ падающимъ. Громы Карловы загремѣли; но храбрые, непобѣдимые Швейцары сквозь дымъ и муракъ ворвались въ ряды его воинства, и громы умолкли, и

(*) Посредствомъ сигналовъ.

ряды исчезли подъ сокрушительною ихъ рукою. Самъ Герцогъ въ отчаяніи бросился въ озеро, и сильный конь вынесъ его на другой берегъ. Одинъ вѣрный служитель вмѣстѣ съ нимъ спасся; но Карлъ, обративъ взоръ на поле сраженія, и видя погибель всѣхъ своихъ воиновъ, въ изступленіи бѣшенства застрѣлилъ его изъ пистолета, воскликнувъ: *тебѣ ли одному оставаться?* — Побѣдители собрали кости мертвыхъ враговъ, и положили ихъ близь дороги, гдѣ лежатъ онѣ и по нынѣ.

Я затрепеталъ, друзья мои, при семъ плачевномъ видѣ нашей тлѣнности. Швейцары! не уже ли можете вы веселиться такимъ печальнымъ *трофеемъ?* Бургундцы по человѣчеству были вамъ братья. Ахъ! естьли бы вы, омочивъ слезами сіи остатки тридцати тысячь нещастныхъ, съ благословеніемъ предали ихъ землѣ, и на

мѣстѣ побѣды своей соорудили черной монументъ, вырѣзавъ на немъ сіи слова: *Здѣсь Швейцары сражались за свое отечество, побѣдили и оплакали свою побѣду* — тогда бы я похвалилъ васъ въ сердцѣ своемъ. Сокройте, сокройте сей памятникъ варварства! Гордясь именемъ Швейцара, не забывайте благороднѣйшаго своего имени — имени человѣка!

Множество надписей читалъ я на стѣнахъ, которыми обведенъ сей открытой гробъ. Вы знаете одну изъ нихъ, сочиненную Галлеромъ:

Steh still, Helvetier! hier liegt das kühne Heer,
Vor welchem Lüttich fiel, und Frankreichs Thron erbebte.
Nicht unsrer Ahnen Zahl, nicht künstlichers Gewehr,
Die Eintracht schlug den Feind, die ihren Arm belebte.

Kennt, Brüder, eure Macht: sie liegt in unsrer Treu.
O würde sie noch heut in jedem Leser neu! (*).

Сверьхъ того написаны тутъ тысячи именъ и примѣчаній. Гдѣ не обнаруживается склонность человѣка къ распространенію бытія своего, или слуха о бытіи своемъ? Для сего открываютъ новыя земли; для сего путешественникъ пишетъ имя свое на гробѣ Бургундцевъ. Многіе, въ память того, что они посѣщали

(*) „Остановись сынъ Гельвеціи! здѣсь лежитъ дерзостное воинство, предъ которымъ палъ Литтихъ и трепеталъ престолъ Франціи. Не число нашихъ предковъ, не искуснѣйшее оружіе, но *согласіе*, оживлявшее руку ихъ, побѣдило врага. Познайте, братья, силу свою: она состоитъ въ нашей *вѣрности* — ахъ! да обновится и нынѣ вѣрность сія въ сердцахъ вашихъ.“

этотЪ гробЪ, берутЪ изЪ него кости; я не могЪ слѣдовать ихЪ примѣру — вы догадаетесь, для чего. — ВпрочемЪ всѣ кости такЪ высохли, что отЪ нихЪ нѣтЪ никакого дурнаго запаха.

Далѣе за МуртеномЪ представились мнѣ развалины Авентикума, древняго Римскаго города, — развалины, состоящія вЪ остаткѣ колонадЪ, стѣнЪ, водяныхЪ трубЪ, и проч. Гдѣ великолѣпіе сего города, которой былЪ нѣкогда первымЪ вЪ Гельвеціи? гдѣ его жители? ИсчезаютЪ царства, города и народы — исчезнемЪ и мы, любезные друзья мои! . . . гдѣ будутЪ стоять гробы наши? — Настала ночь, взошла луна и освѣтила могилу тѣхЪ, которые нѣкогда ликовали при ея свѣтѣ.

Лозана.

Я пріѣхалъ въ Лозану ночью. Городъ спалъ, и все молчало, кромѣ такъ называемаго ночнаго караульщика, которой, ходя по улицамъ, кричалъ: *ударило часъ, граждане!* Мнѣ хотѣлось остановиться въ трактирѣ *золотаго льва;* но на стукъ мой отвѣчали тамъ: tout est plein, Monsieur! tout est plein! (все занято, государь мой, все занято!) Я постучался въ другомъ трактирѣ, à la Couronne; но и тамъ отвѣчали мнѣ: tout est plein, Monsieur! — Вообразите мое положеніе! Ночью на улицѣ, въ неизвѣстномъ для меня городѣ, безъ пристанища, безъ знакомыхъ! Ночной караульщикъ, или *часовѣщатель*, сжалился надо мною, и подошедши къ запертымъ дверямъ трактира, увѣрялъ сонливаго отвѣчателя, что Monsieur est un voyageur de qualité (что пріѣхавшій господинъ не изъ простыхъ

путешественниковЪ); но намЪ тѣмЪ же голосомЪ отвѣчали: *все занято; желаю доброй ночи Господину Путешественнику!* — C'est impertinent ça (это безстыдно!) сказалЪ мой часовѣщатель: „подите за мною вЪ трактирЪ *оленя*, гдѣ васЪ вѣрно примутЪ.“—ТамЪ вЪ самомЪ дѣлѣ меня приняли, и отвели мнѣ изрядную компату. Добродушной караульщикЪ сЪ улыбкою сердечнаго удовольствія пожелалЪ мнѣ пріятнаго сна, отказался отЪ двадцати копѣекЪ, предложенныхЪ ему отЪ меня, — пошелЪ и закричалЪ: *ударило часЪ, любезные граждане!* Я развернулЪ карманную книжку свою и записалЪ: *такого-то числа, вЪ Лозанѣ, нашелЪ добраго человѣка, которой безкорыстно услуживаетЪ ближнимЪ.*

На другой день поутру исходилЪ я весь городЪ, и могу сказать, что онЪ очень нехорошЪ; лежитЪ отчасти вЪ ямѣ, отча-

сти на косогорѣ, и куда ни поди, вездѣ надобно спускаться съ горы или всходить на гору. Улицы узки, нечисты и худо вымощены. Но на всякомъ возвышенномъ мѣстѣ открываются живописные виды. Чистое обширное Женевское озеро; цѣпь Савойскихъ горъ, за нимъ бѣлѣющихся, и разсѣянныя по берегу его деревни и городки — Моржъ, Роль, Ніонъ — составляютъ прелестную, разнообразную картину. Друзья мои! когда Судьба велитъ вамъ быть въ Лозанѣ, то взойдите на террасу каѳедральной церкви, и вспомните, что нѣсколько часовъ моей жизни протекли тутъ въ удовольствіи и тихой радости! Естьли бы теперь спросили меня: чѣмъ не льзя никогда насытиться? то я отвѣчалъ бы: хорошими видами. Сколько я видѣлъ прекрасныхъ мѣстъ! и при всемъ томъ смотрю на новыя съ самымъ живѣйшимъ удовольствіемъ.

У меня было письмо къ Г. Леваду (Натуралисту и Автору разныхъ піесъ, напечатанныхъ въ сочиненіяхъ Лозанскаго Ученаго Общества). Домъ и садъ его мнѣ очень полюбились; въ послѣднемъ встрѣчаются глазамъ Латинскія, Французскія и Англійскія надписи, выбранныя изъ разныхъ Поэтовъ. Между прочими нашелъ я строфу изъ Аддиссоновой Оды, въ которой Поэтъ благодаритъ Бога за всѣ дары, пріятые имъ отъ руки Его — за сердце, чувствительное и способное къ наслажденію — и за друга, вѣрнаго, любезнаго друга! Щастливъ Г. Левадъ, естьли въ Аддиссоновыхъ стихахъ находитъ онъ собственныя свои чувства! — Сія ода напечатана въ Англійскомъ Зритель. Нѣкогда просидѣлъ я цѣлую лѣтнюю ночь за переводомъ ея, и въ самую ту минуту, когда написалъ послѣдніе два стиха:

И въ самой вѣчности не можно
Воспѣть всей славы Твоея!

восходящее солнце освѣтило меня первыми лучами своими. Это утро было одно изъ лучшихъ въ моей жизни!

Вмѣстѣ съ Гм. Левадомъ былъ я въ Café litteraire, гдѣ можно читать многіе Французскіе, Англійскіе и Нѣмецкіе Журналы. Я намѣренъ часто посѣщать этотъ кофейной домъ, пока буду въ Лозанѣ. Теперь же, къ нещастію, нельзя прогуливаться; почти съ самаго утра идетъ пресильной дождь.

Лозана бываетъ всегда наполнена молодыми Англичанами, которые пріѣзжаютъ сюда учиться по-Французски и — дѣлать разныя глупости и проказы. Иногда и наши любезные соотечественники присоединяются къ нимъ, и вмѣсто того, чтобы успѣвать въ наукахъ, успѣваютъ въ шалостяхъ.

По крайней мѣрѣ я никому бы не совѣтовалъ посылать дѣтей своихъ въ Лозану, гдѣ развѣ только одному Французскому языку можно хорошо выучиться. Всѣ прочія науки преподаются въ Нѣмецкихъ Университетахъ гораздо лучше, нежели здѣсь; чему доказательствомъ служитъ и то, что самые Швейцары, желающіе посвятить себя учености, ѣздятъ въ Лейпцигъ, а особливо въ Геттингенъ. Нигдѣ *способы ученія* не доведены до такого совершенства, какъ нынѣ въ Германіи; и кого Платнеръ, кого Гейне не заставитъ полюбить науки, тотъ конечно не имѣетъ уже въ себѣ никакой способности. — Молодые чужестранцы живутъ и учатся здѣсь въ Пансіонахъ, платя за то шесть или семь луидоровъ въ мѣсяцъ: что составитъ на наши деньги около пятидесяти рублей.

Здѣсь поселился нашъ соотe-

чественникъ, Графъ Григорій Кириловичь Разумовскій, человѣкъ ученой и великой Натуралистъ. По любви къ наукамъ, отказался онъ отъ чиновъ, на которые знатный родъ его давалъ ему право — удалился въ такую землю, гдѣ Натура столь великолѣпна, и гдѣ склонность его находитъ для себя болѣе пищи — живетъ въ тишинѣ, трудится надъ умноженіемъ знаній человѣческихъ въ царствахъ Природы, и дѣлаетъ честь своему отечеству. Естьли не ошибаюсь, то онъ первой изъ Россіянъ извѣстенъ въ Европѣ какъ истинно-ученой человѣкъ. Сочиненія его всѣ на Французскомъ языкѣ. — За нѣсколько недѣль передъ симъ уѣхалъ онъ въ Россію, но съ тѣмъ, чтобы опять возвратиться въ Лозану.

~~~~~~~~~

Сію минуту пришелъ я изъ каѳедральной церкви. Тамъ изъ чер-
~~~~~~~~~

наго мрамора сооруженъ памятникъ Княгинѣ Орловой, которая въ цвѣтущей молодости скончала дни свои въ Лозанѣ, въ объятіяхъ нѣжнаго, неутѣшнаго супруга. Сказываютъ, что она была прекрасна — прекрасна и чувствительна!... Я благословилъ память ея. — Бѣлая мраморная урна стоитъ на томъ мѣстѣ, гдѣ погребена Герцогиня Курляндская, которая была предметомъ почтенія и любви всѣхъ здѣшнихъ жителей. Она любила Натуру и Поэзію; Натура и Музы Британніи, вмѣстѣ съ Музами Германскими, образовали духъ и сердце ея.

~~~~~~~~~~

Въ пять часовъ поутру вышелъ я изъ Лозаны, съ весельемъ въ сердцѣ и — съ Руссовою Элоизою въ рукахъ. Вы конечно угадаете цѣль сего путешествія. Такъ, друзья мои! я хотѣлъ видѣть собственными глазами тѣ прекрасныя мѣ-
~~~~~~~~~~

ста, въ которыхъ безсмертной Руссо поселилъ своихъ романическихъ любовниковъ. Дорога отъ Лозаны идетъ между виноградныхъ садовъ, обведенныхъ высокою каменною стѣною, которая на обѣихъ сторонахъ была границею моего зрѣнія. Но гдѣ только стѣна перерывается, тамъ видны съ лѣвой стороны разнообразные уступы и возвышенія горы Юры, на которыхъ представляются глазамъ или прекраснѣйшіе виноградные сады, или маленькіе домики, или башни съ развалинами древнихъ замковъ; а на правой зеленые луга, обсаженные плодовитыми деревьями, и гладкое Женевское озеро, съ грозными скалами Савойскаго берега. — Въ девять часовъ былъ я уже въ Вевѣ (до котораго отъ Лозаны четыре Франц. мили), и остановясь подъ тѣнію каштановыхъ деревъ гульбища, смотрѣлъ на каменные утесы Мельери, съ которыхъ отча-

янной Сенъ-Прё хотѣлъ низвергнуться въ озеро, и откуда писалъ онъ къ Юліи слѣдующія строки:

„Въ ужасныхъ изступленіяхъ и „въ волненіи души моей не могу „я быть на одномъ мѣстѣ; брожу, „съ усиліемъ взбираюсь на высо„ты, устремляюсь на вершины „скалъ; скорыми шагами обхожу „всѣ окрестности, и вижу во „всѣхъ предметахъ тотъ самой „ужасъ, которой царствуетъ въ „моей внутренности. Нигдѣ уже „нѣтъ зелени; трава поблекла и „пожелтѣла, дерева стоятъ безъ „листьевъ, холодной вѣтеръ на„дуваетъ сугробы, и вся Натура „мертва въ глазахъ моихъ, подоб„но надеждѣ въ моемъ сердцѣ.— „Между скалами сего берега на„шелъ я, въ уединенномъ убѣжи„щѣ, маленькую равнину, откуда „видѣнъ щасливой городъ, въ ко„торомъ ты обитаешь. Вообрази, „съ какою жадностію устремился

,,взоръ мой къ сему любезному мѣ-
,,сту! Въ первой день я всячески
,,старался найти глазами домъ
,,твой; но отъ чрезмѣрной отда-
,,ленности всѣ мои усилія оста-
,,вались тщетными, и я, примѣ-
,,тивъ, что воображеніе обманы-
,,ваетъ глаза мои, пошелъ къ Свя-
,,щеннику и взялъ у него теле-
,,скопъ, посредствомъ котораго у-
,,видѣлъ жилище твое....

,,Съ того времени цѣлые дни
,,провожу въ семъ убѣжищѣ, и
,,смотрю на блаженныя стѣны,
,,заключающія въ себѣ источникъ
,,жизни моей. Не взирая на дур-
,,ную погоду, прихожу туда по-
,,утру, и возвращаюсь оттуда но-
,,чью. Листья, сухія вѣтьви, мною
,,зажигаемыя, и безпрестанное
,,движеніе защищаютъ меня отъ
,,чрезвычайнаго холода. Сіе дикое
,,мѣсто мнѣ такъ полюбилось, что
,,я приношу туда бумагу съ чер-
,,нилицею, и теперь пишу тамъ

„письмо, на камнѣ, отвалившемся „отъ ближней скалы."

Вы можете имѣть понятіе о чувствахъ, произведенныхъ во мнѣ сими предметами, зная, какъ я люблю Руссо, и съ какимъ удовольствіемъ читалъ съ вами его Элоизу! Хотя въ семъ романѣ много неестественнаго, много увеличеннаго — однимъ словомъ, много *романическаго* — однакожь на Французскомъ языкѣ никто не описывалъ любви такими яркими, живыми красками, какими она въ Элоизѣ описана — въ Элоизѣ, безъ которой не существовалъ бы и Нѣмецкой *Вертеръ* (*). — Надобно, чтобы красота здѣшнихъ мѣстъ сдѣлала глубокое впечатлѣніе въ Руссовой душѣ; все описа-

(*) *Основаніе* романа то же, и многія *положенія* (situations) въ Вертерѣ взяты изъ Элоизы; но въ немъ болѣе натуры.

нія его такъ живы, и притомъ такъ вѣрны! Мнѣ казалось, что я нашелъ глазами и ту равнину (ésplanade), которая была столь привлекательна для нещастнаго Сенъ-Прё. Ахъ, друзья мои! для чего въ самомъ дѣлѣ не было Юліи! для чего Руссо не велитъ искать здѣсь слѣдовъ ея! Жестокой! ты описалъ намъ такое прекрасное существо, и послѣ говоришь: *его нѣтъ!* Вы помните это мѣсто въ его Confessions: „Я скажу всѣмъ имѣющимъ вкусъ, всѣмъ „чувствительнымъ: поѣзжайте въ „Веве, осмотрите его окрестности, гуляйте по озеру — и вы „согласитесь, что сіи прекрасныя „мѣста достойны Юліи, Клеры и „Сенъ-Прё; но не ищите ихъ „тамъ.“ — Коксъ, извѣстной Англійской Путешественникъ, пишетъ, что Руссо сочинялъ Элоизу, живучи въ деревнѣ Мельери; но это не справедливо. Господинъ

де Л*, о которомъ вы слыхали, зналъ Руссо и увѣрялъ меня, что онъ писалъ сей романъ въ то время, когда жилъ въ *Эрмитажѣ*, въ трехъ или четырехъ миляхъ отъ Парижа (*).

(*) Тогда я не читалъ еще продолженія Руссовыхъ *признаній* или Confessions, которое вышло въ свѣтъ въ бытность мою въ Женевѣ, и въ которомъ описано происхожденіе всѣхъ его сочиненій по порядку. Я приведу здѣсь мѣста, касающіяся до Элоизы. Руссо, прославясь въ Парижѣ своею Оперою Devin du Village и другими сочиненіями, пріѣхалъ въ Женеву, и былъ принятъ тамъ отмѣнно ласково; всѣ увѣряли его въ своей любви, въ почтеніи къ его дарованіямъ, и чувствительной, растроганной Руссо обѣщалъ своимъ согражданамъ навсегда къ нимъ переселиться, и только на короткое время съѣздить въ Парижъ, чтобы учредить тамъ дѣла свои. „Послѣ „сего рѣшенія (говоритъ онъ) я оста-

Отдохнувъ въ трактирѣ и напившись чаю, пошелъ я далѣе по берегу озера, чтобы видѣть главную сцену романа, селеніе *Кла-*

„вилъ всѣ важныя упражненія, чтобы веселиться съ друзьями до времени моего отъѣзда. Всего болѣе „полюбилась мнѣ тогда прогулка съ „семействомъ пріятеля моего Делюка. Въ самое прекрасное время „наняли мы лодку, и въ семь дней „объѣхали все озеро. Мѣста на другомъ концѣ его впечатлѣлись въ „моей памяти, и черезъ нѣсколько лѣтъ послѣ того я описалъ „ихъ въ Новой Элоизѣ.“ — Господинъ де Л* сказалъ мнѣ правду: Руссо точно сочинялъ свою Элоизу въ то время, когда жилъ въ *Эрмитажѣ* подлѣ Парижа. Вотъ что говоритъ онъ о происхожденіи своего романа: „Я представлялъ себѣ „любовь и дружбу (двухъ идоловъ „моего сердца) въ самыхъ восхитительнѣйшихъ образахъ; украсилъ „ихъ всѣми прелестями нѣжнаго

ранъ. Высокія густыя дерева сокрываютъ его отъ нетерпѣливыхъ взоровъ. Подошелъ, и увидѣлъ — бѣдную маленькую деревеньку, ле-

,,пола, всегда мною любимаго; вооб-
,,ражалъ себѣ сихъ друзей не мущи-
,,нами, а женщинами (естьли такой
,,примѣръ и рѣже, то по крайней
,,мѣрѣ онъ еще любезнѣе). Я далъ
,,имъ два характера сходные, но
,,не одинакіе; два образа, не со-
,,вершенные, но по моему вкусу; до-
,,брота и чувствительность оду-
,,шевляли ихъ. Одна была черново-
,,лосая, другая бѣлокурая; одна раз-
,,судительна, другая слаба, но въ
,,самой слабости своей любезная и
,,добродѣтельная. Одна изъ нихъ
,,имѣла любовника, которому другая
,,была нѣжнымъ другомъ, и еще бо-
,,лѣе нежели другомъ; но только
,,безъ всякаго совмѣстничества, безъ
,,ревности и ссоры: ибо душѣ моей
,,трудно воображать противныя чув-
,,ства, и притомъ мнѣ не хотѣлось
,,помрачить сей картины ничѣмъ,

жащую у подошвы горЪ, покрытыхЪ елями. ВмѣстО жилища Юліина, столь прекрасно описаннаго, представился мнѣ старой

„унижающимЪ натуру. Будучи восхищенЪ сими двумя прекрасными „образцами, я всячески сближалЪ „себя сЪ любовникомЪ и другомЪ; „однакожь представилЪ его молодымЪ и прекраснымЪ, давЪ ему „мои добродѣтели и пороки. Чтобы „поселить моихЪ любовниковЪ вЪ „пристойной для нихЪ странѣ, я „проходилЪ вЪ памяти своей всѣ „лучшія мѣста, видѣнныя мною вЪ „путешествіяхЪ; но не могЪ найти „ни одного совершенно-хорошаго. „Долины Ѳессалійскія могли бы „меня удовольствовать, естьли бы „я видѣлЪ ихЪ; но воображеніе мое, „утомленное выдумками, хотѣло какого нибудь существеннаго мѣста, „которое могло бы служить ему „основаніемЪ. НаконецЪ я выбралЪ „берега того озера, вокругЪ котораго сердце мое не переставало

замокъ съ башнями; суровая наружность его показываетъ суровость тѣхъ временъ, въ которыя онъ построенъ. Многіе изъ тамошнихъ

„носиться“—и проч. Съ неописаннымъ удовольствіемъ читалъ я въ Женевѣ сіи Confessions, въ которыхъ такъ живо изображается душа и сердце милаго Руссо. Нѣсколько времени послѣ того воображеніе мое только имъ занималось, и даже во снѣ. Духъ его парилъ надо мною. —Одинъ молодой знакомой мнѣ живописецъ, прочитавъ Confessions, такъ полюбилъ Руссо, что нѣсколько разъ принимался писать его въ разныхъ положеніяхъ, хотя (сколько мнѣ извѣстно) не кончилъ ни одной изъ сихъ картинъ. Я помню, что онъ между прочимъ изобразилъ его цѣлующаго фланелевую юпку, присланную ему на жилетъ отъ Госпожи Денине. Молодому живописцу казалось это очень трогательнымъ. Люди имѣютъ разные глаза и разныя чувства!

жителей знаютъ Новую Элоизу, и весьма довольны тѣмъ, что великой Руссо прославилъ ихъ родину, сдѣлавъ ее сценою своего романа. Работающій поселянинъ, видя тамъ любопытнаго пришельца, говоритъ ему съ усмѣшкою: *баринъ конечно читалъ Новую Элоизу?* Одинъ старикъ показывалъ мнѣ и тотъ лѣсокъ, въ которомъ, по Руссову описанію, Юлія поцѣловала въ первой разъ страстнаго Сенъ-Прё, и симъ магическимъ прикосновеніемъ потрясла въ немъ всю нервную систему его. — За деревенькою волны озера омываютъ стѣны укрѣпленнаго замка Шильйона; унылой шумъ ихъ склоняетъ душу къ меланхолической дремотѣ. Еще далѣе, при концѣ озера (гдѣ впадаетъ въ него Рона) лежитъ Вильнёвъ, маленькой городокъ; но я посмотрѣлъ на него издали, и возвратился въ Веве.

О семъ городѣ скажу вамъ, что

положенiе его — на берегу прекраснѣйшаго въ свѣтѣ озера, противъ дикихъ Савойскихъ утесовъ, и подлѣ плодоносныхъ горъ — очень прiятно. Онъ несравненно лучше Лозаны; улицы ровны и регулярны; есть хорошiе домы и прекрасная площадь. Здѣсь живутъ почти всѣ дворяне Французской Швейцарiи, или Pays-de-Vaud; за всѣмъ тѣмъ Веве не кажется многолюднымъ городомъ.

Въ здѣшнiй тракширъ вмѣстѣ со мною вошли четыре человѣка въ дорожныхъ плашьяхъ, и вмѣстѣ со мною потребовали обѣда. Въ нѣсколько минутъ мы познакомились, и я узналъ, что трое изъ нихъ Вестфальскiе Бароны, а четвертой Польской Князь. Послѣднiй возвращается изъ Францiи въ свое отечество, и заѣхалъ въ Швейцарiю только для того, чтобы взглянуть на Мельери и Кларанъ. Бароны *по довѣренности* ска-

зали мнѣ (когда Полякъ вышелъ изъ комнаты), что они весьма недовольны его товариществомъ; что онъ навязался на нихъ въ городкѣ Моржѣ, и съ того времени не даетъ покою ушамъ ихъ, безпрестанно бранясь или съ кучеромъ, или съ гребцами, или съ трактирщиками; и что онъ, по ихъ примѣчанію, есть великой лжецъ. Скоро я имѣлъ случай увѣриться въ справедливости сказаннаго ими. Лишь только мы сѣли за столъ, Польской Князь началъ бранить хозяина за кушанье; все было для него дурно, всего мало. Трактирщикъ напомнилъ ему, что онъ не въ Варшавѣ; но Полякъ не унялся до послѣдняго блюда. Потомъ вздумалъ онъ разсказывать мнѣ о Бастильскомъ штурмѣ, на которомъ будто бы прострѣлили ему шляпу и кафтанъ. Я не могъ его долго слушать, чувствуя нужду въ отдох-

новеніи, и ушелъ въ отведенную мнѣ комнату.

Всякой, кто читалъ примѣчанія Коксова Переводчика, Рамона, взойдетъ конечно на террасу здѣшней церкви, чтобы сидя между гробами, подъ мрачною тѣнію столѣтнихъ деревъ, проводить глазами заходящее солнце, насладиться тишиною вечернею, и видѣть сгущеніе ночныхъ тѣней на романической картинѣ Вевейскихъ окрестностей. Я былъ тамъ, и погрузясь въ самого себя, не чувствовалъ, какъ черная, величественная ночь окинула покровомъ своимъ и небо и землю. — Простите.

Лозана.

Вчера возвратился я изъ Веве, и насилу дошелъ до Лозаны, будучи измученъ зноемъ и жаромъ.

Отъ сильнаго волненія въ крови провелъ я ночь безпокойно, и видѣлъ сны, изъ которыхъ одинъ показался мнѣ примѣчанія достойнымъ. Мнѣ привидѣлось, что я въ большой залѣ стою на каѳедрѣ, и при множествѣ слушателей говорю рѣчь о темпераментахъ. Проснувшись, схватилъ я перо и написалъ, что осталось у меня въ памяти, изъ чего, къ моему удивленію, вышло нѣчто порядочное. Судите сами — вотъ сей отрывокъ:

„*Темпераментъ* есть основаніе „моральнаго существа нашего, а „*характеръ* случайная форма его. „Мы родимся съ темпераментомъ, „но безъ характера, которой об„разуется мало по малу отъ внѣ„шнихъ впечатлѣній. Характеръ „зависитъ конечно отъ темпера„мента, но только отчасти, за„вися впрочемъ отъ рода дѣйству„ющихъ на насъ предметовъ.

„Особливая способность принимать „впечатлѣнія есть темпераментъ; „форма, которую даютъ сіи впе„чатлѣнія нашему моральному су„ществу, есть характеръ. Одинъ „предметъ производитъ разныя „дѣйствія въ моральныхъ суще„ствахъ — отъ чего? отъ различ„ности темпераментовъ, или отъ „разнаго свойства *моральной мас„сы,* которая есть младенецъ."

Вы мнѣ повѣрите, что я не прибавилъ и не убавилъ, и написалъ слова точно такъ, какъ сновидѣніе впечатлѣло ихъ въ моей памяти. Кто изъяснитъ связь идей, во снѣ намъ представляющихся? и какимъ образомъ онѣ возбуждаются? Я совсѣмъ не думалъ наяву о темпераментахъ и характерахъ: отъ чего же мечталъ объ нихъ?

Я завтракалъ нынѣ у Г. Левада, съ двумя Французскими Маркизами, пріѣхавшими изъ Парижа. Они

сообщили мнѣ весьма худое понятіе о Парижскихъ дамахъ, сказавъ, что нѣкоторыя изъ нихъ, видя нагой трупъ нещастнаго дю-Фулона, терзаемый на улицѣ бѣшенымъ народомъ, восклицали: *какъ же онъ былъ нѣженъ и бѣлъ!* И Маркизы разсказывали объ этомъ съ такимъ чистосердечнымъ смѣхомъ!! У меня сердце поворотилось.

~~~~~~~~~~

Лозанскія общества отличаются отъ Бернскихъ вопервыхъ тѣмъ, что въ нихъ всегда играютъ въ карты, а вовторыхъ и большею свободою въ обращеніи. Мнѣ кажется, что здѣшніе жители переняли не только языкъ, но и самые нравы у Французовъ, по крайней мѣрѣ отчасти, то есть, удержавъ въ себѣ нѣкоторую жесткость и холодность, свойственную Швейцарамъ. Сіе смѣшеніе для меня противно. Цѣлость, ори-
~~~~~~~~~~

гинальность! вы во всемъ драгоцѣнны; вы занимаете, питаете мою душу — всякое подражаніе мнѣ непріятно.

Я слушалъ нынѣ проповѣдь въ каѳедральной церкви. Проповѣдникъ былъ распудренъ и разряженъ; въ тѣлодвиженіяхъ и въ голосѣ актерствовалъ до крайности. Все поученіе состояло въ высокопарномъ пустословіи, а комплиментъ начальникамъ и всему красному городу Лозанѣ былъ заключеніемъ. Я посматривалъ то на проповѣдника, то на слушателей; вообразилъ себѣ нашего П., Знам. Священника, Лафатера — пожалъ плечами, и вышелъ вонъ. Кстати или не кстати скажу вамъ, что изъ всѣхъ церковныхъ Риторовъ, которыхъ мнѣ удалось читать или слышать, нравится мнѣ болѣе — Йорикъ.

На здѣшнемъ загородномъ гульбищѣ, называемомъ Mont-Benon,

нашелъ я нынѣ ввечеру множество людей. Какое смѣшеніе націй! Швейцары, Французы, Англичане, Нѣмцы, Италіянцы, толпились вмѣстѣ. Я сѣлъ на уединенной лавкѣ, и дождался захожденія солнца, которое, спускаясь къ озеру, освѣщало на сторонѣ Савоіи дичь, пустоту, бѣдность, а на берегу Лозанскомъ плодоносные сады, изобиліе и богатство; мнѣ казалось, что въ вѣтеркѣ, несущемся съ противоположнаго берега, слышу я вздохи бѣдныхъ поселянъ Савойскихъ.

Женева, Октября 2, 1789.

Вдругъ три письма отъ васъ, милые! Естьли бы вы видѣли, какъ я обрадовался! По крайней мѣрѣ вы живы и здоровы! Благодарю Судьбу! Естьли щастіе ваше несовершенно; естьли — — — —

(*) Друзья мои! болѣе ничего не скажу; но я хотѣлъ бы отдать вамъ всѣ свои пріятныя минуты, чтобы сдѣлать жизнь вашу цѣпію минутъ, часовъ и дней пріятныхъ. Когда нибудь—мы будемъ щастливы! вѣрно, вѣрно будемъ!

Отъ Лозаны до Женевы ѣхалъ я по берегу озера, между виноградныхъ садовъ и полей, которыя впрочемъ не такъ хорошо обработаны, какъ въ Нѣмецкой Швейцаріи, и поселяне въ Pays-de-Vaud гораздо бѣднѣе, нежели въ Бернскомъ и Цирихскомъ Кантонахъ. — Изъ городковъ, лежащихъ на берегу озера, лучше всѣхъ полюбился мнѣ Моржъ.

Вы конечно удивитесь, когда скажу вамъ, что я въ Женевѣ намѣренъ прожить почти всю зиму. Окрестности Женевскія прекра-

(*) Здѣсь выпущено нѣсколько строкъ, писанныхъ не для Публики.

сны, городъ хорошъ. По рекомендательнымъ письмамъ отворенъ мнѣ входъ въ первые домы. Образъ жизни Женевцовъ свободенъ и пріятенъ—чего же лучше? Вѣдь мнѣ надобно пожить на одномъ мѣстѣ! Душа моя утомилась отъ множества любопытныхъ и безпрестанно новыхъ предметовъ, которые привлекали къ себѣ ея вниманіе; ей нужно отдохновеніе — нуженъ тонкой, сладостной, питательной сонъ на персяхъ любезной Природы.

Трактирная жизнь моя кончилась. За девять рублей въ мѣсяцъ я нанялъ себѣ большую, свѣтлую, изрядно прибранную комнату въ домѣ; завелъ свой чай и кофе; а обѣдаю въ Пансіонѣ, платя за то рубли четыре въ недѣлю. Вы не можете вообразить себѣ, какъ пріятенъ мнѣ теперь новой образъ жизни и маленькое заведенное мною хозяй-

ство! Вставши рано поутру, и надѣвъ свой походной сертукъ, выхожу изъ города, гуляю по берегу гладкаго озера, или шумящей Роны, между садовъ и прекрасныхъ сельскихъ домиковъ, въ которыхъ богатые Женевскіе граждане проводятъ лѣто; по томъ отдыхаю и пью чай въ какомъ нибудь трактирѣ, или во Франціи, или въ Швейцаріи, или въ Савоіи (вы знаете, что Женева лежитъ на границѣ сихъ земель) — по томъ еще гуляю, возвращаюсь домой, пью съ густыми сливками кофе, которой варитъ мнѣ хозяйка моя, Мадамъ Лажье — читаю книгу или пишу, — въ двѣнадцать часовъ одѣваюсь, въ часъ обѣдаю; послѣ обѣда бываю въ кофейныхъ домахъ, гдѣ всегда множество людей, и гдѣ разсказываются вѣсти; гдѣ разсуждаютъ о Французскихъ дѣлахъ, о декретахъ Національнаго Собранія, о Неккерѣ, о Графѣ

Мирабо, и проч. Вѣ шесть часовѣ иду или вѣ театрѣ, или вѣ собраніе — и такимѣ образомѣ кончится вечерѣ.

Вѣ разсужденіи здѣшнихѣ обществѣ скажу вамѣ, что Женевцы обыкновенно зовутѣ гостей на вечерѣ *пить чай*. Вѣ шесть часовѣ сходятся, пьютѣ кофе, чай, и ѣдятѣ бисквиты; потомѣ садятся играть вѣ карты, по большой части вѣ Вискѣ, и проигрываютѣ или выигрываютѣ рубли два, три; вѣ десятомѣ часу всѣ расходятся, кромѣ трехѣ или четырехѣ короткихѣ хозяину пріятелей, которые остаются у него ужинать. На сихѣ *вечеринкахѣ* сбирается человѣкѣ по шестидесяти; тутѣ видите вы знатныхѣ Французовѣ, оставившихѣ свое отечество — Нѣмецкихѣ Принцовѣ, Англичанѣ, и всего менѣе Женевцовѣ. Обѣдать или ужинать зовутѣ рѣдко. Г. Кела, одинѣ изѣ Начальниковѣ или Син-

диковъ здѣшней Республики, пригласилъ меня однажды къ обѣду въ загородной домъ свой. Столъ былъ очень хорошъ. Тутъ познакомился я съ Гишпанцомъ, которой десять лѣтъ жилъ въ Петербургѣ, отправляя должность Совѣтника при Гишпанскомъ Посольствѣ, и которой, по нѣкоторымъ обстоятельствамъ, долженъ былъ оставить свое отечество; зиму проводитъ онъ въ Ліонѣ, а лѣто въ Швейцаріи. — Баронъ де-Лю, Лафатеровъ пріятель, познакомилъ меня съ Готскими молодыми Принцами, которые учатся здѣсь *свѣтской наукѣ*, или *пріятному обхожденію*. Я у нихъ обѣдалъ; меньшой гораздо живѣе и остроумнѣе большаго, Наслѣдника высокаго Готскаго трона. Вы наслышались о Баронѣ I*: я улыбнулся, вспомнивъ, что имѣю честь сидѣть подлѣ его будущаго повелителя, которой можетъ безъ

всякаго суда — отъ чего Боже сохрани! — снять съ него шляпу... и голову. — Вчера позвалъ меня ужинать Г. Конклеръ. Я пришелъ въ девять часовъ, но хозяинъ совсѣмъ еще неготовъ былъ принимать гостей, и сидѣлъ въ своемъ кабинетѣ. Черезъ полчаса вошла хозяйка, и потомъ начали сбираться гости. Между прочими былъ тутъ одинъ глухой Баронъ, надъ которымъ Женевскія дамы весьма забавлялись. Онѣ загадывали ему загадки; Баронъ брался все отгадывать, но къ нещастію не отгадалъ ни одной. На примѣръ: *для чего Генрихъ IV, врагъ всякой пышности, имѣлъ золотыя шпоры?* Баронъ пять разъ улыбался; пять разъ отвѣчалъ, но все не въ попадъ. Наконецъ вывели его изъ недоумѣнія, сказавъ: pour piquer son cheval (чтобы колоть свою лошадь). *О! я это думалъ!* закричалъ Баронъ: c'est tout clair! *ни-*

что не можетъ быть яснѣе!—Еще: *что находится* au milieu de Paris (въ серединѣ Парижа)? Баронъ, которой недавно пріѣхалъ изъ Парижа, отвѣчалъ: *городъ — люди — камни — грязь.* Надъ каждымъ отвѣтомъ смѣялись, и наконецъ объявили, что au milieu de Paris находится r. *Я только лишь хотѣлъ это сказать!* закричалъ Баронъ, и всѣ захохотали. Хозяйка, которая почитается одною изъ разумнѣйшихъ женщинъ Женевской Республики, разспрашивала меня о Московскихъ дамахъ. Вопросъ: *хороши ли онѣ?* Отвѣтъ: *прекрасны.* Вопросъ: *умны ли онѣ?* Отвѣтъ: *безпримѣрно.* Вопросъ: *сочиняютъ ли онѣ стихи?* Отвѣтъ: *безподобные.* Вопросъ: *какого роду?* Отвѣтъ: *молитвы.* — Vous badinez, Monsieur! *Вы шутите!* — „Извините, сударыня; я говорю точную правду.“ — *Да развѣ онѣ очень много грѣшатъ?* — „Нѣтъ,

сударыня; онѣ молятся о томъ, чтобы не грѣшить."—*Я! это другое дѣло!*— Госпожа Конклеръ подала мнѣ руку, и мы пошли ужинать.—

Въ полночь. Нынѣ ввечеру чувствовалъ я въ душѣ своей великую тягость и скуку; каждая мысль, которая приходила ко мнѣ въ голову, давила мозгъ мой; мнѣ не ловко было ни стоять, ни ходить. Я пошелъ въ Бастіонъ, здѣшнее гульбище — легъ на углу вала, и далъ глазамъ своимъ волю перебѣгать отъ предмета къ предмету. Мало помалу голова моя облегчалась вмѣстѣ съ моимъ сердцемъ. Вечеръ былъ самой теплой и пріятной. На обѣихъ сторонахъ представлялись мнѣ горы, окруженныя облаками, которыя носились выше и ниже ихъ вершинъ: видъ величественной и грозной! Прямо передо мною

простиралась большая равнина, усѣянная рощицами, деревеньками и уединенными домиками. Все было тихо. Отъ времени до времени — по большей дорогѣ, идущей вдоль равнины — мчались въ колясках молодые Англичане, которые, боясь слѣдствія скоплявшихся облаковъ, погоняли кургузыхъ коней своихъ, чтобы скорѣе возвратиться въ городъ. Вѣтерокъ какъ птичка прилетѣлъ отъ Юры и шепталъ мнѣ на ухо — не знаю, что. Тутъ вдругъ ударили въ барабанъ. Боясь, чтобы меня не заперли въ бастіонѣ, я вскочилъ и вышелъ оттуда; но не желая разстаться съ вечеромъ, пошелъ на *Трелъ*, другое гульбище подлѣ Ратуши, и сѣлъ на лавкѣ подъ орѣховыми деревьями, гдѣ представились мнѣ тѣ же виды, которыми веселился я въ бастіонѣ. Темнота сгущалась; вѣтеръ усиливался, и шумѣлъ ужасно между

деревами; облака неслись быстро, натекли на городЪ, и пошелЪ дождь. ОбратиВЪ глаза на долину, вдругЪ увидѣлЪ я множество огней, которые вЪ темнотѣ представляли романическое зрѣлище. Мнѣ казалось, что я вижу тамЪ замки благодѣтельныхЪ Фей — и всѣ сказки, которыя воспаляли младенческое мое воображеніе, и дѣлали меня вЪ ребячествѣ маленькимЪ ДонЪ-КишотомЪ, оживились вЪ моей памяти. Между прочими тогдашними подвигами моими вспомнилЪ я одинЪ вечерЪ, сумрачной и бурной, вЪ которой, ощутивЪ вдохновеніе божественныхЪ Фей, укрался я отЪ своего, впрочемЪ весьма бдительнаго дядьки, забрался вЪ ту горницу, гдѣ хранились разныя оружія, покрытыя почтенною ржавчиною — схватилЪ саблю, которая пришлась мнѣ по рукѣ, и заткнувЪ ее за кушакЪ тулупа своего, отправился на гу-

мпо (*) искать приключеній, и противиться силѣ злыхъ волшебниковъ; но чувствуя въ себѣ на каждомъ шагу умноженіе страха, махнулъ саблею нѣсколько разъ по черному воздуху, и благополучно возвратился въ свою комнату, думая, что подвигъ мой былъ довольно важенъ. Лѣта младенчества! кто помышляетъ объ васъ безъ удовольствія? И чѣмъ старѣе мы становимся, тѣмъ пріятнѣе вы намъ кажетесь.

~~~~~~~~

Кто, будучи въ Женевской Республикѣ, не почтетъ за пріятную должность быть въ Фернеѣ, гдѣ жилъ славнѣйшій изъ Писателей нашего вѣка?

Я ходилъ туда пѣшкомъ съ однимъ молодымъ Нѣмцомъ. Бывшій Вольтеровъ замокъ построенъ на возвышенномъ мѣстѣ, въ нѣкото-

(*) Я жилъ тогда въ деревнѣ.
~~~~~~~~

ромъ разстоянiи отъ деревни Ферней, откуда идетъ къ нему прекрасная алея. Передъ домомъ, на лѣвой сторонѣ, увидѣли мы маленькую церковь, съ надписью: *Вольтеръ Богу.*

„Вольтеръ былъ одинъ изъ ревно„стныхъ почитателей Божества „(говоритъ де-ла-Гарпъ въ похваль„номъ Словѣ Фернейскому мудре„цу). Si Dieu n'existait pas, il „faudrait l'inventer (*естьли бы не „существовалъ Богъ, то надлежало „бы Его выдумать*) — сей пре„красной стихъ написанъ имъ въ „старости, и показываетъ его „Философiю."

Человѣкъ, вышедшiй къ намъ на встрѣчу, не хотѣлъ-было вести насъ въ домъ, говоря, что господинъ его, которому извѣстная наслѣдница Вольтерова продала сей замокъ, не велѣлъ никого пускать туда; но мы увѣрили его въ нашей благодарности, и въ минуту

отворилась намЪ дверь во святилище, то есть вЪ тѣ комнаты, гдѣ жилЪ ВольтерЪ, и гдѣ все осталось такЪ, какЪ при немЪ было. Комнатные приборы хороши и довольно богаты. ВЪ той горницѣ, гдѣ стоитЪ Вольтерова кровать, было погребено его сердце, которое Гжа ДенисЪ увезла сЪ собою вЪ ПарижЪ. Остался одинЪ черной монументЪ, на которомЪ написано вЪ серединѣ: son ésprit est partout, & son coeur est ici (*духЪ его вездѣ, сердце его здѣсь*), а вЪ верьху: mes manes sont consolés, puisque mon coeur est au milieu de vous (*тѣнь моя утѣшена, ибо сердце мое посреди васЪ*). На стѣнахЪ висятЪ портреты: первый нашей Императрицы, шитый на шелковой матерiи, сЪ подписью: presenté à Mr. Voltaire par l'Auteur, — и на сей портретЪ смотрѣлЪ я сЪ бóльшимЪ примѣчанiемЪ и сЪ бóльшимЪ удовольстві-

емъ, нежели на другіе); — второй покойнаго Пruскаго Короля; третій Ле-Кеня, славнаго Парижскаго Актера; четвертой самого Вольтера, и (пятой) Маркизы де Шатле, которая была ему другомъ, и болѣе нежели другомъ. Между гравированными изображеніями замѣтилъ я портретъ Невтона, Буало, Мармонтеля, д'Аланберта, Франклина, Гельвеція, Климента XIV, Дидрота и Делиля. Прочіе эстампы и картины не важны. — Спальня Вольтерова служила ему и кабинетомъ, изъ котораго онъ научалъ, трогалъ и смѣшилъ Европу. Такъ, друзья мои! должно признаться, что никто изъ Авторовъ осьмагонадесять вѣка не дѣйствовалъ такъ сильно на своихъ современниковъ, какъ Вольтеръ. Къ чести его можно сказать, что онъ распространилъ сію взаимную терпимость въ Вѣрахъ, которая сдѣлалась ха-

рактеромъ нашихъ временъ, и наиболѣе посрамилъ гнусное лжевѣріе, которому еще въ началѣ осьмагонадесять вѣка приносились кровавыя жертвы въ нашей Европѣ (*). — Вольтеръ писалъ для читателей всякаго рода, для ученыхъ и неученыхъ; всѣ понимали его, и всѣ плѣнялись имъ. Никто лучше его не умѣлъ показывать смѣшнаго во всѣхъ вещахъ, и никакая Философія не могла устоять противъ Вольтеровой ироніи. Публика всегда была на его сторонѣ, потому что онъ доставлялъ ей удовольствіе смѣяться! — Вообще въ сочиненіяхъ его не най-

(*) Но я не могу одобрить Вольтера, когда онъ отъ суевѣрія не отличалъ истинной Христіанской Религіи, которая, по словамъ одного изъ его соотечественниковъ, находится къ первому въ такомъ же отношеніи, въ какомъ находится правосудіе къ ябедѣ.

демъ мы тѣхъ великихъ идей, которыя Геній Натуры, такъ сказать, непосредственно вдыхаетъ въ избранныхъ смертныхъ; но сіи идеи и понятны бываютъ только не многимъ людямъ, и потому самому кругъ дѣйствія ихъ весьма ограниченъ. Всякой любуется пареніемъ весенняго жаворонка; но чей взоръ дерзнетъ за орломъ къ солнцу? Кто не чувствуетъ красотъ *Заиры?* но многіе ли удивляются *Отеллу* (*)?

Положеніе Фернейскаго замка такъ прекрасно, что я позавидовалъ Вольтеру. Онъ могъ изъ оконъ своихъ видѣть *бѣлую* Савойскую *гору*, высочайшую въ Европѣ, и прочія снѣжныя громады, вмѣстѣ съ зелеными равнинами, садами и другими пріятными предметами. Фернейской садъ разведенъ имъ самимъ, и показываетъ его вкусъ.

(*) Тогда я такъ думалъ!

Всего болѣе полюбилась мнѣ длинная алея; при входѣ въ нее кажется, что она примыкаетъ къ самымъ горамъ. — Большой, чистой прудъ служитъ зеркаломъ для высокихъ деревъ, осѣняющихъ берега его.

Имя Вольтерово твердятъ всѣ жители Фернея. Тамъ, сѣвъ подъ вѣтьвями каштановаго дерева, прочиталъ я съ чувствомъ сіе мѣсто въ ла-Гарповомъ похвальномъ Словѣ:

„Подданные, лишенные отца и „господина своего, и дѣти ихъ, „наслѣдники его благодѣяній, скажутъ страннику, которой своротится съ пути своего, чтобы „видѣть Ферней: *Вотъ домы, имъ „построенные — убѣжище, которое „далъ онъ полезнымъ искусствамъ „(*) — поля, которыя обогатилъ*

(*) Извѣстно, что Вольтеръ принялъ къ себѣ въ Ферней многихъ худож-

„онъ плодами. Сіе многолюдное „и цвѣтущее селеніе родилось подъ „его смотрѣніемъ, родилось среди „пустыни. Вотъ рощи, дороги и „тропинки, гдѣ мы столь часто „его видали. Здѣсь горестное Ка-„ласово семейство окружило своего „покровителя; здѣсь сіи нещастные „обнимали колѣна его. Сіе дерево „посвящено благодарностію, и сѣ-„кира никогда не отдѣлитъ его „отъ корня. Онъ сидѣлъ подъ его „тѣнію, когда разоренные поселяне „пришли требовать его помощи; „тутъ проливалъ онъ слезы сожа-„лѣнія, и скорбь бѣдныхъ превра-„тилъ въ радость. Въ семъ мѣстѣ „видѣли мы его въ послѣдній разъ „—— и внимающій странникъ, „которой при чтеніи Заиры не „могъ удержать слезъ своихъ, „прольетъ можетъ быть еще прі-

никовъ, которые принуждены были оставить Женеву.

„ятнѣйшія въ память благотво-
„рителя.“

Мы обѣдали въ Фернейскомъ трактирѣ съ двумя молодыми Англичанами, и пили очень хорошее Французское вино, желая блаженства душѣ Вольтеровой.

Отъ Женевы до Фернея не болѣе шести верстъ, и я въ семь часовъ вечера былъ уже дома.

Нѣкоторые изъ здѣшнихъ граждан ввели меня въ свои такъ называемые *Серкли*, которыхъ здѣсь очень много, и въ которыхъ Женевцы послѣ обѣда пьютъ кофе и курятъ табакъ. Тутъ не бываетъ женщинъ; говорятъ же болѣе всего о Парижскихъ новостяхъ. Здѣшніе богачи повѣрили Франціи миліоны, и до сего времени получали съ нихъ большіе проценты; но теперь боятся, чтобы Французы не сказались банкрутами, отъ чего могутъ разориться въ Женевѣ первые домы.

Но тебя, бѣдной сѣверъ, тебя не удостоиваетъ Женевецъ своего вниманія! Тотъ, кто знаетъ всѣ подробности Парижскихъ происшествій, едва ли знаетъ, что у Россіи со Швеціею война. Визирь два раза разбитъ, Бѣлградъ взятъ — никто объ этомъ не говоритъ, никто не радуется. Любезная Германія! въ нѣдрахъ твоихъ звучатъ рюмки и стаканы, когда Слава протрубитъ щастливый подвигъ сыновъ твоихъ; Рейнвейнъ и вино Токайское пѣнятся въ кубкахъ; раздаются торжественныя пѣсни вдохновенныхъ Бардовъ. Германія! для чего я оставилъ тебя такъ скоро?

На сихъ дняхъ обѣдалъ я за городомъ въ сельскомъ домикѣ, вмѣстѣ со многими Женевцами и чужестранными. Обѣдъ былъ самой веселой; всѣ мы сидѣли въ шляпахъ и пѣли пѣсни. Послѣ стола иные катались въ лодкѣ по

озеру, другіе играли *въ шары*, или, сидя на крыльцѣ, спокойно курили свои трубки. — Пробывъ тамъ до вечера, пошелъ я назадъ въ городъ — и могъ ли думать, чтобы на семъ пути ожидала меня опасность? Вы конечно не угадаете, какая? Я шелъ задумавшись, наступилъ на змѣю, и увидѣлъ ее только тогда, какъ она начинала уже обвиваться вокругъ ноги моей, и подымала верьхъ голову, чтобы сквозь чулокъ ужалить меня.... Но не бойтесь! я сбросилъ ее съ ноги, прежде нежели она могла влить въ нее ядъ свой. *Злобная тварь!* думалъ я, смотря, какъ она ползла отъ меня по желтому песку: *злобная тварь! жизнь твоя теперь въ моихъ рукахъ; но естьли Натура терпитъ тебя въ своемъ царствѣ, то я не хочу прекращать бѣднаго бытія твоего — пресмыкайся!*

Не помню, писалъ ли я къ вамъ,

чтобы вы адресовали письма свои à la grande rue, No 17. На сей разъ простите!

Женева, Ноября 1, 1789.

Послѣ письма, пересланнаго черезъ Лафатера, не получалъ я отъ васъ ни одной строки. Не совѣстно ли вамъ такъ долго молчать? Вы знаете, что я только посредствомъ васъ сообщаюсь съ любезнымъ моимъ отечествомъ.

Здѣшняя жизнь моя довольно единообразна. Прогуливаюсь и читаю Французскихъ Авторовъ, и старыхъ и новыхъ, чтобы имѣть полное понятіе о Французской Литтературѣ; бываю на Женевскихъ вечеринкахъ и въ Оперѣ. Строгой, любезной Руссо! соотечественники твои не послушались тебя, построили Театръ и лю-

бятъ его страстно (*). Здѣсь играютъ двѣ Дижонскія Трупы: одна лѣтомъ и осенью, а другая зимою и весною; первая оперы, а вторая комедіи и трагедіи. Двѣ или три актрисы, два или три актера, играютъ и поютъ очень изрядно. Недавно представляли Атиса, большую оперу, которой музыку сочинялъ славной Пичини. Въ композиціи есть нѣчто великое, возвышающее душу. Арія: Vivre ou mourir, которую поютъ нещастные любовники, гонимые судьбою и ревностію жестокой Цибеллы, прекрасна, несравненна. Изъ маленькихъ Французскихъ *оперетокъ* полюбилась мнѣ болѣе всѣхъ les petits Savoyards (маленькіе Савояры); есть трогательныя мѣста, и почти всѣ голоса очень хороши.

(*) Руссо съ великимъ жаромъ утверждалъ, что Театръ вреденъ для нравовъ.

Въ Пансіонѣ вмѣстѣ со мною обѣдаетъ человѣкъ двѣнадцать. Датской Баронъ, Французской Маркизъ, недавно пріѣхавшій изъ Парижа, и Капитанъ Женевскаго полку, играютъ за столомъ первыя роли. Баронъ путешествовалъ въ Германіи, Франціи и Англіи, говоритъ хорошо по-Нѣмецки, и увѣряетъ всѣхъ Французовъ, что онъ лучше ихъ знаетъ Французской языкъ, хотя не всѣ ему въ томъ вѣрятъ. По крайней мѣрѣ онъ бранится по-Французски не хуже площадныхъ Парижскихъ рыцарей. Г. Баронъ не терпитъ никакихъ противорѣчій, и готовъ драться всякую минуту; съ презрѣніемъ говоритъ о Женевцахъ, и весьма строго судитъ бѣдныхъ здѣшнихъ актеровъ. — Маркизъ сказываетъ, что онъ пріѣхалъ въ Женеву отдыхать, и никакъ не хочетъ заводить знакомствъ, находя въ уединеніи несказанное удовольствіе.

даетъ чувствовать, что онъ Авторъ; хвалитъ Ж. Жака, и *увѣряетъ*, что онъ писалъ электрическимъ перомъ; а Корнель, по его мнѣнію, есть величайшій изъ мужей, когда-либо произведенныхъ Натурою. Вольтеръ, говоритъ онъ, былъ человѣкъ умной, но разсуждалъ очень худо. Однакожь Г. Маркизъ собирается ѣхать въ Ферней, думая, что въ Вольтеровомъ кабинетѣ крылатое вдохновеніе спустится на его голову. — Женевской бравой Капитанъ, служившій нѣсколько лѣтъ Королю Прусскому, говоритъ весьма охотно, и по временамъ осмѣливается противорѣчить Барону; но всегда принужденъ бываетъ *ретироваться*, когда загремятъ громы изъ устъ Баронскихъ. Всѣ піесы, играемыя на здѣшнемъ Театрѣ, хвалитъ онъ одинакимъ образомъ. *Эдипъ*, по его словамъ, est rempli de sentiment (испол-

ненъ чувства); и опера *Кузнецъ* est rempli de sentiment (исполнена чувства). Простосердечіе и невѣжество его часто заставляютъ насъ смѣяться. — Между прочими есть еще одинъ примѣчанія достойной человѣкъ, родомъ Женевецъ, которой объѣздилъ всѣ четыре части свѣта, присвоилъ себѣ право лгать немилосердо, и хотѣлъ увѣрить меня, что многіе изъ жителей Патагоніи бываютъ ростомъ въ четыре аршина.

Докторъ Беккеръ пріѣхалъ въ Женеву. Мы встрѣтились на улицѣ и бросились обнимать другъ друга, какъ старинные друзья обнимаются послѣ долгой разлуки. Съ того времени мы всякой день видимся, иногда вмѣстѣ гуляемъ и пьемъ чай передъ каминомъ; онъ нанялъ себѣ комнату въ той же улицѣ, гдѣ я живу. Единоземцы его, Графъ Мольтке и Поэтъ Баггезенъ, остались въ Бернѣ. Послѣд-

ній скоро женится, и самымъ романическимъ образомъ. Я писалъ къ вамъ, что Беккеръ поѣхалъ съ ними въ Луцернъ. Оттуда пробрались они черезъ горы въ Унтерзеенъ, и пришедши въ великомъ изнеможеніи на берегъ озера, сѣли въ лодку, чтобы плыть въ городъ Тунъ. Въ самую ту минуту, какъ лодочникъ хотѣлъ уже отвалить отъ берега, явилась молодая дѣвушка съ пожилымъ мущиною,—дѣвушка лѣтъ въ двадцать, пріятная, миловидная, въ зеленой шляпкѣ, въ бѣломъ платьѣ, съ тростью въ рукахъ, — приближилась къ лодкѣ, порхнула въ нее какъ птичка, и съ улыбкою сказала нашимъ путешественникамъ (которые, какъ *рыцари печальнаго образа*, сидѣли повѣся головы): Bonjour, Messieurs! Они изумились отъ сего нечаяннаго явленія, пристально посмотрѣли на дѣвушку, взглянули другъ на друга, и насилу вспом-

нили, что имъ надлежало отвѣчать на привѣтствіе миловидной незнакомки. Докторъ Беккеръ увѣряетъ меня — а онъ человѣкъ правдивой — Беккеръ увѣряетъ, что они отвѣчали ей весьма хорошо, хотя Графъ на второмъ словѣ заикнулся, а Багзенъ и онъ Докторъ ничего не сказали. Уже волны Тунскаго озера помчали лодку ихъ на влажныхъ хребтахъ своихъ — или, просто сказать, они плыли, и начинали мало по малу разговаривать. Дѣвушка сказала Датчанамъ, что она съ дядею своимъ посѣщала въ Унтерзеенѣ больную, добрую свою кормилицу, и возвращается въ Бернъ. Какъ же вы оставили ее? спросили чувствительные путешественники съ видомъ заботливости. „Слава Богу! ей стало гораздо легче" — отвѣчала незнакомка. По томъ она захотѣла знать отечество и фамилію своихъ сопутниковъ;

узнавъ же, что Графъ есть внукъ бывшаго Датскаго Министра, начала говорить о семъ почтенномъ мужѣ, объ исторіи его времени, и показала, что ей извѣстны Европейскія происшествія. Въ Тунѣ пристали къ берегу. Графъ подалъ ей руку, и вмѣстѣ съ товарищами своими проводилъ ее до трактира, гдѣ и для нихъ нашлась комната. Тутъ свѣдали они отъ трактирщика, что прелестная сопутница ихъ есть дѣвица Галлеръ, внука великаго Философа и Поэта сего имени. Баггезенъ вспрыгнулъ отъ радости, и побѣжалъ къ ней снова рекомендоваться, и увѣрять ее въ своемъ неограниченномъ почтеніи къ твореніямъ покойнаго ея дѣдушки. „Ахъ! естьли бы вы знали его лично!“ сказала она съ чувствомъ: „въ самой старости плѣнялъ онъ любезностію своею и большихъ и малыхъ. Я не могу

удержаться отъ слезъ, воображая, какъ онъ въ свободные часы, — послѣ важныхъ, для человѣчества полезныхъ трудовъ — безпечно и весело игрывалъ съ нами, малыми дѣтьми; бралъ меня на колѣни, цѣловалъ и называлъ своею милою Софьею.“ — — Тутъ милая Софія бѣлымъ платкомъ обтерла слезы свои. Багзенъ плакалъ вмѣстѣ съ нею, и въ восторгѣ чувствительности осмѣлился поцѣловать ея руку. — Наши путешественники забыли свою усталость, просидѣли весь вечеръ съ дѣвицею Галлеръ, и ужинали вмѣстѣ съ нею. На другой день имъ надлежало рано ѣхать въ Бернъ; а Софія и дядя ея оставались еще въ Тунѣ. „Не уже ли мы навсегда простимся?“ сказалъ молодой Графъ, смотря въ глаза Софіи. Багзенъ также смотрѣлъ ей въ глаза, и еще съ живѣйшимъ выраженіемъ нѣжности. Докторъ Бек-

керъ протянулъ голову впередъ, въ ожиданіи отвѣта ея. Она улыбнулась, и подала Графу карточку: *вотъ адрессъ нашей фамиліи, которая почтетъ за великое удовольствіе угостить любезныхъ путешественниковъ.* Датчане изъявили ей благодарность свою, и пошли въ отведенную имъ комнату. — На другой день по пріѣздѣ своемъ въ Бернъ сочли они за пріятную должность явиться съ почтеніемъ къ дѣвицѣ Галлеръ. Ее не было дома; однакожь дядя и тетка ея приняли ихъ очень ласково. *Скоро ли будетъ домой дѣвица Галлеръ? скоро ли возвратится дѣвица Софія? скоро ли увидимъ мы пріятную нашу сопутницу?* вотъ вопросы, на которые этотъ дядя и эта тетка принуждены были отвѣчать всякую минуту. Наконецъ пришла дѣвица Галлеръ, возвратилась дѣвица Софія; Датчане увидѣли свою пріятную сопутни-

цу, и не могли удержаться отъ радостнаго восклицанія при ея входѣ. Она обошлась съ ними какъ съ знакомыми, и показалась имъ еще прелестнѣе, еще милѣе. Графъ, Багзенъ, Беккеръ, хотѣли говорить съ нею вдругъ, и вдругъ дѣлали ей вопросы. Одному отвѣчала она словами, другому улыбкою, третьему движеніемъ руки — и всѣ были довольны. Ввечеру предложили гулянье; собрались пріятели и пріятельницы — но Датчане никого не видали, никого не слыхали, кромѣ Софіи. Разстались съ тѣмъ, чтобы на другой день опять видѣться. Другой, третій и четвертый день были проведены почти такъ же. Въ сіе время Беккеръ примѣтилъ, что онъ не можетъ быть *первымъ* для Софіи, умѣрилъ жаръ свой въ обхожденіи съ нею, и оставилъ всѣ требованія на отличную благосклонность ея. Графъ примѣтилъ мо-

жетъ быть то же, сдѣлался пасмуренъ, скоро совсѣмъ пересталъ ходить къ Софіи, и началъ искать разсѣянія въ Бернскихъ обществахъ. Что принадлежитъ до Багзена, то едва ли Лезбійская Пѣснопѣвица могла такъ страстно любить своего Фаона, какъ онъ полюбилъ Софію; и никогда жрица Аполлонова, сидя на златомъ треножникѣ, не трепетала такъ сильно въ святыхъ восторгахъ своихъ, какъ трепеталъ нашъ молодой Поэтъ, прикасаясь устами къ Софіиной рукѣ. Всякое слово его одушевлялось чувствомъ, когда онъ говорилъ съ нею, и чувства его были — пламя. Онъ не осмѣливался сказать ей: *я люблю тебя!* но нѣжная Софія понимала его, и не могла быть равнодушна къ такому любовнику. Она стала не такъ жива и весела, какъ прежде — иногда задумывалась, и глаза ея блистали какъ

молніи. Часто по вечерамъ гуляли они двое въ алеяхъ Бернской террасы; густыя тѣни каштановыхъ деревъ и лучи свѣтлаго мѣсяца были свидѣтелями ихъ непорочнаго обхожденія, до самаго того времени, какъ платонической любовникъ, въ одинъ изъ сихъ пріятныхъ вечеровъ упавъ на колѣни передъ Софіею и схвативъ ея руку, сказалъ: *она моя! твое сердце образовано для моего сердца! мы будемъ щастливы!* ... „Она твоя" — отвѣчала Софія, посмотрѣвъ на него съ нѣжностію; „она твоя! и я надѣюсь быть съ тобою щастлива!" — Пусть другой, а не я, опишетъ сію минуту! — Въ тотъ же самой вечеръ всѣ родственники дѣвицы Галлеръ обняли Багзена какъ ея жениха и своего друга, и черезъ нѣсколько недѣль положили быть свадьбѣ. — Теперь Поэтъ нашъ наслаждается прекрасною зарею того щастія, ко-

торое ожидаетъ его въ объятіяхъ милой супруги, и въ восторгѣ своемъ прославляетъ берегъ Тунскаго озера, гдѣ глаза его увидѣли, и гдѣ душа его полюбила Софію. — Между тѣмъ Графъ Мольтке совершенно успокоился и радуется щастію своего друга. Беккеръ также радуется — и разсказалъ мнѣ все то, что вы теперь читали.

Осень дѣлаетъ меня меланхоликомъ. Вершина Юры покрылась снѣгомъ; дерева желтѣютъ, и трава сохнетъ. Брожу sur la Treille, съ уныніемъ смотрю на развалины лѣта; слушаю, какъ шумитъ вѣтеръ — и горесть мѣшается въ сердцѣ моемъ съ какимъ-то сладкимъ удовольствіемъ. Ахъ! никогда еще не чувствовалъ я столь живо, что теченіе Натуры есть образъ нашего жизненнаго теченія! . . . Гдѣ ты, весна жизни моей? Скоро, скоро прохо-

дитъ лѣто — и въ сію минуту сердце мое чувствуетъ холодъ осенній. Простите, друзья мои!

Гора Юра, 8 Ноября 1789.

Тавернье, которой объѣздилъ большую часть свѣта, — Тавернье говорилъ, что онъ, кромѣ одного мѣста въ Арменіи, нигдѣ не находилъ такого прекраснаго вида, какъ въ Обонѣ. Сей городокъ лежитъ на скатѣ высокой Юры, не далеко отъ Моржа, верстахъ въ тридцати отъ Женевы: и такъ, взявъ въ руки Діогенской посохъ, отправился я въ путь, чтобы собственными глазами видѣть ту картину, которою восхищался славной Французской путешественникъ.

Теперь, любезные друзья мои, сижу я на голубой Юрѣ, повыше городка Обоня — смотрю, и взоръ мой теряется въ безчисленныхъ

красотахъ видимой мною страны, освѣщаемой вечернимъ солнцемъ.

Все Женевское свѣтлое озеро какъ зеркало представляется глазамъ моимъ — по сю сторону множество городовъ, деревень, сельскихъ домиковъ, луговъ, лѣсочковъ и дорогъ, которыя одна другую пересѣкаютъ, расходятся и опять соединяются, и на которыхъ движутся люди какъ дѣятельные муравьи — а по ту сторону, на Савойскомъ берегу, страшныя скалы, нѣсколько хижинъ, и наконецъ гордая *бѣлая гора* въ снѣжной своей мантіи, въ алоцвѣтной коронѣ, красимой солнечными лучами, — какъ царица среди прочихъ окружающихъ ее горъ, высокихъ и гордыхъ, но передъ нею низкихъ и смиренныхъ. . . . Вознося къ небесамъ главу свою, она вопрошаетъ Европу: *что выше меня?* и Европа отвѣтствуетъ ей почтительнымъ молчаніемъ.

Насыщайся, мое зрѣніе! Я долженъ оставить сію землю. . . . Для чего же, когда она столь прекрасна? Построю хижину на голубой Юрѣ, и жизнь моя протечетъ какъ восхитительной сонъ!... Но ахъ! здѣсь нѣтъ друзей моихъ!

Величественный *рельефъ* Натуры! впечатлѣйся въ моей памяти! Увижу ли тебя еще разъ въ жизни моей, не знаю; но естьли огнедышущіе Вулканы не превратятъ въ пепелъ красотъ твоихъ — естьли земля не разступится подъ тобою, не осушитъ сего свѣтлаго озера, и не поглотитъ береговъ его — ты будешь всегда удивленіемъ смертныхъ! Можетъ быть дѣти друзей моихъ придутъ на сіе мѣсто: да чувствуютъ они, что я теперь чувствую, и Юра будетъ для нихъ незабвенна! —

Солнце закатилось; но горы блистаютъ. Темнѣетъ синяя твердь — еще сіяютъ три холма *бѣлой*

горы. Шумитъ вѣтеръ — облака показываются на западѣ, разливаются по небу, и мрачная завѣса скрываетъ отъ глазъ моихъ великолѣпную картину.

Обонь, 11 часовъ вечера.

Тавернье, возвратясь изъ Индіи съ великимъ богатствомъ, купилъ Обонское Баронство, и хотѣлъ здѣсь провести остатокъ дней своихъ. Но страсть къ путешествіямъ снова пробудилась въ душѣ его — будучи осьмидесяти четырехъ лѣтъ отъ роду, поѣхалъ онъ на край сѣвера, и скончалъ многотрудную жизнь свою въ столицѣ нашего Государства, въ 1689 году. Возвратясь въ Москву, я постараюсь найти гробъ сего примѣчанія достойнаго человѣка, которой объѣздилъ всю Европу и Азію, шесть разъ былъ въ Туре-

ціи, Персіи, Индіи, и все еще не насытился путешествіями. — Отецъ его торговалъ географическими картами; сынъ любилъ ихъ разсматривать, и часто говорилъ отцу: *Ахъ, батюшка! какъ бы хорошо было видѣть всѣ тѣ земли, которыя изображены здѣсь на бумагѣ!* Вотъ начало его страсти! —

Какое различіе въ судьбѣ человѣческой! Одинъ родится и умираетъ въ отцевской своей хижинѣ, не зная, что дѣлается за полями его; другой хочетъ все знать, все видѣть — и необозримые Океаны не могутъ ограничить его любопытства.

Въ человѣческой натурѣ есть двѣ противныя склонности: одна влечетъ сердце наше всегда къ *новымъ* предметамъ, а другая привязываетъ насъ къ *старымъ*; одну называютъ *непостоянствомъ*, *любовью къ новостямъ*, а другую *при-*

выкою. Мы скучаемъ единообразіемъ и желаемъ перемѣнъ; однакожь, разставаясь съ тѣмъ, къ чему душа наша привыкла, чувствуемъ горесть и сожалѣніе. Щастливъ тотъ, въ комъ сіи двѣ склонности равносильны! Но въ комъ одна другую перевѣситъ, тотъ будетъ или вѣчнымъ бродягою, вѣтренымъ, безпокойнымъ, мѣлкимъ въ духѣ; или холоднымъ, лѣнивымъ, нечувствительнымъ. Одинъ, перебѣгая безпрестанно отъ предмета къ предмету, не можетъ ни во что углубиться, дѣлается разсѣяннымъ, и слабѣетъ сердцемъ; другой, видя и слыша всегда *то же да то же*, грубѣетъ въ чувствахъ, и наконецъ засыпаетъ душею. Такимъ образомъ сіи двѣ крайности сближаются, потому что и та и другая ослабляетъ въ насъ душевныя дѣйствія. — Читайте Тавернье, Павла Люкаса, Шарденя и прочихъ славныхъ

путешественниковЪ, которые почти всю жизнь свою провели вЪ странствіяхЪ: найдете ли вЪ нихЪ нѣжное, чувствительное сердце? Тронутъ ли они душу вашу? — АхЪ, друзья мои! человѣкЪ, который десять, двадцать лѣтЪ можетЪ пробыть вЪ *чужихъ* земляхЪ, между *чужими* людьми, не тоскуя о тѣхЪ, сЪ которыми онЪ родился подЪ однимЪ небомЪ, питался однимЪ воздухомЪ, учился произносить первые звуки, игралЪ вЪ младенчествѣ на одномЪ полѣ, вмѣстѣ плакалЪ и улыбался — сей человѣкЪ никогда не будетЪ мнѣ другомЪ! —

Простите! Перо выпадаетЪ изЪ рукЪ моихЪ, и мягкая постеля манитЪ меня вЪ свои обЪятія.

Женева, 26 Ноября 1789.

Долго я не писалъ къ вамъ, друзья мои, для того что не могъ писать. Около двухъ недѣль мучила меня такая жестокая головная боль, какой я отъ роду не чувствовалъ, и которая не только не давала мнѣ за перо приняться, но даже и спать мѣшала. Опершись на столъ, просиживалъ я дни и ночи, почти безъ всякаго движенія, и закрывъ глаза. Добродушная хозяйка моя, Мадамъ Лажье, приводила ко мнѣ Доктора; но лекарства его не помогали.

Наконецъ благодѣтельная Натура сжалилась надъ бѣднымъ страдальцомъ, и сняла съ головы моей свинцовую тягость. Вчера я въ первой разъ вздохнулъ свободно, и въ первой разъ, вышедши на чистой воздухъ, поднялъ на небо глаза свои. Мнѣ казалось, что вся Природа радовалась со мною — я плакалъ какъ младенецъ, и узналъ,

что болѣзнь не ожесточила моего сердца — оно не разучилось наслаждаться, — чувствуетъ такъ же, какъ и прежде, и любезный образъ друзей моихъ снова сіяетъ въ немъ во всей своей ясности. Ахъ, милые! въ сію минуту исчезло раздѣляющее насъ пространство — я обнималъ васъ вмѣстѣ съ Натурою, вмѣстѣ съ цѣлою вселенною!

Исчезни воспоминаніе о прошедшей болѣзни! Я не хочу быть злопамятенъ противъ матери моей Природы, и забуду все, кромѣ того, чѣмъ она услаждаетъ чашу дней моихъ!

Женева, Декабря 1, 1789.

Нынѣ минуло мнѣ двадцать четыре года! Въ шесть часовъ утра вышелъ я на берегъ Женевскаго озера, и устремивъ глаза на

голубую воду его, думалъ о жизни человѣческой.

Друзья мои! дайте мнѣ руку, и пусть вихрь времени мчитъ насъ, куда хочетъ! — Довѣренность къ Провидѣнію — довѣренность къ той невидимой Рукѣ, которая движетъ и міры и атомы; которая бережетъ и червя и человѣка — должна быть основаніемъ нашего спокойствія.

Этотъ день хотѣлъ бы я провести съ вами; но какъ быть! — Стану хотя въ мысляхъ вами радоваться. И вы конечно вспомните нынѣ своего друга.

Вмѣстѣ съ Беккеромъ намѣренъ я обѣдать у Барона де Лю, а ужинать въ трактирѣ *золотыхъ вѣсовъ*, гдѣ у насъ будетъ веселой концертъ.

Женева.

Вы можетъ быть удивляетесь, друзья мои, что я по сіе время ничего не говорилъ вамъ о великомъ Боннетѣ, которой живетъ верстахъ въ четырехъ отъ Женевы, въ деревнѣ Жанту. Мнѣ сказали, что онъ весьма нездоровъ, глухъ и слѣпъ, и никого кромѣ ближнихъ родственниковъ не принимаетъ; по чему я не имѣлъ надежды видѣть сего славнаго Философа и Натуралиста. Но третьяго дня Г. Кела, свойственникъ его, вызвался самъ ѣхать къ нему со мною, увѣривъ меня, что посѣщеніе мое не будетъ ему въ тягость. Мы пріѣхали къ нему поутру, но не застали его дома: онъ прогуливался. Г. Кела велѣлъ ему сказать, что одинъ Руской путешественникъ желаетъ быть у него — и на другой день Боннетъ прислалъ звать меня. Въ назначенное время постучался я у

дверей сельскаго его домика, былЪ введенЪ вЪ кабинетЪ Философа, увидѣлЪ Боннета, и удивился. Я думалЪ найти слабаго старца, угнетеннаго бременемЪ лѣтЪ — обветшалую скинію, которой временный обитатель, небесный гражданинЪ, утомленный безпокойствомЪ тѣлесной жизни, ежедневно сбирается летѣть обратно вЪ свою отчизну — однимЪ словомЪ, развалины великаго Боннета. Что же нашелЪ? хотя старца, но весьма бодраго — старца, вЪ глазахЪ котораго блистаетЪ огонь жизни — старца, котораго голосЪ еще твердЪ и пріятенЪ — однимЪ словомЪ, Боннета, отЪ котораго можно ожидать второй *Палингенезіи* (*). ОнЪ встрѣтилЪ меня почти у самыхЪ дверей, и сЪ ласковымЪ взоромЪ подалЪ мнѣ руку свою. „Вы видите передЪ собою такого

(*) ТитулЪ одного изЪ его сочиненій.

человѣка, сказалъ я, которой съ великимъ удовольствіемъ и съ пользою читалъ ваши сочиненія, и которой любитъ и почитаетъ васъ сердечно." *Я всегда радуюсь*, отвѣчалъ онъ, *когда слышу, что сочиненія мои приносятъ пользу или удовольствіе благороднымъ душамъ*.

Мы сѣли передъ каминомъ, Боннетъ на большихъ своихъ креслахъ, а я на стулѣ подлѣ него. *Подвиньтесь ближе*, сказалъ онъ, приставляя къ уху длинную мѣдную трубку, чтобы лучше слышать: *чувства мои тупѣютъ*. Я не могу отъ слова до слова описать вамъ разговора нашего, которой продолжался около трехъ часовъ. Довольствуйтесь нѣкоторыми отрывками.

Боннетъ очаровалъ меня своимъ добродушіемъ и ласковымъ обхожденіемъ. Нѣтъ въ немъ ничего гордаго, ничего надменнаго. Онъ говорилъ со мною какъ съ

ровнымъ себѣ; и всякой комплиментъ мой принималъ съ чувствительностію. Душа его столь хороша, столь чиста и неподозрительна, что онъ всѣ учтивыя слова почитаетъ за языкъ сердца, и не сомнѣвается въ ихъ искренности. Ахъ! какая розница между Нѣмецкимъ ученымъ и Боннетомъ! Первой съ гордою улыбкою принимаетъ всякую похвалу какъ должную дань, и мало думаетъ о томъ человѣкѣ, которой хвалитъ его; но Боннетъ за всякую учтивость старается платить учтивостію. Правда, что бой между нами не могъ быть ровенъ: я говорилъ съ Философомъ, всему свѣту извѣстнымъ, и всѣми превозносимымъ; а онъ говорилъ съ молодымъ, обыкновеннымъ, неизвѣстнымъ ему человѣкомъ.

Боннетъ позволилъ мнѣ переводить его сочиненія на Руской языкъ. „Съ чего же вы думаете

начать?“ спросилъ онъ. Съ *Разсматриванія Натуры* (Contemplation de la Nature) отвѣчалъ я, которое по справедливости можетъ быть названо магазиномъ интереснѣйшихъ знаній для человѣка. — „Никогда не приходило мнѣ на мысль, сказалъ онъ, чтобы это сочиненіе было такъ благосклонно принято публикою и переведено на столько языковъ. Вы знаете (изъ предисловія къ Contemplation), что я хотѣлъ бросить его въ каминъ. Но переведя *Палингенезію*, вы переведете лучшее и полезнѣйшее мое сочиненіе. Ахъ, государь мой! въ нашемъ вѣкѣ много невѣрующихъ!“ — Ему непріятно, что на Англійской и Нѣмецкой языкъ переведено *Разсматриваніе Натуры* безъ его вѣдома. *Когда Авторъ еще живъ*, сказалъ онъ, *то надлежало бы у него спроситься.* — Спалланцаніеву переводу отдаетъ онъ преимущество передъ всѣми

прочими; а Нѣмецкимъ Переводчикомъ, Профессоромъ Тиціусомъ, весьма не доволенъ потому, что сей ученой Германецъ думалъ поправлять его, и собственныя свои мнѣнія сообщалъ за мнѣнія Сочинителевы. Я сказалъ Боннету, что Тиціусъ, не смотря на свою ученость, во многихъ мѣстахъ не понималъ его. На примѣръ, начало *Разсматриванія Натуры*: je m'éleve à la Raison Eternelle, перевелъ онъ: ich erhebe mich zu der ewigen Vernunft: грубая ошибка! Вмѣсто Vernunft надлежало бы сказать Ursache; подъ словомъ raison разумѣлъ Авторъ *причину*, а не *разумъ*. Боннетъ пожалъ плечами, услышавъ отъ меня о сей ошибкѣ.

Онъ любитъ Лафатера, хвалитъ его сердце и таланты, но не совѣтуетъ никому учиться у него Философіи. — Лафатеръ, будучи не давно въ гостяхъ у Боннета, вдругъ схватилъ съ него парикъ

и сказалъ сыну своему, которой пріѣхалъ вмѣстѣ съ нимъ: *смотри, Генрихъ! гдѣ ты увидишь такую голову, тамъ учись мудрости.*

Говоря о честолюбіи Авторскомъ, Боннетъ сказалъ: „Пусть Сочинители ищутъ славы! Трудяся для собственной своей выгоды, они приносятъ пользу человѣчеству; ибо премудрый Творецъ неразрывнымъ союзомъ соединилъ частное благо съ общимъ.“

Жанъ-Жака называетъ онъ великимъ Риторомъ, слогъ его музыкою, а Философію — воздушнымъ замкомъ. Будучи усерднымъ патріотомъ, Боннетъ не можетъ простить согражданину своему, что онъ въ Lettres ècrites de la Montagne не пощадилъ Женевскаго правительства.

„Въ цѣлой Европѣ, говоритъ Боннетъ, не найдете вы такого просвѣщеннаго города, какъ Женева; наши художники, ремесленники,

купцы, женщины и дѣвушки, имѣютъ свои библіотеки, и читаютъ не только романы и стихи, но и философическія книги."—И я могу сказать, что Женевскіе парикмахеры твердятъ наизусть цѣлыя тирады изъ Вольтера, и что Женевскія Дамы въ домѣ у Господина К*, слушаютъ съ великимъ вниманіемъ одного молодаго Графа, Мартенева друга, когда онъ изъясняетъ имъ тайну творенія.

Боннетъ вызвался словесно или письменно объяснять для меня тѣ мѣста въ своихъ сочиненіяхъ, которыя покажутся мнѣ темными; но я избавлю его отъ сего труда.

Почтенной старецъ проводилъ меня до крыльца. — Знаете ли, какъ въ просвѣщенной Женевѣ обыкновенно зовутъ его? *Инсектомъ* — для того, что онъ писалъ о насѣкомыхъ!

Женева, Генваря 23, 1790.

Въ здѣшней маленькой Республикѣ начинаются несогласія. Странные люди! живутъ въ спокойствіи, въ довольствѣ, и все еще хотятъ чего-то. Нынѣ слышалъ я патетическую проповѣдь, на текстъ: *естьли забуду тебя, о Іерусалимъ! то да забудетъ себя рука моя, и да прилипнетъ языкъ мой къ гортани моей, естьли ты не будешь главнымъ предметомъ моей радости* (*)! Разумѣется, что Іерусалимъ значилъ Женеву. Проповѣдникъ говорилъ о любви къ отечеству; доказывалъ, что Республика ихъ щастлива со всѣхъ сторонъ; что для соблюденія сего благополучія всѣмъ гражданамъ должно жить въ согласіи, и что на семъ общемъ согласіи основывается личная безопасность каждаго. Въ церкви было множество людей, а осо-

(*) По французскому переводу.

бливо женщинЪ, хотя РиторЪ обращался всегда кЪ братьямЪ, а не кЪ сестрамЪ. ВсѢ вокругЪ меня вздыхали, всѢ плакали — я самЪ несказанно былЪ тронутЪ, видя слезы красавицЪ, матерей и супругЪ.

ВотЪ письмо кЪ Боннету, писанное мною вчера поутру:

Monsieur,

Je prends la liberté de Vous écrire, parce que je crois qu'une petite lettre, quoique écrite en mauvais françois, Vous importunera moins qu'une visite qui pourroit interrompre Vos occupations quelques moments de plus.

J'ai relu encore une fois Votre *Contemplation* avec toute l'attention possible. Oui, Monsieur, je puis dire sans ostentation, que je me sens capable de traduire cet excellent ouvrage sans le défigurer,

ni même affoiblir beaucoup l'énergie de Votre style ; mais pour conserver toute la fraicheur des beautés, qui se trouvent dans l'original, il faudroit être un second *Bonnet*, ou doué de son génie. D'ailleurs notre langue, quoique fort riche, n'est pas assez cultivée, & nous avons encore très peu de livres de philosophie & de physique écrits ou traduits en russe. Il faudra faire de nouvelles compositions, & même créer de nouveaux noms, ce que les Allemands ont été obligés de faire, quand ils ont commencé à écrire en leur langue ; mais sans être injuste envers cette derniere, dont je connois toute l'énergie & la richesse, je dirai que la notre a plus de souplesse & d'harmonie. Le sentiment de l'utilité de mon travail me donnera la force necessaire pour en surmonter les difficultés.

Vous êtes toujours si clair, & Vos expressions sont si precises, que pour aprèsent je n'ai qu'à Vous remèrcier de la permission, que Vous avez bien voulu

me donner, de m'adresser à Vous, en cas que quelque chose dans Votre ouvrage m'embarassât. Si j'ai de la peine, ce sera de rendre clairement en russe ce qui est très clair en françois, pour peu que l'on sache ce dernier.

Je me propose aussi de traduire Votre *Palingénésie*. J'ai un ami (Mr. N. N. à Moscou), qui s'éstime heureux, ainsi que moi, d'avoir lu & medité Vos ouvrages, & qui m'aidera dans mon agréable travail; & peut être que dns l'instant même où j'ai l'honneur de Vous écrire, il s'occupe à traduire un chapitre de Votre *Contemplation* ou de Votre *Palingénésie*, pour en faire un present à son ami, à son retour dans sa patrie.

En presentant au Public ma traduction, je dirai: *je l'ai vu lui-même*, & le lecteur m'enviera dans son coeur.

Daignez agréer mes remerciments de l'accueil favorable que Vous avez eu la

bonté de me faire, & le respect profond, avec lequel je suis (*),

Monsieur,

Votre trés-humble & trés-obeissant serviteur

N. N.

(*) „Я осмѣливаюсь писать къ вамъ, „думая, что письмо мое обезпо„коитъ васъ менѣе, нежели посѣ„щеніе, которое могло бы на нѣ„сколько минутъ перервать ваши „упражненія.

„Съ величайшимъ вниманіемъ чи„талъ я снова ваше *Разсматриваніе* „*Натуры*, и могу сказать безъ тще„славія, что надѣюсь перевести его „съ довольною точностію; надѣюсь, „что не совсѣмъ ослаблю слогъ вашъ. „Но для того, чтобы сохранить „всю свѣжесть красотъ, находящих„ся въ подлинникѣ, мнѣ надлежало „бы имѣть Боннетовъ духъ. Сверьхъ „того языкъ нашъ хотя и богатъ, „однакожь не такъ обработанъ, какъ „другіе, и по сіе время еще весьма „немногія философическія и физи-

Вотъ отвѣтъ:

Genthod, Vendredi au soir, 22 Janvier, 1790.

Si je n'avois pas su, Monsieur, que vous êtes Russe de naissance, je ne m'en serois pas douté à la lecture de votre obligeante lettre. Vous maniez notre

,,ческія книги переведены на Ру-
,,ской. Надобно будетъ составлять
,,или выдумывать новыя слова, подо-
,,бно какъ составляли и выдумывали
,,ихъ Нѣмцы, начавъ писать на соб-
,,ственномъ языкѣ своемъ; но от-
,,давая всю справедливость сему по-
,,слѣднему, котораго богатство и
,,сила мнѣ извѣстны, скажу, что
,,нашъ языкъ самъ по себѣ гораздо
,,пріятнѣе. Переводъ мой можетъ
,,быть полезенъ — и сія мысль по-
,,служитъ мнѣ ободреніемъ къ пре-
,,одолѣнію всѣхъ трудностей.

,,Вы пишете такъ ясно, и вы-
,,раженія ваши такъ опредѣленны,
,,что на сей разъ я долженъ толь-
,,ко благодарить васъ за данное
,,мнѣ позволеніе, требовать у васъ

langue comme un François qui l'a cultivée, & je ne puis trop me féliciter d'avoir rencontré un Traducteur aussi capable que vous l'êtes de rendre bien son original. Vous ne rendrez sûrement pas moins bien la *Palingénésie* que la *Contemplation*,

,,изъясненія въ такомъ случаѣ, ,,естьли бы что нибудь показалось ,,для меня непонятнымъ въ *Разсматриваніи Натуры*. Можетъ быть, ,,трудно будетъ мнѣ выражать ясно ,,на Рускомъ языкѣ то, что на ,,Французскомъ весьма понятно ,,для всякаго, кто хотя не много ,, знаетъ сей языкъ.

,,Я намѣренъ переводить и вашу ,,*Палингенезію*. Одинъ пріятель мой, ,,живущій въ Москвѣ, такъ же какъ ,,и я любитъ читать ваши сочи-,,ненія и будетъ моимъ сотрудни-,,комъ; можетъ быть въ самую сію ,,минуту, когда имѣю честь писать ,,къ вамъ, онъ переводитъ главу ,,изъ *Разсматриванія* или *Палинге-,,незіи*.

,,Предлагая публикѣ переводъ мой,

& ces deux ouvrages vous devront un honneur auquel l'Auteur sera extremement sensible, celui d'être connus d'une Nation que votre patriotisme désire d'éclairer, & qui est très susceptible d'instruction.

J'ai, Monsieur, un plaisir à vous demander ; ce seroit d'accepter pour lundi prochain, 25 du courant, un petit diner philosophique dans ma retraite champêtre. Si ce jour peut vous convenir, je vous attendrois sur le midi, & nous nous entretiendrions ensemble d'un travail dont je vous suis si redevable. Veuillès me donner un mot de réponse.

Je suis charmé d'apprendre que vous

„скажу: *я видѣлъ Его самого*, и чи„татель позавидуетъ мнѣ въ сер„дцѣ своемъ.

„Изъявляя благодарность мою за „благосклонной пріемъ, которой вы „мнѣ сдѣлали, съ глубочайшимъ по„чтеніемъ имѣю честь быть" — „и проч.

ayez à Moscow un Ami inspiré par les mêmes vues qui vous animent, & la satisfaction qu'il goûte à me lire & à me méditer, m'en donne beaucoup à moi-même.

Agréez les assurances bien vraies des sentimens pleins d'estime & de considération avec lesquels j'ai l'honneur d'être,

Monsieur,

Votre très humble

& très obéissant serviteur,

Le Contemplateur d. l. Nature (*).

(*) Начало письма есть ничто иное, какъ одна Французская учтивость. —,,Я радуюсь, нашедши такого пе-,,реводчика: вы конечно хорошо пе-,,реведете и *Палингенезїю* и *Разсма-,,триванїе*. Авторъ будетъ вамъ весь-,,ма благодаренъ за то, что вы ,,познакомите съ его сочиненїями ,,такую нацїю, которую онъ ува-,,жаетъ.

,,Не можно ли вамъ въ понедѣль-,,никъ, то есть 25 числа сего мѣ-,,сяца, отобѣдать со мною *ло-фи-*

Женева, 26 Января, 1790.

День вчера был очень хорош, и я отправился в Жанту пѣшком; но скоро небо помрачилось, и сильной дождь принудил меня искать убѣжища. Я зашел в крестьянской домик, гдѣ многочисленное семейство сидѣло за обѣдом. Хозяин, узнав причину нечаяннаго посѣщенія моего, при-

,,*лософски* в сельском моем уединеніи? Естьли можно, то около ,,двѣнадцати часов буду ожидать ,,вас, и мы поговорим о том ,, трудѣ, которым вы намѣрены ,,обязать меня. Прошу об отвѣтѣ.

,,Мнѣ пріятно слышать, что у ,,вас есть пріятель, которой вмѣ-,,стѣ с вами любит просвѣщеніе, ,,и находит удовольствіе в чте-,,ніи моих сочиненій.

,,Увѣряя вас в моем почтеніи, ,,имѣю честь быть,

Государь мой,

Ваш покорный слуга
Созерцатель Натуры.

несъ мнѣ стулъ изъ другой горницы, и просилъ меня отвѣдать картофелей, сваренныхъ его женою. Я отвѣдалъ, похвалилъ, и положилъ вилку.—„Что же вы не ѣдите?"— Я иду обѣдать въ Жанту, къ Г. Боннету.—„Къ Господину Боннету? И такъ вы съ нимъ знакомы?"— Знакомъ, хотя очень недавно. — „Какой доброй человѣкъ! Всѣ поселяне любятъ его сердечно, а бѣдные называютъ отцомъ и благодѣтелемъ." — Развѣ онъ помогаетъ имъ? — „Конечно; никто еще не уходилъ отъ него съ печальнымъ лицемъ." — И такъ онъ много раздаетъ денегъ? — „Очень много; и сверьхъ того говоритъ всегда такъ ласково, такъ умно, такъ хорошо, что у всякаго слезы на глазахъ навертываются, и всякому хочется схватить и поцѣловать руку его."—*Правда, правда, батюшка!* сказалъ большой сынъ моего хозяина.

Правда, повторила молодая жена его, взглянувъ на мужа и на меня. — — Дождь пересталъ, и я пошелъ, изъявивъ благодарность мою гостепріимному и добросердечному поселянину. И такъ Женевской мудрецъ не только по сочиненіямъ, но и по дѣламъ своимъ есть другъ человѣчества!

Я нашелъ его въ саду; но онъ тотчасъ повелъ меня въ домъ, примѣтивъ на кафтанѣ моемъ слѣды дождевыхъ капель,— посадилъ въ кабинетѣ своемъ передъ каминомъ, и велѣлъ мнѣ грѣть ноги, боясь, чтобы я не простудился. Судите по сему объ искусствѣ его плѣнять людей! Но душа его родилась съ симъ искусствомъ— и естьли, по словамъ Виландовымъ, сочиненія Боннетовы заставляютъ читателей любить Автора, то милое обхожденіе его еще увеличиваетъ эту любовь. — Ни съ кѣмъ не говорю я такъ смѣло,

такъ охотно, какъ съ нимъ. И слова и взоры его ободряютъ меня. Онъ все выслушиваетъ до конца, во все входитъ, на все отвѣчаетъ. Какой человѣкъ!

„Вы рѣшились переводить *Разсматриванїе Натуры*, сказалъ онъ: начните же переводить его въ глазахъ Автора, и на томъ столѣ, на которомъ оно было сочиняемо. Вотъ книга, бумага, чернилица, перо.“ — Съ радостїю исполнилъ я волю его; съ нѣкоторымъ благоговѣнїемъ приближился къ письменному столу великаго Философа, сѣлъ на его кресла, взялъ перо его — и рука моя не дрожала, хотя онъ стоялъ за мною. Я перевелъ титулъ — первой параграфъ — и прочиталъ вслухъ. *Слышу и не понимаю*, сказалъ любезной Боннетъ съ усмѣшкою: *но соотечественники ваши будутъ конечно умнѣе меня. — Эта бумага*

останется здѣсь въ память нашего знакомства.

Онъ хотѣлъ знать, во сколько времени могу перевести Contemplation, въ какой форматъ буду печатать эту книгу, и самъ ли стану читать корректуру? Мнѣ очень пріятно было, что великой Боннетъ входилъ въ такія подробности; но еще пріятнѣе было для меня то, что онъ обѣщалъ мнѣ дать новыя, и самой Французской Публикѣ неизвѣстныя примѣчанія къ *Разсматриванію Натуры*, которыя написаны у него на карточкахъ, и въ которыхъ сообщаетъ онъ извѣстія о новыхъ открытіяхъ въ наукахъ, дополняетъ, объясняетъ, поправляетъ нѣкоторыя невѣрности, и проч. и проч. „Я человѣкъ (сказалъ онъ), и потому ошибался; не могъ самъ дѣлать всѣхъ опытовъ, вѣрилъ другимъ наблюдателямъ, и послѣ узнавалъ ихъ заблужденія. Стара-

ясь о возможномЪ совершенствѣ моихЪ сочиненій, поправляю всякую ошибку, которую нахожу вЪ нихЪ." — ОнЪ хочетЪ, чтобы я прислалЪ кЪ нему два экземпляра перевода моего: одинЪ для его собственной, а другой для Женевской публичной библіотеки.

Почтенный старецЪ бережетЪ слабые свои глаза, и почти ничего самЪ не пишетЪ, а все диктуетЪ Секретарю своему.

На вопросЪ, чью Философію преподаютЪ у насЪ вЪ МосковскомЪ Университетѣ? отвѣчалЪ я: Вольфову — отвѣчалЪ наугадЪ, не зная того вѣрно. *Вольфъ есть хорошій Философъ*, сказалЪ БоннетЪ: *но только онъ слишкомъ любитъ демонстрацію; я предпочелъ его методѣ аналитическую, которая гораздо вѣрнѣе и безопаснѣе.*

ВЪ часЪ мы сошли вЪ залу нижняго этажа, гдѣ готовЪ былЪ обѣдЪ, и гдѣ ждала насЪ Госпожа Бон-

нетъ, которая лѣтами моложе своего мужа, но здоровьемъ гораздо его слабѣе. Она также обласкала меня; и между тѣмъ, какъ Боннетъ ѣлъ супъ, хвалила мнѣ *тихонько* доброту его сердца. „О „его разумѣ, о его знаніяхъ пусть „судитъ Публика; но я знаю то, „что любовь его, добронравіе и „нѣжныя попеченія составляютъ „мое щастіе. Мнѣ кажется, что „безъ него я давно бы лишилась „жизни, будучи такъ слаба и нездо„рова; видя же его подлѣ себя, „терпѣливо переношу всѣ припад„ки всякую болѣзнь, и вмѣсто роп„танія изъявляю Небу благодар„ность мою за такого супруга.“ — О чемъ вы говорите? спросилъ Боннетъ, перемѣнивъ тарелку. *О хорошей погодѣ*, отвѣчала Госпожа Боннетъ, и утерла платкомъ глаза свои.

Я сидѣлъ между ими, какъ между Филемономъ и Бавкидою. Обѣдъ

былъ очень хорошъ, и такъ изобиленъ, какъ Природа, описанная хозяиномъ. — Когда мы пили кофе, пришелъ тотъ Датчанинъ, живописецъ, о которомъ говоритъ Боннетъ въ Contemplation, и которой живетъ у него въ домѣ. Онъ началъ разсказывать о болѣзни Гжи. Соссюръ, племянницы Боннетовой, и говоря по-Французски не очень хорошо, на третьемъ словѣ остановился, и нѣсколько времени не могъ сыскать выраженія. Почтенной старецъ сидѣлъ, приставя къ уху мѣдную трубку, и съ величайшимъ терпѣніемъ дожидался, пока живописецъ могъ изъясниться. Эта черта для меня характерна, и показываетъ кротость Боннетовой души, которая никого и ничѣмъ оскорбить не хочетъ.

Онъ вздумалъ проводить меня до Женевы, призвалъ кучера и велѣлъ ему закладывать карету.

Естьли бы вы видѣли, какими глазами смотрѣлъ на него этотъ кучеръ! и какимъ голосомъ отвѣчалъ ему: *слышу, доброй, любезной господинъ мой, слышу!* Всѣ домашніе любятъ его какъ отца.

Жалѣть ли о томъ, что онъ не имѣетъ дѣтей, которыя могли бы развеселить мрачную осень дней его? Но мудрецъ, дружелюбно бесѣдующій съ Геніемъ Натуры — мудрецъ, почитающій весь родъ человѣческой однимъ семействомъ, и трудами своими споспѣшествующій его просвѣщенію и благополучію — можетъ быть щастливъ и безъ сего удовольствія.

Гжа. Боннетъ любитъ и держитъ у себя птицъ всякаго рода: попугаевъ, чижей, горлицъ, и проч. „Не удивляюсь вашему вкусу, сказалъ я: кто не любитъ того, что бописано вашимъ супругомъ?" Боннетъ вслушался, и пожалъ руку мою. — „Однакожь знаете ли, ска-

залъ онъ, что я часто ссорюсь съ моею женою за книги? Вчера, на примѣръ, былъ у насъ великой споръ о Письмахъ дю-Папи (*): слогъ ихъ кажется ей прекраснымъ, а мнѣ фигурнымъ и принужденнымъ; она находитъ въ нихъ сердечное краснорѣчіе, а я — однѣ антитезы" — Гжа. Боннетъ смѣялась, и говорила, что Сочинитель *аналитическаго опыта*, (**) не всегда чувствуетъ красоты пінтическія. — Они довезли меня въ своей каретѣ до самыхъ городскихъ воротъ. —

По сіе время здѣсь нѣтъ зимы, и дни бываютъ такъ ясны и теплы, какъ у насъ въ исходѣ Августа или въ началѣ Сентября, хотя во всей Женевѣ безпрестанно пылаетъ огонь въ каминахъ. Только одинъ разъ шелъ снѣгъ, и че-

(*) Lettres sur l'Italie.
(**) Essai analytique sur l'ame.

резъ нѣсколько часовъ растаялъ; но всѣ вершины горъ имъ покрыты. Видъ странной! Вверьху сѣдая зима со всѣми своими ужасами, а внизу ясная осень.

На сихъ дняхъ познакомился я съ Господиномъ Ульрихомъ, Цирихскимъ урожецомъ, которой природно-глухихъ и нѣмыхъ учитъ говорить, читать и писать. Онъ живетъ здѣсь въ домѣ одного богатаго человѣка, у котораго есть нѣмая дочь, дѣвушка лѣтъ тринадцати, прекрасная собою. Посредствомъ его искусства и стараній начинаетъ она уже изъясняться и разумѣть другихъ. Сперва — показывая ей, какъ для всякаго слова надобно растворять ротъ, двигать языкъ и губы — научаетъ онъ ее произношенію тоновъ, а по томъ знаками изъясняетъ ей смыслъ ихъ. Когда другіе люди говорятъ не скоро и произносятъ извѣстныя ей слова,

то она по движенію губъ понимаетъ ихъ. Все это очень чудно. Сколько есть отвлеченныхъ идей, которыхъ, кажется, никакъ не льзя изъяснить знаками! Третьяго дня былъ я въ гостяхъ у сего Ульриха. При мнѣ говорилъ онъ съ своею ученицею, и такъ свободно, какъ со всякимъ другимъ. Она разумѣла и нѣкоторыя изъ моихъ словъ, и отвѣчала мнѣ довольно хорошо; только въ голосѣ ея есть нѣчто дикое и непріятное, чего уже никакъ не льзя поправить. Она пишетъ очень чисто, и съ наблюденіемъ орѳографіи. Мать ея велитъ ей записывать, что съ нею всякой день случается. Ульрихъ показывалъ мнѣ этотъ журналъ, писанной складно, но только слишкомъ отрывисто. Она чрезвычайно любитъ своего учителя, и ласкается къ нему болѣе, нежели къ отцу и къ матери. Въ журналѣ ея между про-

чимъ замѣтилъ я слѣдующее: *Госпожа* N. N. *звала меня къ себѣ въ гости — я не пошла къ ней — она не звала моего учителя.*—Ульрихъ ѣздилъ въ Парижъ за тѣмъ только, чтобы видѣться съ Аббатомъ л'Епе, которой завелъ тамъ особливое училище для нѣмыхъ. Чему дивиться болѣе: разуму ли учителя, или понятію учениковъ? Конечно сему послѣднему; но все вмѣстѣ заставляетъ меня удивляться способностямъ души человѣческой.

На сихъ же дняхъ узналъ я и молодаго Верна. Вамъ извѣстны его *Франсіада* и Voyageur sentimental, въ которыхъ много хорошаго и трогательнаго. Онъ обѣдаетъ иногда въ нашемъ пансіонѣ.

КОНЕЦЪ ТРЕТЬЯГО ТОМА.

Опечатки въ Третьемъ Томѣ.

Стран.	*строк.*	*напечатано:*	*читай:*
19 —	9	часть я домика	часть домика
30 —	16	600000	60000
60 —	2	ы	мы
78 —	7	хто	что

Опечатки въ Четвертомъ Томѣ.

Стран.	*строк.*	*напечатано:*	*читай:*
36 —	14	Палигенезіи	Палингенезіи
170 —	8	называемылъ	называемыхъ
219 —	19	n eclats	en éclats
250 —	3	смѣслѣ	смыслѣ
251 —	7	намъ	вамъ
297 —	4	состотъ	состоитъ

